

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

А. К. ВОРОНСКИЙ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С СОВЕТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

Вступительная статья и публикация Е. А. Динерштейна

Вопрос: Какую работу считаете наиболее подходящей для себя?

Ответ: Редакционную.

Из анкеты Воронского (1922 г.)¹

Луначарский считал Воронского одним «из образованнейших и наиболее глубоких представителей нашего художественного или научно-художественного коммунистического мира»; Вяч. Полонский полагал, что за ним «в истории советской литературы должно укрепиться имя Ивана Калиты»². Даже его литературные противники вынуждены были признать, что созданный им журнал «Красная новь» в первые годы своего существования шел «впереди нашей литературы»³.

Профессиональный революционер, чьими «университетами» стали тюрьмы и ссылки, он был наделен природой ярким литературным талантом и обладал громадной работоспособностью. Еще в стенах бурсы за ним прочно укрепилось ироническое и в то же время почтительное прозвище «писатель». Но путь в литературу оказался тернистым и долгим. Первыми увидевшими свет произведениями Воронского стали листовки, отпечатанные на самодельном гектографе.

Старый большевик Сергей Васильевич Малышев вспоминал, как в 1905 г. на явку Петербургского комитета партии, который в тот момент представляли они с Марией Ильиничной Ульяновой, с рекомендацией от Тамбовской организации пришел юноша, твердо заявивший, что хочет посвятить себя служению Революции. Несмотря на уговоры по-времени, «парень ершился, шумливо требовал предоставить ему работу в партии...»⁴. Увидев, что обратно его не повернешь, Малышев решил познакомиться с ним поближе. И не ошибся в своих расчетах. Отныне работа в партийных организациях Петербурга, Свеаборга, Владимира, Москвы, Екатеринослава, Одессы, Николаева и других городов Российской империи знаменовала этапы жизненного пути товарища Валентина.

Александр Константинович Воронский родился 27 августа ст. ст. 1884 г. в селе Хорощавка Кирсановского уезда Тамбовской губернии⁵. Отец его, Константин Иосифович, был священником в местной церкви, мать, Феодосия Гавриловна, после смерти мужа преподавала в Тамбовском женском епархиальном училище. Фамилию его предкам дала небольшая речушка Ворона, протекавшая по тамбовской земле, где испокон веков они имели свои приходы. Ту же судьбу предназначали родители и Александру Воронскому, определив его в Тамбовскую духовную семинарию. Но при переходе в последний, шестой класс Училищный совет исключил его «без балла поведения за буйство, вредное в политическом отношении...»⁶. К этому времени он был уже тесно связан с местной социал-демократической организацией и твердо наметил для себя жизненную дорогу.

За годы революционной деятельности Воронский проявил себя незаурядным пропагандистом и организатором. Начинал «товарищ Валентин» с работы в Василеостровской партийной организации Петербурга (1905) и Финляндской партийной организации, подготовившей Свеаборгское восстание (весна 1906 г.). Вместе с Марий Ильиничной

Ульяновой и С. Кржижановским был руководителем Саратовской партийной организации. Сохранилось немало и других свидетельств о годах его пребывания в подполье⁷.

Особую роль в жизни Воронского сыграла Пражская партийная конференция 1912 г., на которой он встретился с В. И. Лениным. Как известно, Воронский вел протоколы конференции, баллотировался в члены ЦК, но собрал на один голос меньше, чем Ф. И. Голощекин. По заданию Владимира Ильича он вернулся в Россию с целью разъяснения решений конференции в ряде местных организаций партии, и, выданный провокатором, в очередной раз оказался за тюремной решеткой. О перипетиях своего пути в поисках «живой воды» Воронский рассказал в неоконченной книге воспоминаний⁸.

После Великой Октябрьской революции Александр Константинович — один из руководителей Одесской и Ивановской губернских партийных организаций, ответственный редактор местных газет, член ВЦИК трех созывов, участник советской делегации, подписавшей мирный договор с Румынией. Но где бы, на какой работе ни находился Воронский, он не забывал о своем призвании. Еще в 1911 г., находясь на нелегальном положении, он сотрудничает в газете «Евпаторийские новости» и в одесской газете «Ясная заря», редактором которой был В. В. Воровский (одна из статей, опубликованных на ее страницах, была посвящена М. Горькому)⁹. В 1918—1920 гг. Воронский весьма интенсивно печатается в ивановской газете «Рабочий край»¹⁰. Но по-настоящему его литературное дарование раскрылось в годы сотрудничества в «Правде», «Красной нови», «Проектре» и ряде других столичных изданий.

Известно, что о Воронском высокого мнения был Ленин, считавший его «старым, надежнейшим партийцем». Именно такими словами он характеризовал Воронского, направляя одно из его писем 1919 г. в военное ведомство¹¹. Владимир Ильич знал и о его влечении к литературной деятельности и об организаторских способностях: редактировавшийся им «Рабочий край» был аттестован Отделом печати ЦК РКП(б) как одна из лучших провинциальных газет¹². Да и Горький, со своей стороны, указывал Ленину на эту газету как на центр, вокруг которого группируются настоящие пролетарские поэты¹³.

Острая нехватка партийных литературных кадров обусловила перевод Воронского в Москву. З февраля 1921 г. Н. К. Крупская подписала приказ о назначении его заведующим редакционно-издательским подотделом Главполитпросвета. В марте 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило его членом коллегии агитационно-пропагандистского отдела Госиздата, а в январе 1922 г. он был введен в состав членов редколлегии издательства, вначале как временный, а затем и постоянный заместитель ее председателя. Некоторое время он заведовал и литературным отделом «Правды» (см. п. 7). В Госиздате Воронский работал до лета 1924 г. (получив в июне трехмесячный отпуск для лечения, он уже больше туда не возвратился). Все это время (с некоторым перерывом в 1923 г.) он ведал литературно-художественным отделом издательства. Причем под его непосредственной опекой находился выпуск советской художественной литературы.

Предложение издавать «толстый» литературно-художественный и общественно-политический журнал «Красная новь» Воронский обосновал 5 февраля 1921 г., выступая перед руководством Главполитпросвета¹⁴. Внимание и личное участие Ленина, на квартире которого в Кремле проходило первое организационное собрание редакции «Красной нови», предрешили успех дела¹⁵. В чрезвычайно сжатые сроки Воронскому удалось подготовить первый номер и в начале апреля 1921 г. сдать в набор. Редакция журнала была полностью автономна: наравне с другим журналом Госиздата «Печать и революция», «Красная новь» была освобождена от предварительного просмотра материала в редакционном секторе издательства.

Новый журнал быстро завоевал популярность. Приветствуя появление «Красной нови», рецензент журнала «Печать и революция» писал, что «это очень крупная победа на нашем литературном фронте... Благодаря огромной энергии и несомненному редакторскому таланту тов. А. Воронского, технические и иные препятствия преодолены»¹⁶. Мнение рецензента разделяли представители различных литературных течений. В том числе и будущие противники Воронского. Дм. Фурманов восторженно отзывался о первых книжках «Красной нови»: «Объемистый и содержательный журнал Главполитпросвета уже за короткое время своего существования (вышло всего три номера) успел заслужить внимание и симпатии всей нашей мыслящей и читающей публики. Умелая организаторская рука незаурядного редактора сумела при величайших затруднениях объединить вокруг журнала все лучшее, что только имеется в литературном и научном резерве

А. К. ВОРОНСКИЙ

Фотография. Липецк. Сентябрь 1929 г.

Семейный архив Г. А. Воронской, Москва

Республики: журнал пестрит большими именами, изобилуя статьями первого и второстепенного значения»¹⁷.

Пройдет ряд лет и, поздравляя Вяч. Полонского с успехами редактируемого им «Нового мира», Луначарский в своей оценке журнала отметит: «На мой взгляд (думаю, что я не преувеличиваю), «Новый мир» сейчас любопытнее даже (разрядка наша.— Е. Д.) «Красной нови»¹⁸. Это «даже» — красноречивое свидетельство того, сколь высок был авторитет «Красной нови» в глазах современников.

«Красная новь» не являлась пионером советской журналистики. До ее выхода было сделано несколько попыток возродить практику издания литературно-художественных журналов. «Пламя», «Творчество», «Художественное слово» наряду с групповыми журналами Пролеткульта, выпускавшимися в центре и на местах, активно противостояли органам внутренней эмиграции. И тем не менее существовали они недолгое время, не оставив заметного следа в памяти своих современников. Неудачу, постигшую организаторов этих журналов, нельзя объяснить лишь одними техническими трудностями, хотя последние многое и определили в их судьбе. Все эти издания были предприняты прежде, чем создались объективные предпосылки к их выпуску. Первые советские журналы не имели ни целостной эстетической программы, ни авторского актива, ни своего постоянного читателя. Старые писатели в большинстве своем выжидательно молчали, публикуя случайные вещи, часто не имеющие никакой связи с современностью. Новые были слишком малочисленны. Советская литература делала еще только первые шаги.

«Красная новь» возникла в более подходящий момент.

С введением нэпа в стране оживилась деятельность частных и кооперативных издательств, появилось несколько частных журналов. Возникла опасность оживления буржуазной идеологии. Необходимо было привлечь на свою сторону все лучшее, чем располагала в те дни русская литература, объединить, как тогда говорили, на советской платформе всех писателей, сочувствующих новой власти, независимо от принадлежности к той или иной литературной школе. В организационном плане такую роль в известной мере выполнял московский Дом печати, в творческом — журнал «Красная новь». Однако «Красная новь» в начале своего существования была журналом не столько литературно-художественным, сколько общественно-политическим. Художественный отдел составлял всего лишь одну пятую часть материалов журнала¹⁹.

Если в отделах политico-экономическом, научном, критическом первого номера были напечатаны статьи таких авторов, как В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Н. Л. Мещеряков, А. К. Тимирязев, то отдел художественного слова не блестал именами. Тогда еще не писатель шел к Воронскому, а Воронскому приходилось искать своих будущих авторов. Н. Никитин, например, вспоминал, как, будучи еще совсем безвестным литератором, он однажды утром был разбужен каким-то человеком, пожелавшим познакомиться с ним и его друзьями из кружка «Серапионовы братья». Незнакомец оказался редактором «Красной нови», приехавшим в Петроград, чтобы на месте получить материал для журнала²⁰.

Как представлял свои задачи сам Воронский, приступая к редактированию журнала? Новое время требовало новых песен. Воронский собирал не просто литературу. На страницах произведений, печатавшихся в «Красной нови», находили отражение Революция и Новь, рождennaya этой революцией. В строчки и страницы должна была войти современная жизнь со всеми ее достижениями и противоречиями, трудностями и темными сторонами быта. Кто должен был это сделать? На кого следовало делать ставку? И Воронский отвечал: «Вести (...) идейную борьбу должна новая литературная молодежь, вышедшая по большей части из рядов рабоче-крестьянской интеллигенции. Такая литературунная молодежь у нас есть»²¹.

О первых результатах этой своей работы по выявлению новых литературных сил Воронский сообщает В. И. Ленину в письме от 21 апреля 1922 г.: «В противовес «старикам», почти сплошь белогвардейцам и нытикам, я задался целью дать и «вывести» в свет группу молодых беллетристов — наших или близких нам. Такая молодежь есть. Кое-каких результатов я уже добился. Дал Всеволода Иванова — это уже целое литературное событие, ибо он крупный талант и наш. Есть у меня С. А. Семенов, Зуев, Либединский, Н. Никитин, Федин и др. Все это молодежь — самый старший В. Иванов 27 лет, все они из Красной Армии, из подлинных низов, с красноармейскими звездами. Твердо уверен, что через год-два эта зелень совсем окрепнет и займет места Чириковых и прочих господ и займет с честью. Против «стариков» я организую молодежь. Это нужно; обстоятельства складываются так, что беллетристика в ближайшее время будет играть очень большую роль — такие времена. Таланты из низов прямо прут — им только надо дать ходу и сорганизовать идейно»²².

Не в пример идеологам Пролеткульта и им подобным, Воронский понимал под словами «наших или близких нам» не писателей, связанных общностью пролетарского происхождения или принадлежностью к определенной литературной группировке, а людей, объединенных своим отношением к революции и Советской власти. Вот почему «нашими» были для него и коммунисты Либединский и Семенов, и беспартийные Бабель и Федин. Критерием оценки произведений и пролетарского писателя, и попутчика должны были служить лишь идеальная направленность произведения и талант автора.

Воронский откровенно ориентировался на молодежь, но он прилагал максимум усилий, чтобы привлечь к журналу и литераторов старшего поколения. Весьма знаменательно, что первый номер открывался произведениями молодого, почти никому тогда неведомого Всеволода Иванова и старшего крестьянского писателя Семена Павловича Подъячева. По инициативе Воронского, в конце 1921 г. редактором художественного отдела был приглашен В. В. Вересаев, имя которого было весьма авторитетно для многих его коллег. И действительно, вскоре читатели «Красной нови» могли познакомиться с новыми произведениями А. Н. Толстого, М. М. Пришвина, М. А. Волошина, самого Вересаева и ряда других известных писателей.

Наряду с журналом Воронский вскоре организует и литературные сборники. Появ-

ляются альманахи «Наши дни», как бы дополняющие «Красную новь». Но этого было еще недостаточно, чтобы оказать в полной мере помощь развитию молодой советской литературы и чтобы противостоять активизировавшемуся при непре частному книгоизданию с его продукцией развлекательно-бульварного характера, а также с альманахами и журналами сменовеховских или откровенно оппозиционных по отношению к советской действительности литераторов.

Ограниченные технические возможности не позволяли в то время Госиздату увеличить выпуск художественной литературы. С горечью отмечая тяжелое положение книжного дела в Советской России, Воронский писал о необходимости его реформирования: «Писатель не может издавать своих произведений, если даже они далеко стоят от белогвардейщины... Происходит это, помимо общих известных причин (разруха, отсутствие бумаги, краски и т. д.), иногда и от идеиного обскурантизма, и от непонимания и неумения, и от ошибок организационного характера. Едва ли правильно стремление сосредоточить все или почти все издательское дело в руках Госиздата: это непосильная задача в данное время для государства»²³.

По первоначальному плану, изложенному Воронским на заседании Главполитпросвета 14 февраля 1922 г., предполагалось организовать ряд объединений писателей «советского направления», параллельно которым следовало создавать несколько кооперативных литературно-художественных издательств²⁴.

Проявленная инициатива встретила полную поддержку Агитационно-пропагандистского отдела ЦК, который созвал 21—23 февраля 1922 г. под председательством Я. А. Яковleva совещание представителей всех заинтересованных организаций. Основными докладчиками выступили Воронский и председатель редакционной коллегии Госиздата Н. Л. Мещеряков.

В основе выступления Воронского лежала мысль о необходимости «сплочения близко стоящих к нам писателей». Докладчик считал, что «только таким путем мы сможем повести идейную борьбу на книжном рынке».

Предложения Воронского были приняты. В специальной резолюции «О мерах объединения и поднятия работы издательств близких нам групп» говорилось о том, что Госиздат должен всячески поддерживать группу пролетарских писателей, «Серапионовых братьев» (при условии их неучастия в «реакционных издательствах»), «Центрифугу» (кроме руководителя С. Боброва в объединение входили тогда такие писатели, как Б. Пастернак и С. Буданцев), группу В. Маяковского, в которой особо выделялись имена Н. Асеева и С. Третьякова. Намечались и некоторые другие меры²⁵.

Насколько важна была тема совещания, можно судить по тому факту, что буквально через три дня — 27 февраля — Оргбюро ЦК РКП(б) рассмотрело его рекомендации. В развернутом решении «О борьбе с мелкобуржуазной идеологией в области литературно-издательской», принятом по выступлениям Яковлева и Воронского, предложения Агитпропа нашли полную поддержку. На следующий день президиум редакционно-издательской коллегии Главполитпросвета, в который входил и Воронский, реализуя принятые постановление, поручил ему организовать кооператив советских издательств, органом которого должен был стать новый еженедельник²⁶.

В дальнейшем от создания такого издательского объединения пришлось отказаться, передав инициативу его организации Госиздату. Видимо, из-за этого выпуск «тонкого» литературного журнала несколько задержался. Зато в 1923 г. их появилось сразу три: «Красная нива» (с января), «Прожектор» (с февраля), а затем «Огонек» (с апреля). Одним из редакторов «Прожектора», издававшегося при газете «Правда», стал Воронский.

6 июля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) образовало под председательством Я. А. Яковлева специальную «Комиссию по организации писателей и поэтов в самостоятельное общество», в работе которой наряду с другими приняли активное участие Воронский, Мещеряков и П. И. Лебедев-Полянский. С самого начала комиссия решила при организации беспартийного общества использовать фактически существующую группу «Красной нови». К совместной работе было призвано необходимым привлечь более широкие слои писательской общественности, чем это было сделано на февральском совещании в Агитпропе: и «старых писателей», примкнувших к Революции в первый же ее период (таких, например, как Брюсов и Горький), и пролетарских писателей, группирующихся вокруг различных ассоциаций, и футуристов, и имажинистов, и «Серапионовых братьев», и группу колеблющейся, политически не оформленной, но талантливой молодежи. Для

того чтобы придать этой ассоциации деловые формы и избежать возможной бюрократизации, было решено «идти к организации общества через издательство». Инициативную группу составили Воронский, Н. Асеев, В. Брюсов, Вс. Иванов, Н. Ляшко, Б. Пильняк. 26 июля 1922 г. специальная литературная комиссия, созданная Политбюро ЦК РКП(б), назначила Воронского ответственным за организацию нового издательства, названного по его предложению «Круг»²⁷.

Литературно-эстетическая платформа «Круга» в основном совпадала с позицией «Красной нови». В декларации, написанной, правда, значительно позднее, но содержащей программу, всегда близкую «Кругу», говорилось, что основная задача творчества писателей — отражение «нового быта Советской России и тех социальных, психологических и идеинных явлений, которые обусловили собою зарождение новых форм общественных отношений». Декларация особо оговаривала, что «художественные приемы, применяемые писателями для осуществления этой литературно-общественной программы, могут быть разнообразны, в зависимости от индивидуальности того или иного автора», но «Круг» считает наиболее близкой себе такую интерпретацию, в основе которой лежит «реалистическое мироощущение и миропонимание»²⁸.

Декларацию подписали почти 40 крупнейших советских писателей, в их числе М. Горький, Н. Асеев, И. Бабель, А. Веселый, Ф. Гладков, М. Зощенко, Вс. Иванов, В. Каверин, В. Казин, И. Касаткин, Л. Леонов, Н. Ляшко, А. Малышкин, Н. Никитин, А. Новиков-Прибой, Н. Огнев, Б. Пастернак, М. Светлов, Л. Сейфуллина, И. Сельвинский, И. Соколов-Микитов, Н. Тихонов, К. Федин, А. Чапыгин, В. Шишков. Большинство этих лиц сотрудничало и в «Красной нови». Среди подписавших декларацию было и двое видных деятелей РАПП — В. Саянов и А. Фадеев.

Деятельность «Красной нови» и «Круга» развивалась успешно, однако их работа и положение их редактора чрезвычайно осложнялись и затруднялись той групповой борьбой, которая разгорелась в эти годы на литературном фронте. Особенно ожесточенно нападали на Воронского претендовавшие на гегемонию в литературе члены группы «На посту» (1923—1925), а позднее лидеры Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП).

Полемика напостовцев и рапповцев с Воронским затрагивала целый ряд вопросов, в частности, о значении художественного наследия, о пролетарской литературе и о роли творческого вклада в советскую литературу писателей, которых принято было объединять понятием «попутчики».

Если напостовцы резко противопоставляли пролетарскую литературу всей остальной и возражали даже против понятия «советская литература» (Семен Родов утверждал, например: «Никакой советской литературы нет и быть не может. Литература всегда классовая и поэтому может быть или пролетарской, или непролетарской»²⁹), то Воронский в пылу полемики выдвинул не менее ошибочный антитезис: «Пролетарского искусства нет и быть не может в переходную эпоху диктатуры пролетариата»³⁰.

Тем самым Воронский дал основание упрекать его в том, что он по выражению Луначарского, «переоценил правый фланг попутчиков и несомненно недооценил молодую поросль пролетарской культуры»³¹. Можно говорить об известной недооценке им таких этапных произведений советской литературы, как «Чапаев» Фурманова, «Железный пост» Серафимовича, поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

Однако было бы несправедливо не видеть, что в орбиту внимания Воронского как критика и редактора входило и многое из созданного пролетарскими писателями. Он высоко оценивал поэзию Демьяна Бедного предреволюционных лет и периода гражданской войны, сочувственно писал о рабочих поэтах Иваново-Вознесенского края, о творчестве ряда поэтов и прозаиков «Кузницы». Что же касается авторов, принадлежавших к раппovской группе, то повесть Либединского «Неделя» увидела свет на страницах редактировавшегося Воронским альманаха «Наши дни», а роману Фадеева «Разгром» он дал весьма положительную оценку в рецензии, опубликованной в «Проекторе» (1927, № 7).

Воронский имел право сказать о себе, что «ни в практической работе, ни в теоретической» он «не старался воздвигать искусственных средоточий между пролетарскими писателями и попутчиками». В отличие от раппovских критиков он стремился подчеркнуть общность черт, присущих лучшим произведениям советской литературы, черт, являющихся, по его выражению, «результатом воздействия на писателя Октябрьского — экономического, политического и культурного — ренессанса»³². Поэтому Воронский пре-

доставлял страницы «Красной нови» писателям разных направлений, писателям, в творчестве которых он видел эти черты.

Действительно, в журнале печатались и члены группы «Кузница», и крестьянские писатели и поэты, и лефовцы, и конструктивисты, и «серапионы», и молодняк из «Перевала», и многие писатели, коммунисты и беспартийные, не входившие ни в какие группировки. Столь широкое представительство свидетельствует о стремлении Воронского привлечь к журналу почти все наиболее талантливое, чем располагала тогда советская литература. Понятно, что Луначарский, не разделявший некоторых взглядов Воронского, писал, осуждая рапповские нападки на него: «В общем, т. Воронский держался той же линии, которой держится Наркомпрос и которую я считаю единственной правильной линией, в общем и целом фактически одобренной партией»³³.

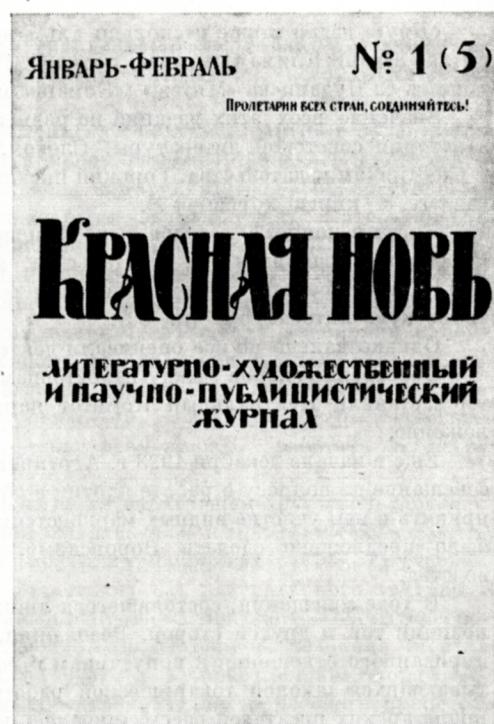
В «Красной нови» в 1921—1927 гг. появились такие значительнейшие произведения советской литературы, как «Мои университеты», «Дело Артамоновых» и «Жизнь Климова Самгина» (первые главы) М. Горького, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Цемент» Ф. Гладкова, «Перемена» М. Шагиняна, «Барсуки» Л. Леонова, «Виринея» Л. Сейфуллиной, «Конармия» и «Одесские рассказы» И. Бабеля, «Аэлита» и «Голубые города» Ал. Толстого, «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева, «Кашеева цепь» М. Пришвина, «Разин Степан» А. Чапыгина, «Зависть» Ю. Олеши, «Анна Снегина» и «Русь Советская» С. Есенина, «Дума про Опанаса» Э. Багрицкого, «Сами» и баллады Н. Тихонова, стихи В. Маяковского и Н. Асеева... За шесть лет редакторства Воронского на страницах журнала успели выступить 75 беллетристов, 104 поэта и 101 критик. По тем временам это были значительные цифры, свидетельствующие о весьма серьезных достижениях журнала.

«Я вообще умею ценить человеческую работу,— писал Горький в одном из своих писем к Воронскому,— и вы можете быть уверены, что я хорошо представляю себе, каких трудов стоило вам поставить журнал так, как вы это сумели сделать, я чувствую, как много сил тратите вы, чтоб удержать его на этой высоте. Я внимательно слежу за вашей полемикой с «На посту», за хулиганскими выходками Лефа и лично к вам имею чувство искреннего уважения». И позднее Горький продолжал считать, что «заслуга *(Воронского)* перед новой русской литературой так же неоспорима, как поучительна» его энергия. «Вами,— писал Горький своему корреспонденту,— создан самый лучший журнал, какой возможно было создать...»³⁴.

К заслугам Воронского следует причислить и результаты деятельности «Круга».

В каталоге издательства, подводившем итоги пятилетней работы (1922—1927), были перечислены наиболее значительные вещи, вышедшие под его маркой. Здесь были названы сборники рассказов И. Бабеля, Е. Зозули, Вс. Иванова, В. Каверина, Л. Леонова, Н. Ляшко, Н. Никитина, Н. Огнева, А. Перегудова, Б. Пильняка, М. Слонимского, К. Трепсона, А. Толстого, К. Федина, О. Форш, двухтомник М. Пришвина, повести А. Малышкина, П. Низового, А. Новикова-Прибоя, Л. Сейфуллиной, В. Шишкова, роман А. Белого «Москва», «Разин Степан» А. Чапыгина.

Поэзии в планах издательства уделялось меньше внимания, чем прозе. Тем не менее издательство сумело выпустить три сборника стихотворений Маяковского, изданное Асеева и Есенина, «Брагу» Тихонова, «Рабочий май» Казина, «Улялаевщину» Сельвинского, изданное Мандельштама!.

ЖУРНАЛ «КРАСНАЯ НОВЬ», 1922, № 1/5

Обложка

«Круг» издал также несколько альманахов, на страницах которых увидели свет главы из «Жизни Клима Самгина», поэма Б. Пастернака «Спекторский», рассказы Зощенко, повесть С. Буданцева «Мятеж» («Командарм») и др.

Значение всех этих изданий не равноценно, но каждое из них завоевало свое место в истории советской литературы. Словом, сделано было немало. Обращаясь в 1925 г. к работникам издательства, Горький писал: «Разрешите искренно похвалить вас: хорошо издаете и книги хорошие»³⁵.

Когда в конце 20-х годов было решено слить «Круг» с издательством «Федерация», Воронский, сравнивая оба издательства, имел основание прийти к выводу, что «Круг» был куда интересней, содержательней и революционней: он все же делал новую пооктябрьскую литературу» (п. 80).

Однако далеко не все оценивали деятельность Воронского так, как Горький.

Обострение споров между напостовцами и Воронским, их затяжной и резкий характер заставили Центральный Комитет партии обратить внимание на создавшееся положение.

Еще в начале декабря 1923 г. Агитпропотдел ЦК РКП(б) решил созвать специальное совещание по вопросу о работе партии в области художественной литературы, пригласив принять в нем участие видных марксистских критиков. Один из двух основных докладов было предложено сделать Воронскому, второй — представителю вапповского руководства.

В ходе совещания, состоявшегося лишь в мае 1924 г., выявились наиболее уязвимые позиции той и другой сторон. Резолюция, принятая совещанием, требовала дифференцированного отношения к попутчикам и поддержки «наиболее даровитых из них, воспитывающихся школой товарищеской работы совместно с коммунистами». Работа среди пролетарских писателей рассматривалась как основная задача партии в области художественной литературы. Чтобы предупредить неверные толкования принятого решения, в резолюции черным по белому указывалось, что «ни одно литературное направление, школа или группа не могут и не должны выступать от имени партии»³⁶. Но, как справедливо было уже замечено историками советской литературы, непосредственно после совещания обе спорящие стороны снова включились в ожесточенную полемику, причем каждая стремилась доказать, что резолюция была ударом по ее противникам.

В конце августа 1924 г. вапповцы подготовили для секретариата ЦК проект постановления «О редакционной коллегии „Красной нови“», предусматривавший освобождение Воронского от должности редактора журнала и создание редакционной коллегии в составе Ф. Раскольникова, И. Вардина и В. Сорина.

Однако полностью осуществить намеченный план вапповцам не удалось. Осенью 1924 г. в редакцию «Красной нови» были введены сторонник «напостовства» Раскольников и зам. зав. отделом печати ЦК Сорин, но третьим членом ее оставался Воронский. Образование редакколлегии, по словам Раскольникова, «имело своей целью изменение прежней линии журнала»³⁷. Найти общий язык с Раскольниковым не представлялось возможным, и в январе 1925 г. Воронский объявил о своем уходе из журнала. Но и на этот раз торжество вапповцев оказалось преждевременным.

«Партия в настоящий момент, — писал новый заведующий отделом печати ЦК РКП(б) И. Варейкис, — должна поставить перед собой совершенно определенную задачу: содействие созданию художественной литературы, пригодной для идеиного воспитания широких масс в духе социализма...» Указывая на необходимость «всемерной и всесторонней поддержки» рабоче-крестьянских писателей, он решительно осуждал претензии секретариата ВАПП, добивавшегося «передоверия» ему руководства литературой, резко критиковал отношение напостовцев к «попутчикам». Вместе с тем он призывал «исправить те недочеты, которые были, скажем, в некоторой небрежности, цевнимательности в линии группы Воронского по отношению к рабоче-крестьянским писателям»³⁸.

Направление, намеченное статьей Варейкиса, нашло дальнейшее подтверждение в работе литературной комиссии, созданной Центральным Комитетом партии. Выступая на одном из ее заседаний в марте 1925 г., М. В. Фрунзе, старый товарищ Воронского по революционному подполью, указывал ему на ошибочность политики недооценки пролетарской литературы и рекомендовал отбросить «методы острой кружковой борьбы». Но, что весьма симптоматично, критикуя Воронского, он видел его ошибки не в политическом капитулянтстве, как это пытались изобразить напостовцы, а лишь «в неправильном ор-

ганизационном подходе». В свою очередь, как антипартийная была охарактеризована вапповская «линия административного прижима и захвата литературы в свои руки путем наскоков»³⁹.

Через три месяца ЦК РКП(б) принял резолюцию «О политике партии в области художественной литературы», которая вскрывала природу ошибок Воронского и раппопцев и предостерегала от угрожавшей опасности («против капитулянтства, с одной стороны, и против комчванства — с другой,— таков должен быть лозунг партии»). Категорически была отвергнута сама идея «легализованной монополии на литературно-издательское дело какой-либо группы или литературной организации». «Поддерживая материально и морально пролетарскую и пролетарско-крестьянскую литературу, помогая «попутчикам» и т. д., — говорилось в резолюции, — партия не может предоставить монополии какой-либо из групп, даже самой пролетарской по своему идейному содержанию»⁴⁰.

Были сделаны и некоторые практические выводы. Еще весной произошли серьезные изменения в составе редколлегии «Красной нови» — Ф. Раскольников был заменен Е. Ярославским, и Воронский вновь получил возможность работать в журнале.

К сожалению, несколько видоизменившаяся, но не затихавшая групповая борьба и азарт полемики заставляли стороны вновь и вновь возвращаться к прежним темам и мотивам, много сил и внимания уделять сведению внутрилитературных счетов. Групповая борьба не могла не отразиться и на позициях Воронского как литературного критика и теоретика литературы. В спорах с представителями рационалистического и схематического подхода к искусству, игнорировавшего специфику художественного познания, он стал слишком акцентировать роль подсознательного начала в художественном творчестве, абсолютизировать значение «непосредственных впечатлений» для творческого процесса. В результате создавалось впечатление некоторого принижения роли разума, мировоззрения в искусстве.

Положение осложнилось тем, что во второй половине 1926 г. Воронский примкнул к троцкистской оппозиции. (В 1928 г. он был исключен из партии, но вскоре после отхода от оппозиции восстановлен в ее рядах.) Естественно, в руководящих партийных кругах появились сомнения в целесообразности его дальнейшего пребывания на посту руководителя центрального журнала.

В апреле 1927 г. «Красная новь» была подвергнута суровой критике на обсуждении, состоявшемся в Отделе печати ЦК ВКП(б). Отмечалось снижение уровня журнала, сужение круга авторов, чрезмерное внимание к теме «лишних людей» в нашей современности, усиление мотивов растерянности и ущербности.

Вскоре была создана новая редколлегия журнала в составе Воронского, Раскольникова, В. М. Фриче и В. Н. Васильевского (без назначения ответственного редактора). Сработать с Раскольниковым и Фриче Воронскому было трудно. «Мне приходится отказываться, и уже недели две, как сдаю дела; об этом искренно жалею, но оставаться не имеет смысла»⁴¹, — сообщал Воронский Горькому в июне 1927 г. Во второй половине года он еще числится членом редколлегии, но фактически в ней не работает.

Аналогично событиям в «Красной нови» развивались и дела «Круга». Во второй половине 20-х годов издательство не играло уже прежней роли идейного центра, противостоящего продукции частного рынка, появился ряд советских литературно-художественных издательств, конкуренцию с которыми «Круг» выдерживал не столько своеобразием и оригинальностью своего репертуара, сколько его широтой. Небольшие по объему и тиражам издания «Круга» находили своего покупателя даже в годы книжной депрессии (1925—1927). Руководители издательства (в первую очередь Воронский и А. Н. Тихонов) отлично понимали, что наряду с громадной затоваренностью книжного рынка в стране из года в год возрастает интерес к современной художественной литературе. Учитывая это обстоятельство, издательство выпустило ряд массовых серий, в том числе пользующиеся повышенным спросом: «Библиотеку пролетарских писателей», «Новости русской литературы», «Романы приключений» (намечалось также издание серии «Жизнь замечательных людей»).

В переписке с Горьким, сочувственно следившим за делами издательства, Воронский неоднократно указывал на благоприятный для «Круга» ход событий. «Книжки вообще идут теперь хорошо. Небывалый интерес к литературе. Новый читатель прямо прет», — с радостью сообщал он в начале 1927 г. Но уже в летних письмах появляется

тревога. «Дела «Круга» идут недурно, но боюсь, что осенью и здесь произойдут недоразумения со мной»⁴².

Предчувствия не обманывали Воронского. У руководства ВАПП возникает мысль реорганизовать «Круг» и на его базе создать издательство «Федерация». Таким образом достигались две цели: новое издательство сразу получало прочную экономическую базу, а Воронский лишался своего последнего форпоста. «Круг» начинает испытывать давление извне. Не получают одобрительной санкции некоторые решения правления издательства, стремившегося, в частности, повысить рентабельность изданий, расширив тематику выпускаемых книг, и т. п.

Понимая, что создавшиеся трудности в известной степени связаны с одиозностью его имени, Воронский видит единственную возможность сохранить издательство лишь ценой отказа от поста председателя правления. 15 декабря 1927 г. он информирует товарищем о своем решении, а 22 декабря правление удовлетворяет его просьбу⁴³.

К любимой редакторской работе Воронский вернулся лишь осенью 1930 г. в качестве старшего редактора по отделу русских классиков во вновь образованном Государственном издательстве художественной литературы, заведующим которым был назначен старый большевик В. И. Соловьев. Свою деятельность на этом посту Воронский начал с подготовки большого однотомника «Шестидесятники», вышедшего в 1933 г. О некоторых других его редакторских замыслах и предложениях (в частности, о создании литературной серии «Наше революционное прошлое») дает представление его переписка с Горьким начала 30-х годов.

Деятельность Воронского как редактора и литературного критика еще недостаточно изучена⁴⁴. Нет монографической работы, освещающей его жизненный и творческий путь. Положение осложняется тем, что погибла большая часть его личного архива⁴⁵. Тем важнее собрать и опубликовать сохранившуюся часть материалов его обширной переписки с современными ему литераторами. Попыткой выполнить эту задачу и является предлагаемая публикация.

Разумеется, она не может дать полного представления о широте и интенсивности литературных связей Воронского. Тем не менее публикуемые письма помогают понять роль Воронского в литературном процессе 20-х годов и характер его взаимоотношений со многими видными писателями этих лет. Среди тех, с кем он переписывался, мы видим как писателей, известных еще до революции, так и представителей молодой поросли советской литературы.

В переписке находят отражение различные стороны деятельности Воронского — критика, редактора, организатора литературных сил, деятельности, которая проходила в весьма трудных условиях. Обладая большим опытом партийной и журналистской работы, он отдавал себе отчет в том, какую сложную миссию он взял на себя. «Опасения ваши относительно журнала основательны,— писал он С. П. Подъячеву весной 1921 г.— Вести его сейчас очень трудно, но все-таки это дело нужное» (п. 4). Однако результаты усилий Воронского стали сказываться довольно быстро. В начале следующего года он сообщает тому же Подъячеву: «Помаленьку раздуваю кадило, туговато идут дела, литературы хорошей нет: стинула. Но все-таки лучше, чем 5—6 месяцев тому назад» (п. 14).

По переписке в какой-то мере можно судить о принципах, которыми руководствовался Воронский как редактор журнала, поскольку в ряде писем речь идет об оценках рукописей с определенных идеино-эстетических позиций.

Воронский искал и умел находить талантливых писателей, но для него, критика-коммуниста, разумеется, очень важна была идейная направленность произведения. Характерно, что в 1921 г., когда редакция особенно остро нуждалась в художественном материале, Воронский отказался от публикации трагедии Брюсова «Диктатор». Мотивируя свое решение, он писал автору: «...уверен, что трагедия будет истолкована и понята в духе нежелательном для Советской России» (п. 12).

Заметим, что Воронскому-редактору при решении таких вопросов о судьбе литературных произведений не были свойственны самонадеянность и беспаппкционность. Цитируемое письмо свидетельствует, что он читал пьесу Брюсова некоторым товарищам, чтобы проверить свое мнение. А обращаясь к самому автору, добавлял в постскрипту: «Чрезвычайно интересно было бы поговорить с вами. Может быть, я не понял вещи вашей» (там же).

Известно, что автор вскоре прочел пьесу в московском Доме печати. Реакция боль-

1957 24/6

Сочинение А. К. Воронского, кроме
одного, чтобы сочинение его было
бы издано под在我的 голове, са-
мому сделать, чтобы такое из-
дано все, написанное им

Елена Стасова

Уважаемый тов. Дементьев,
Я очень благодарю, что до сих пор
не отвергли мои письма письмо-
хрестку еще от меня писал, что
я все надеялся что сподвижни-
кими более можно или лучше
запечатлеться. Судя посему
то первые не могу вам сказать
приятельской никакой не име-
ющей о А. К. Воронском, так
как у меня нет никакого письменного
о нем.

Во втором письму тоже никаких
пожеланий относительно издастия

ПИСЬМО Е. Д. СТАСОВОЙ А. Г. ДЕМЕНТЬЕВУ

Автограф, 24 июня 1957 г.

Семейный архив Г. А. Воронской, Москва

Письмо написано по поводу планов издания сборника статей А. К. Воронского: «...нет у меня никаких
пожеланий относительно издания сочинений А. К. Воронского, кроме одного, чтобы сочинения его
были бы изданы возможно полнее, если нельзя сделать, чтобы было издано все, написанное им.
Елена Стасова»

шей части аудитории оказалась близкой отзыву критика. Это, вероятно, убедило Брюса в объективности оценки Воронского, и он отказался от публикации своего произведения.

История с «Диктатором» не была единственным случаем, что хорошо видно из переписки с Н. Никитиным и М. Зощенко.

Свойственная Воронскому широта в оценке талантливых явлений искусства сочеталась с идеальной принципиальностью. «Благо революции превыше всего и иных постулатов у меня нет». В этих словах Воронского из письма к Замятину — сущность его позиции, которая проявилась и в подходе к творчеству данного писателя.

Высоко оценивая талант Замятина и его художественные произведения, написанные до революции, Воронский решительно выступил против тех его сочинений послеоктябрьской эпохи, в которых проявилось неприятие или непонимание революционной действительности. Но следует подчеркнуть и другое: критикуя писателя, Воронский не отталкивал его, не терял на первых порах надежды завоевать талант автора для революции. Характерно, что свое письмо к Замятину, содержащее трезвую констатацию: «на разных плоскостях мы стоим», — он заканчивает совсем в другой тональности: «А знаете: мы с вами земляки, я — тамбовский семинарист из Усманского уезда» (п. 35).

Неудивительно, что, узнав в 1923 г. о намерении писателя выехать за границу, Воронский дает ему добрый совет: «О вашем отъезде искренно сожалею. Пожалуйста, не работайте в зарубежных русских современных изданиях. Честное слово, не стоит. Крепко надеюсь, что месяца через три вы сможете возвратиться в Россию и сесть здесь более крепко» (п. 40).

В письмах проявляется и требовательность Воронского-редактора к художественному качеству и к идеально-художественной значительности публикуемых рукописей. Искренне симпатизируя Подъячеву, произведениями которого он, по собственному признанию,

зачитывался «на заре своей юности», Воронский отклонил некоторые из рассказов писателя, находя, что они «слишком легки» для «Красной нови». Но отказ не мог обидеть автора, ранее уже убедившегося в том, что редактор очень заинтересован в его сотрудничестве.

Для Воронского, страстно влюбленного в искусство слова, большой радостью, настоящим праздником было знакомство с подлинно талантливым литературным произведением. Писатель И. В. Евдокимов, вспоминая, как проходило чтение Есенинских стихов в редакции художественной литературы Госиздата, скрупульто, но очень точно передал ту гамму чувств, которые испытывал руководитель редакции, слушая поэта: «Он [Воронский] выглядывал из-под светлых стекляшек пенсне с какой-то удивительной тревогой, улыбка пришла сразу и не сходила с лица, он хохочорился, скрывая свои чувства и переживания, но они были явны в той жадности внимания, с какой он смотрел на поэта»⁴⁶.

Воронский готов был всячески помочь писателям и морально и материально. В этом отношении характерны его заботы о Подъячеве, которому он писал: «Когда прочитал, что «почти наги и босы», явилось сильнейшее желание оказать вам помощь, на какую способен» (п. 3). И, действительно, он прилагает все усилия, чтобы в трудном 1921 г. достать одежду и обувь для старого писателя. А несколько позже он хлопочет в Госиздате об издании сборников рассказов того же Подъячева и Александра Грина.

Писатели всегда могли рассчитывать на помощь Воронского. Не случайно молодой Зощенко писал ему из Петрограда: «Ужасно жаль, что вы не здесь, а в Москве. Вместе рассказ привели бы в порядок» (п. 26). Воронский умел и заступиться за талантливых писателей, защитить их от несправедливых нападок. Поэтому неудивительно чувства симпатии и благодарности многих авторов к своему редактору. Пришвин писал, например, что Воронского «никак нельзя обижать уже по одному тому, что во время литературного пожара он выносил мне подобных на своих плечах из огня»⁴⁷.

Своей работой редактора Воронский завоевал громадный авторитет в писательской среде. В публикуемых письмах мы видим, что созданный Воронским журнал получил высокую оценку литераторов. «Вы можете сделать ваш журнал «единственным» в России журналом», — писал Воронскому Н. Никитин (п. 22). И вскоре он с радостью констатировал, что его прогноз оправдывается: «Журнал вкусен, подобран, т. е. что называется составлен по-настоящему» (п. 36). А. Толстой назвал «Красную новь» журналом, который «останется крепко в русской литературе» (п. 39).

Для молодой советской литературы оказалось очень полезным, что Воронский как литературный критик выступал часто и толкователем творчества тех самых авторов, которых он печатал на страницах своего журнала. Они с большим вниманием прислушивались к его оценкам и рекомендациям.

Конечно, в публикуемых письмах можно найти примеры того, что корреспонденты Воронского порой спорили с теми или иными его положениями. Например, Никитин решительно протестовал против утверждения о том, что «Серапионовы братья» подпадают под идеическое влияние Замятина (п. 36). Но вот как Никитин оценивал критические статьи Воронского в целом: «Вы писали верно, честно, без барабанов, без трескотни, живущий минутами, не делая лихих набегов, а крепко, как уверенный в своих прогнозах критик и литератор. Тот, кто хватается, может быть, за ваши частичные ошибки, тот из-за деревьев не видит леса. Ваш долг, по-моему, и перед литературой и перед революцией выполнен и хорошо и честно» (п. 58).

По письмам Тихонова и того же Никитина мы видим, что молодые писатели солидаризировались с критиком и в важнейшем вопросе о методе новой литературы, который определялся Воронским как «неorealизм».

Известно, что в юбилейных посланиях обычно содержится много комплиментарных преувеличений. Но в писательском адресе Воронскому по случаю пятилетия «Красной нови» с полным основанием говорилось о том, что его деятельность «редактора, критика и организатора определила непрерывный жизнедеятельный рост журнала и нераздельно связанное с ним возрождение и развитие русской литературы»⁴⁸.

К этому определению роли Воронского можно добавить признание самого критика: «Литературу я любил и люблю, как и революцию»⁴⁹. Им он и служил всю свою жизнь.

Говоря о значении публикуемой переписки, следует сказать и о том, что она интересна не только для раскрытия роли Воронского, она помогает лучше понять идейный и психологический облик его корреспондентов, участников литературного движения тех

лет. В письмах Никитина, например, мы находим своеобразные декларации-исповеди об идейных и эстетических позициях писателя, его кредо, ответ на вопрос, почему он «с большевиками» (п. 36).

Таким образом, переписка в целом содержит богатый материал для уяснения литературной жизни и литературной мысли 1920-х годов.

Ниже печатаются 37 писем Воронского (№ 1—12, 14, 18, 20, 21, 27, 35, 40, 44, 55, 61, 63, 66, 68, 69, 71, 73—75, 77—83) и 46 писем его корреспондентов: В. И. Аппенского-Кривича (№ 64), М. Д. Артамонова (№ 42), И. Э. Бабеля (№ 60), Андрея Белого (№ 76), В. Я. Брюсова (№ 53), А. С. Бубнова (№ 28), В. В. Вересаева (№ 32), М. М. Зощенко (№ 13, 25, 26, 29), И. Ф. Каллиникова (№ 62), Л. М. Клейнборта (№ 57), О. Э. Мандельштама (№ 59), А. Б. Мариенгофа (№ 65), Н. Н. Никитина (№ 19, 22, 36, 43, 48, 50, 52, 58), Б. А. Пильняка (№ 15, 30, 31, 33, 34), А. П. Платонова (№ 72), С. П. Подъячева (№ 17), Е. Г. Полонской (№ 45), В. П. Полонского (№ 70), М. М. Пришвина (№ 46, 56, 67), С. А. Семенова (№ 16), Д. Н. Семеновского (№ 23), М. Л. Слонимского (№ 49), Н. С. Тихонова (№ 47, 51), А. Н. Толстого (№ 24, 39), К. А. Тренева (№ 37, 54), О. Д. Форши (№ 41), И. Г. Эренбурга (№ 38).

Письма охватывают период с 1921 по 1934 г., расположены в хронологическом порядке, печатаются по автографам, хранящимся в АГ, ЦГАОР, ЦГАЛИ, ИМЛИ, ИРЛИ, ЦПА ИМЛ, ГБЛ, Гос. музее И. С. Тургенева (Орел) и в музее М. М. Пришвина (филиал ГЛМ). Место нахождения каждого из писем указывается в примечаниях к нему. Сведения о корреспондентах Воронского и о их участии в редактируемых им изданиях сообщаются в примечаниях к первому из писем данного корреспондента или к нему.

В публикацию не входят все ранее опубликованные письма Воронского, в том числе его переписка с В. И. Лениным⁵⁰, А. М. Горьким⁵¹, К. А. Фединым⁵², письмо А. В. Луначарского к Воронскому от 9 июля 1923 г.⁵³, письмо Воронского к М. С. Шагинян от 17 марта 1923 г., в котором приводится ленинская оценка ее повести «Перемена»⁵⁴, письмо Вс. Иванова к Воронскому от 22 февраля 1922 г.⁵⁵, а также письма Воронского, связанные с изданием газеты «Рабочий край»⁵⁶.

В подборку публикуемых писем не включены некоторые деловые и бытовые письма, связанные не столько с Воронским, сколько с его адресатами, краткие записки, написанные как правило по случайным и малозначительным поводам, а также коллективные приветствия в связи с юбилейными датами.

Письма № 63, 66—68, 71, 73, 75 любезно предоставлены В. Д. Пришвиной, № 11, 44, 74 — А. И. Понятовским. Письма № 10, 16, 19, 22—26, 36—39, 41—43, 45, 47—52, 56, 58, 59, 62, 64 извлечены из архивов и подготовлены редакцией, остальные — Е. А. Дицерштейном.

В составлении примечаний к письмам принимала участие Т. Г. Динесман.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НМ, 1964, № 12, с. 215.

² А. В. Луначарский. Перспективы советского искусства.— «На лит. посту», 1927, № 20, с. 7; Вяч. Полонский. Очерки литературного движения революционной эпохи (1917—1927). М.—Л., Госиздат, 1928, с. 142.

³ Цит. по ст.: А. Г. Дементьев. А. Воронский — критик. В кн.: А. Воронский. Литературно-критические статьи. М., 1963, «Сов. писатель», с. 9.

⁴ С. В. Малышев. Страницы жизни.— «Прожектор», 1925, № 2, с. 24.

⁵ См. запись в метрической книге на 1884 г., ч. I — «О родившихся» (Инжавинский районный ЗАГС Тамбовской обл.). Сообщено Л. С. Шуруповым.

⁶ «Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века», т. 1. М., ГАХН, 1928, с. 81.

⁷ «Деятели революционного движения в России», т. 5, вып. 2. М., 1933, стлб. 1028—1032.

⁸ А. Воронский. За живой и мертввой водой. М., «Худож. литература», 1970.

⁹ В «Сведениях о состоящем под гласным надзором А. К. Воронском», составленных 28 декабря 1912 г., в графе «Чем до сего времени добывал себе средства к существованию» сообщалось: «Работал в газетах. Фельетонист» (Гос. архив Архангельской обл., ф. 1323, оп. 1, д. 331, л. 978 об.).

¹⁰ П. В. Куприяновский. А. К. Воронский в иваново-вознесенской печати (1918—1926 гг.). Библиографический указатель. Иваново, 1979. См. также в наст. томе статью П. В. Куприяновского «А. К. Воронский в газете «Рабочий край».

¹¹ См. публикацию И. С. Смирнова «Письмо Воронского В. И. Ленину». — НМ, 1964, № 12, с. 215.

- ¹² Т. Лешуков. Журналист, писатель, редактор.— «Рабочий край» (Иваново), 1964, № 208, 3 сентября.
- ¹³ «В. И. Ленин и А. М. Горький». Изд. 3. М., «Наука», 1969, с. 259.
- ¹⁴ Е. А. Динерштейн. Маяковский в «Круге» и «Красной нови».— В сб.: «Маяковский и советская литература». М., «Наука», 1964, с. 408.
- ¹⁵ Об этом собрании Воронский рассказал в речи, произнесенной на юбилейном вечере «Красной нови» в 1926 г. (А. Воронский. Мистер Бритлинг пьет чашу до дна. М., «Круг», 1927, с. 199).
- ¹⁶ НМ, 1921, № 2, с. 228.
- ¹⁷ Цит. по ст.: П. В. Куприяновский. Дм. Фурманов и литературно-художественные журналы 20-х годов.— В сб.: «Из истории советской литературы 20-х годов». Иваново, 1963, с. 18.
- ¹⁸ НМ, 1964, № 5, с. 207.
- ¹⁹ См. статью «Красная новь» (авт. М. М. Кузнецов) в кн.: «Очерки истории русской советской журналистики. 1917—1932». М., «Наука», 1966, с. 211.
- ²⁰ Н. Никитин. Избранное в двух томах, т. 1. М.—Л., Госиздат, 1959, с. 17.
- ²¹ А. Воронский. На стыке. М.—Пг., Госиздат, 1923, с. 25.
- ²² НМ, 1964, № 12, с. 216.
- ²³ А. Воронский. На стыке, с. 231.
- ²⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 469, л. 12.
- ²⁵ Е. А. Динерштейн. Указ. соч., с. 409.
- ²⁶ ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 195, л. 47, 49—54.
- ²⁷ Е. А. Динерштейн. Указ. соч., с. 410—411.
- ²⁸ «Каталог книгоиздательства артели писателей „Круг“». М., 1927, с. 5—8.
- ²⁹ Цит. по ст.: Л. Кинская. Литературная дискуссия (1922—1925 годов).— ВЛ, 1964, № 3, с. 40.
- ³⁰ А. Воронский. Дела литературные.— «Прожектор», 1923, № 22, с. 21.
- ³¹ НМ, т. 74, с. 34.
- ³² А. Воронский. Литературные типы. Изд. 2. <М.>, «Круг», 1927, с. 117.
- ³³ НМ, т. 74, с. 34.
- ³⁴ Архив Горького, т. X, кн. 2, с. 12—13, 45, 50.
- ³⁵ Там же, с. 24.
- ³⁶ «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата». М.—Л., Госиздат, 1925, с. 139.
- ³⁷ «Октябрь», 1924, № 3, с. 214.
- ³⁸ И. Варейкин. О нашей линии в художественной литературе и о пролетарских писателях.— «Правда», 1925, № 40, 18 февраля.
- ³⁹ М. В. Фрунзе. Поли. собр. соч., т. 3. М., Госиздат, 1927, с. 151—154.
- ⁴⁰ «Издательское дело в СССР (1923—1931)». Сб. документов и материалов. М., 1978, с. 50.
- ⁴¹ Архив Горького. Т. X, кн. 2, с. 55—56.
- ⁴² Там же, с. 52, 57.
- ⁴³ АГ. Протоколы правления изд-ва «Круг».
- ⁴⁴ Характеристика Воронского как литературного критика и теоретика дана в статье: А. Г. Дементьев. А. К. Воронский и советская литература (в кн.: А. Воронский. Избранные статьи о литературе. М., «Худож. литература», 1982) и в книге: В. Акимов. В спорах о художественном методе (Л., «Худож. литература», 1979). Перечень более ранних работ см. в наст. томе, с. 644, прим. 2.
- ⁴⁵ Сохранилась переписка Воронского с Горьким, сданная самим критиком после смерти писателя в Гос. лит. музей. Некоторые материалы архива издательства, связанные с Воронским (в том числе и письма к нему ряда писателей), были переданы в Архив Горького и в рукописный отдел ИМЛИ. В ЦГАЛИ хранится фонд журнала «Красная новь», составляющий лишь небольшую часть редакционного архива. Корректуры некоторых работ Воронского,правленные им, находятся в рукописном отделе ИРЛИ, в фонде журнала «Новый мир». Отдельные материалы, относящиеся к Воронскому, имеются еще в нескольких архивохранилищах страны.
- ⁴⁶ И. В. Евдокимов. Сергей Александрович Есенин.— В кн.: «Воспоминания о Сергеев Есенине». М., 1965, с. 431.
- ⁴⁷ НМ, 1964, № 10, с. 197.
- ⁴⁸ ЦГАЛИ, ф. 1689, оп. 1, ед. хр. 1392, л. 2.
- ⁴⁹ Архив Горького, т. X, кн. 2, с. 60.
- ⁵⁰ НМ, 1964, № 12, с. 213—219.
- ⁵¹ Архив Горького, т. X, кн. 2, с. 8—78.
- ⁵² «Творчество Константина Федина». М., «Наука», 1966, с. 381—385.
- ⁵³ НМ, т. 82, с. 243—244.
- ⁵⁴ НМ, 1978, № 9, с. 181—182.
- ⁵⁵ Вс. Иванов. Собр. соч. в 8 томах, т. 8. М., «Худож. литература», 1978, с. 58—59.
- ⁵⁶ ВЛ, 1970, № 3, с. 245—246.

1. В ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

(Москва. Около 6 февраля 1921 г.)

Комитет Главполитпросвета постановил издавать периодический журнал, в котором намечаются отделы: литературный, политico-экономический, публицистический, научный, педагогический и т. д. Журнал будет иметь в виду слушателей рабочих факультетов, партийных и советских школ, командных курсов¹. К журналу привлечен Горький и ряд ученых и видных партийных работников².

Предполагаемый объем журнала 18—20 печатных листов, из расчета 40 тысяч букв в листе. Журнал предполагается выпускать каждые полтора месяца в количестве 15 000 экземпляров, на что потребуется приблизительно 250—280 стоп бумаги на номер.

Главполитпросвет, находя, что потребность в подобном журнале более чем наэрела, предлагает Государственному издательству зарегистрировать журнал, отпуская, начиная с марта месяца, в счет наряда Главполитпросвета требуемое количество бумаги — 280 пудов — каждые полтора месяца, а также признать печатание журнала ударной работой с тем, чтобы [журнал мог выходить периодически в срок. Что касается слияния журнала с другими периодическими изданиями, на необходимость какового указало Государственное издательство в лице т. Вейса³, то таковое слияние Главполитпросвет признает желательным, но затрудняется в настоящий момент приступить к такому слиянию прежде всего благодаря неясности вопроса⁴.

Председатель Главполитпросвета Н. Крупская

Завед. Редакционно-издательским подотделом А. Воронский

ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 28, л. 49.

Машинопись; на бланке Главполитпросвета РСФСР. Подписи — автографы.

Датируется по содержанию: письмо написано непосредственно вслед за постановлением Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР от 5 февраля 1921 г. об издании КН.

¹ Более обстоятельно программа журнала и принципы его организации изложены в письме Главполитпросвета в Политбюро ЦК РКП(б), подписанном Н. К. Крупской и Воронским (опубликовано И. С. Смирновым — НМ, 1964, № 12, с. 215).

² Стремясь привлечь к участию в КН наиболее авторитетных авторов, ЦК РКП(б) и Главполитпросвет обратились к ряду ответственных работников советского аппарата с предложением принять участие в журнале (напр., сохранилась телефонограмма Н. К. Крупской и секретаря ЦК РКП(б) Л. П. Серебрякова руководителям ВСНХ В. П. Милитину и А. Ломову от 8 февраля 1921 г. с предложением войти в состав сотрудников КН — ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1, ед. хр. 3325, л. 2). В первой книге КН были напечатаны статьи В. И. Ленина, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, М. В. Фрунзе и др.

³ Давид Лазаревич Вейс (1877—1940) — заместитель заведующего Госиздатом РСФСР.

⁴ Проект слияния отдельных журналов Главполитпросвета реализован не был.

2. ВОРОНСКИЙ — С. П. ПОДЬЯЧЕВУ

(Москва. 9 февраля 1921 г.)

Уважаемый Семен Павлович!

Редакционно-издательский подотдел Главполитпросвета получил ваш адрес от А. М. Пешкова (Горького) по следующему поводу: при Главполитпросвете будет издаваться периодический журнал, в котором намечены отделы: художественный, политico-экономический, научный, исторический, публицистический, библиографический. Журнал рассчитан на слушателей рабочих факультетов, советских, партийных школ, командных курсов. Предполагаемый объем журнала 14—15 печатных листов в 32—36 тысяч печатных букв в листе. К журналу привлечен т. Горький. Главполитпросвет обращается к вам с просьбой вступить в число постоянных сотрудников журна-

ла. Очень нужны рассказы, бытовые очерки. Надежда Константиновна Ульянова очень просит вас выбрать свободное время приехать в Москву и переговорить более подробно о работе в *редакции*¹. Об этом же просит вас и Горький. Отвечайте по адресу: Москва, Штатный пер., № 13, Главполитпросвет; редакционно-издательский подотдел, А. Воронскому.

Журнал предполагается к выходу в конце марта².

Соблаговолите ответить как по первому, так и по второму вопросам. С приветом

Завед. редакционно-изд. подотделом А. В о р о н с к и й

19—9/II—21 г.

ЦГАЛИ, ф. 374, оп. 3, ед. хр. 4, л. 1.

Семен Павлович Подъячев (1866—1934) был одним из первых писателей, привлеченных к сотрудничеству в *КН*. Воронский обратился к нему по совету Горького (А. В о р о н с к и й. Встречи и беседы с Максимом Горьким.— *НМ*, 1966, № 6, с. 217), ценившего в Подъячеве глубокое знание крестьянской психологии и крестьянского быта. Эту особенность творчества писателя отмечал и Воронский (*«Литературные отклики»*.— *КН*, 1922, № 2).

С конца прошлого века Подъячев жил в родном селе Обольяново-Никольское (ныне Подъячево) Дмитровского уезда Московской губ., изредка приезжая в Москву по литературным делам. Член РКП(б) с 1918 г., он активно участвовал в работе местных советских учреждений — заведовал волостным Отделом народного образования и волостной библиотекой, входил в различные комиссии, в 1920—1922 гг. состоял корреспондентом Дмитровского отделения РОСТА (см.: М. А. Макина. С. П. Подъячев и М. Горький.— *«Русская литература»*, 1978, № 1, с. 182).

В *КН* за 1921 г. было опубликовано четыре произведения Подъячева: очерк «Голодающие» (№ 1) и рассказы «Болящий» (№ 3), «Из недавнего прошлого» и «Православные» (№ 4). На этом его сотрудничество в *КН* прервалось (возобновилось в 1929 г. публикацией автобиографических записок «Моя жизнь»).

Рассказ «Болящий» был высоко оценен Воронским (*«О художественном слове в наши дни»*.— *«Правда»*, 1921, № 202, 11 сентября). Этим рассказом и очерком «Голодающие» открылась серия «Дешевая библиотека «Круга» (№ 1 и 2, 1923).

¹ В работе редакции *КН* Подъячев не участвовал.

² См. п. 5, прим. 1.

3. ВОРОНСКИЙ — С. П. ПОДЪЯЧЕВУ

Москва. <4 марта 1921 г.›

Уважаемый Семен Павлович! Получил вчера ваше письмо. Очень рад, что вы обещали прислать для журнала. Дело движется, хотя и встречаются обычные в наше время препятствия. Надеюсь, что к концу марта получу от вас обещанное¹.

На заре своей юности когда-то я зачитывался некоторыми вашими рассказами. Поэтому, когда прочитал, что «почти наги и босы», явилось сильнейшее желание оказать вам помощь, на какую способен. Получил от Надежды Константиновны записочку к сильным мира сего по части распределения и на днях пойду хлопотать. К сожалению, не знаю, что вам именно нужно. Буду говорить: пальто, сапоги, костюм, белье. Думаю, что удастся коечего добиться. О результатах своих похождений сообщу на днях дополнительно. Но только тогда вам самим придется приехать сюда. Конечно, это ни в каком отношении к вашему сотрудничеству не стоит. Просто у меня, говоря откровенно, кошки скребут на сердце, когда получаешь сведения, что такой-то художник, писатель, ученый имя рек отправился к праотцам или наг и бос! Пока всего хорошего. Ждите на днях нового письма. Материал посыпайте либо по старому адресу, либо по адресу: Москва, 1-ый дом Советов (бывш. «Националь»), № 340, А. Воронскому. Последний даже лучше. Всего лучшего.

А. В о р о н с к и й

4/III—21 г.

P. S. Посыпайте заказным, конечно.

С. П. ПОДЪЯЧЕВ и Е. ВАРЕНЦОВА

Фотография. Ярославль, 1928

Литературный музей, Москва

ЦГАЛИ, ф. 374, оп. 3, ед. хр. 4, л. 2.

¹ Очерк «Голодающие» (см. прим. к п. 2). О том, что Подъячев обещал прислать его для КН, Воронский сообщал Горькому 24 марта 1921 г. (Архив Горького, т. X, кн. 2, с. 9).

4. ВОРОНСКИЙ — С. П. ПОДЪЯЧЕВУ

<Москва. 21 марта 1921 г. >

Уважаемый Семен Павлович! На ваше письмо не мог сразу ответить, так как был мобилизован на Кронштадтский фронт и только день тому назад возвратился из командировки¹. По поводу обещанного могу сообщить: у меня лежит в кармане подпись Бадаева² на получение вами костюма, ботинок и двух пар белья. Хлопоты относительно пальто не увенчались успехом. Вам следовало бы приехать самому, чтобы реализовать разрешение. Придется еще побегать вам самому. Опасения ваши относительно журнала основательны. Вести его сейчас очень трудно, но все-таки это дело нужное. Жду от вас что-нибудь для первого номера. Кое-что уже собрано. Думаю в печать сдать 1—2-го апреля. Жду художественный материал от Горького³.

Надеюсь, что вы воспользуетесь разрешением на получение вещей. На три, на четыре дня я выезжаю в провинцию. Буду числа 28-го. Сообщите, когда приедете⁴.

С приветом А. Воронский

21/III—21 г.

ЦГАЛИ, ф. 374, оп. 3, ед. хр. 4, л. 3.

¹ Контрреволюционный мятеж в Кронштадте начался 28 февраля и был полностью ликвидирован 18 марта 1921 г.

² Алексей Егорович Бадаев (1883—1951) — партийный и советский деятель, в 1921 г. — председатель Московского союза потребительских обществ.

³ 24 марта 1921 г. Воронский писал Горькому: «...вчера получил от вас материал. Конечно, его недостаточно, и я жду и надеюсь, что скоро получу от вас еще. Согласно нашим переговорам, я буду сдавать в набор только то, что проредактировано вами» (*Архив Горького*, т. X, кн. 2, с. 9). О роли Горького в КН см.: А. Воронский. Из прошлого (в кн.: А. Воронский. Мистер Бритлинг пьет чашу до дна. М., «Круг», 1927, с. 199—203); А. Воронский. Встречи и беседы с Максимом Горьким (*НМ*, 1966, № 6, с. 215—219); А. Дементьев. А. М. Горький и советская журналистика (*НМ*, 1964, № 11, с. 214—217).

⁴ Подъячев приезжал в Москву в последних числах (между 26 и 31) марта 1921 г. (*Летопись Горького*, вып. 3, с. 218).

5. В ГОСИЗДАТ. ТЕХНИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

⟨Москва⟩. 17 мая 1921 г.

Комитет Главполитпросвета настоятельно просит ускорить выпуск периодического журнала «Красная новь». В журнале принимают участие *М. Горький, Ленин, Луначарский*.

Издание журнала предпринято с одобрения ЦК РКП (большевиков). Материал сдан в набор больше месяца, но до сих пор по сведениям Главполитпросвета дело движется очень плохо. Материал стареет и теряет современность¹.

Зам. председателя Главполитпросвета В. Максимовский
Редактор журнала «Красная новь» А. Воронский

ЦГАОР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 119, л. 157.

Машинопись, на бланке Главполитпросвета РСФСР (исх. № 534), с надписью: «Весьма срочно». Подписи — автографы.

¹ Первый номер КН вышел в начале июня 1921 г.

6. ВОРОНСКИЙ — С. П. ПОДЪЯЧЕВУ

⟨Москва. 13 сентября 1921 г.⟩

Уважаемый Семен Павлович!

Извините, что не сразу послал вам просьбу Главполитпросвета, чтобы вас освободили от партбязанностей: я уезжал в отпуск и, кроме того, сбился с ног. Второй номер выходит на днях¹. Третий сдал частью в набор. Сужусь и скандалю с Госиздатом из-за оплаты и очень жалею, что до сих пор не могу как следует оплатить ваши две рукописи². Все-таки устрою. Со мной случилась неприятность: я потерял вашу расписку на 75 тысяч за рассказ «Болящий». Очень прошу прислать дубликат: нужно для отчета. Пришлите или по почте или с сыном. Шлите еще что-нибудь. Здорово у вас выходит. Между прочим «Общее дело» перепечатало в трех номерах весь ваш рассказ³. Читал также хороший для вас отзыв ⟨о⟩ вашей книге в берлинском журнале «Русская книга»⁴. Гоните расписку, а вверху напишите: дубликат. С приветом

А. Воронский

Москва, 1-ый Дом Советов, № 217, мне.

13/IX—21 г.

ЦГАЛИ, ф. 374, оп. 3, ед. хр. 4, л. 4 — 4 об.

¹ Второй номер *КН* поступил во Всесоюзную книжную палату 30 сентября 1921 г.
² Очерк «Голодающие» и рассказ «Болящий».

³ «Общее дело» — белоэмигрантская ежедневная газета (Париж, 1918—1934; ред.-изд. В. Л. Бурцев). В этой газете был перепечатан из *КН* очерк «Голодающие» (1921, № 379—382, 31 июля, 1—3 августа).

⁴ «Русская книга» — сменовеховский критико-библиографический журнал (Берлин, 1921—1923; с 1922 г. — «Новая русская книга»). Здесь (1921, № 3) была помещена рецензия А. М. Дроздова на книгу Подъячева «Дома (Ивановы записки)» (М., 1920).

7. ВОРОНСКИЙ — С. П. ПОДЬЯЧЕВУ

〈Москва. 14 сентября 1921 г.〉

Уважаемый Семен Павлович! Вчера позвабыл вам написать об одной вещи. ЦК партии командировал меня для работы в «Правде»¹. Хочу, насколько это возможно, привести ее в литературный вид. Очень бы хорошо было, если бы вы время от времени присыпали небольшие очерки из деревенского житья-бытья, рассказы и т. д. ² «Правда» оплачивает хорошо. Вчера послал вам удостоверение от Главполитпросвета и просьбу, чтобы выслали мне расписку на получение от меня 75 тысяч рублей за рассказ «Болящий». Я вашу расписку куда-то засовал и не могу найти. № 2 журнала выйдет числа 20 сентября. Всего лучшего.

А. В о р о н с к и й

P. S. Материал и письма посыпайте по старому адресу: Москва, 1-ый Дом Советов, № 217, или с сыном.

ЦГАЛИ, ф. 374, оп. 3, ед. хр. 4, л. 6. Датируется по связи с п. 6.

¹ Воронский руководил литературным отделом «Правды» в 1921—1922 гг.

² В 1921 г. в «Правде» было опубликовано три рассказа Подъячева: «Сусанин», «Овца заблудящая» и «Вот он я» (№ 221, 251, 266, 3 октября, 6—7 и 25 ноября).

8. ВОРОНСКИЙ — П. С. КОГАНУ

〈Москва. 12 октября 1921 г.〉

Посылаю вам, Петр Семенович, экземпляр «Красной нови»¹. Ваша статья — в печати. Она мне очень понравилась, хотя отношения ваши к Бунином и Толстым мне кажутся очень мягкими². Но это настоящая мелочь в конце концов. З-й номер идет весьма успешно и недели через две выйдет из печати. Очень прошу вас приготовить вторую половину статьи, так как скоро нужно будет сдавать № 4-ый³.

С приветом А. В о р о н с к и й

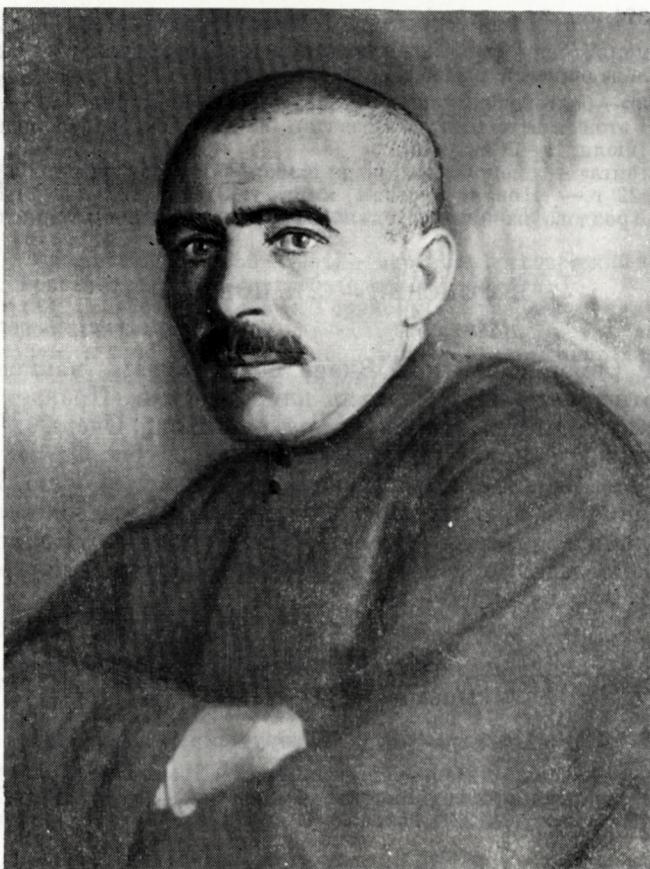
12.X.21.

P. S. Ответьте, когда будет готова статья. Чем скорее — тем лучше
 А. В.

ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 1, ед. хр. 24, л. 1.

Петр Семенович Коган (1872—1932) — историк литературы и критик, с 1921 г. — президент Государственной академии художественных наук. В 1921—1923 гг. был одним из самых активных сотрудников *КН*, где систематически печатались его статьи и рецензии. Важнейшие из них: «Александр Блок», «Русская литература в годы Октябрьской революции» и «Литературные заметки (об Андрее Белом)» (1921, № 2—4), «Памяти В. Г. Короленко», «С. Есенин» (1922, № 1, 3), «Современная литература за рубежом», «Заграничные литературные новинки», «О социальной драме» (1923, № 2—5).

В конце 1923 г. взаимоотношения Когана с Воронским прервались после неоправданного реакции и запальчивой заметки Воронского «Клеветнику и сплетнику», помещенной в декабрьской книге *КН* (№ 7; вышел в январе 1924 г.). В ответ на иронический упрек в неправильном «воспитании» Б. Пильняка, содержащийся в книге Когана «Литература этих лет» (Иваново-Вознесенск, 1924, с. 104), Воронский назвал эту книгу «вульгарным приспособлением к коммунизму» со стороны человека, который «коммунистом не был и быть не может, но готов в известные моменты (при победе) утверждать: «и мы па-

И. Е. ВОЛЬНОВ

Фотография М. С. Нашельбаума. Москва, 1927

Литературный музей, Москва

хали» (*КН*, 1923, № 7, с. 291). Против такой характеристики Когана протестовал А. В. Луначарский в письме, адресованном в редакцию «Правды» 4 февраля 1924 г.: «За коммуниста тов. Коган себя никогда не выдавал, никакого «мы пахали» я от него не слышал. Но это не только серьезнейший литературный критик-марксист, но чрезвычайно лояльный наш работник со дня революции по сие время. Мы, в Наркомпросе, привыкли относиться к П. С. Когану как к своему человеку, даем ему разного рода ответственные поручения, и удар по нему является в то же время ударом и по Наркомпросу <...> Думается мне, что на это нужно реагировать, но, конечно, в очень мягкой форме, потому что мы все любим и уважаем т. Воронского» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3397, л. 17). Письмо Луначарского осталось неопубликованным. После этого инцидента сотрудничество Когана в *КН* прекратилось.

¹ Второй номер *КН*.

² В статье «Русская литература в годы Октябрьской революции» Коган писал: «Толстым и Буниным непонятно, что их место здесь, что это господство (коммунистической идеологии.—Ред.) ближе к тому мученичеству, которое так дорого в воспоминаниях русской литературы, чем к безидейному произволу, характерному для деспотических правительств» (*КН*, 1921, № 3, с. 239).

³ В № 4 *КН* была помещена статья Когана «Литературные заметки. I. Эпопея Андрея Белого».

9. ВОРОНСКИЙ — С. П. ПОДЪЯЧЕВУ

(Москва. 13 октября 1921 г.)

Семен Павлович! Ваши «шутки» получил¹. Думается мне, что для журнала они не совсем подходят — слишком легки. «Сусанин» помещен в «Правде» в номере для голодающих². Шлите еще. Чем скорее — тем лучше.

№ 3-ий с вашим рассказом³ выйдет недели через 2. Я собираю материал для № 4. Журнал крепнет, хотя кое-кто бурчит за вольности; ну, да это ничего. Сейчас испытываю большую нужду в художественных рукописях⁴. Если что есть, не задерживайте у себя. Всего хорошего.

А. В о р о н с к и й

13/X.

ЦГАЛИ, ф. 374, оп. 1, ед. хр. 4, л. 7.

Год устанавливается по содержанию (ср. п. 7, прим. 2).

¹ О каких произведениях писателя идет речь, не установлено.

² См. п. 7, прим. 2.

³ Рассказ «Болящий».

⁴ Приветствуя выход первого номера *КН*, Вяч. Полонский отмечал: «Благодаря огромной энергии и несомненному редакторскому таланту тов. А. Воронского, технические и иные препятствия преодолены (...). Журнал составлен богато и интересно. Правда, не все отделы равнопочлены. Очень невелик и небогат отдел художественной литературы» (*ПР*, 1921, № 2, с. 228—229). В первом номере за 1921 г. из 319 страниц только 63 были отданы художественной литературе, во втором — 68 из 359, в третьем — 95 из 398 и лишь в четвертом она заняла чуть больше трети всего объема журнала (см. *НМ*, 1964, № 12, с. 217).

10. ВОРОНСКИЙ — О. Д. ФОРШ

(Москва. 2 ноября 1921 г.)

Уважаемый товарищ!

Редакция журнала «Красная новь» сообщает, что к сожалению, никаких исправлений в вашем рассказе сделать не может, так как 2 номер журнала, где напечатан рассказ «Чемодан», давно уже вышел.

Редакция просит прислать ей еще материал. Плата 380 000 руб. печатный лист. Если нужен аванс — сообщите размер и адрес, по которому его выслать. Второй номер журнала передан для вас т. Горькому.

Адрес редакции — Миллютинский 2. Редакция «Красная новь».

2/XI 21 г.

Редактор А. В о р о н с к и й

ИРЛИ, ф. 732, оп. II, ед. хр. 80.

Ольга Дмитриевна Форш (1873—1961) — была в числе первых писателей, привлеченных Воронским к сотрудничеству в *КН*. Здесь опубликованы ее рассказы «Чемодан» (1921, № 2) и «Африканский брат» (1922, № 5), отрывок из романа «Современники» («Флакон Борджа» — 1925, № 6), очерк «Розариум» (1925, № 8). В изд-ве «Круг» вышли ее сборники: «Обыватели» (1923) и «Рассказы» (1925).

Воронский оказывал Форш содействие в ее работе, о чем свидетельствует его письмо в библиотеку б. Румянцевского музея (ныне ГБЛ), датированное 10 июня 1924 г.: «Прошу дать возможность заниматься в рукописном отделе библиотеки б. Румянцевского музея — Ольге Дмитриевне Форш — сотруднице «Красной нови» для работы над материалами по биографии художника А. Иванова. Редактор «Красной нови» А. В о р о н с к и й» (ИРЛИ, ф. 732, оп. II, ед. хр. 80).

11. ВОРОНСКИЙ — И. Е. ВОЛЬНОВУ

(Москва.) 5.XI.21.

Тов. Вольнов!

Ваша просьба о высылке вам официальной «охранной грамоты» на ваши рукописи давно — несколько месяцев тому назад — исполнена: нужная бумажка по сообщенному вами адресу выслана. Получили ли вы ее?¹

Не имеется ли у вас чего-нибудь для журнала? Если есть, немедленно шлите.

А. В о р о н с к и й

Адрес: 1-ый Дом Советов, № 217.

Гос. музей И. С. Тургенева (Орел), ф. 13, ед. хр. 5125.

Иван Егорович *Вольнов* (наст. фамилия: Владимиров; 1885—1931) был одним из первых писателей, приглашенных к сотрудничеству в *КН*. Воронский обратился к нему по совету Горького (А. Воронский. Встречи и беседы с Максимом Горьким.—*НМ*, 1966, № 6, с. 217).

В 1920-х годах Вольнов жил в родном селе (Богородицкое Куракинской волости Малоархангельского уезда Орловской губ.).

Вольнов поместил в *КН* (в годы редакторства Воронского) четыре рассказа из цикла «Деревенская пестрядь» (1923, № 2; 1924, № 2).

¹ Этот документ неизвестен. В 1919 г. Вольнов был арестован и при обыске у него отобрали рукописи; вскоре он был освобожден в результате вмешательства В. И. Ленина (*Ленин*, т. 50, с. 280; т. 51, с. 70). В марте 1921 г. на предложение Воронского сотрудничать в *КН* «Вольнов ответил, что все написанное у него сожгла Орловская ЧК» (письмо Воронского Горькому 24 марта 1921 г.—*Архив Горького*, т. X, кн. 2, с. 9). Об «охранной грамоте» на свои рукописи Вольнов просил Горького, очевидно, в январе 1921 г. (см. *ЛН*, т. 70, с. 57).

12. ВОРОНСКИЙ — В. Я. БРЮСОВУ

(Москва. 21 ноября 1921 г.)

Уважаемый Валерий Яковлевич!

К величайшему сожалению, «Красная новь» вынуждена отказаться от вашей трагедии «Диктатор»¹. Не вхожу в художественную оценку: она для вас едва ли нужна. Но уверен, что трагедия будет истолкована и понята в духе, нежелательном для Советской России. Не доверяя своим личным впечатлениям, я читал трагедию некоторым товарищам, не называя автора. Ответ получался единодушный: вещь направлена против современной пролетарской диктатуры. Мое личное впечатление: нет выхода; туник у Орма², ибо он пренебрег «человеческим, слишком человеческим»; туник у тех, кто восстал и сверг Орма: их глаза не способны видеть далей, они прикованы только к сегодняшнему. Очень хотелось бы поговорить лично, но совершиенно завален работой.

Надеюсь, что это не испортит вашего доброжелательного отношения к журналу.

Считаю, что обязан уплатить вам своего рода неустойку. Скоро получу деньги и пришлю миллион рублей. Не можете ли вы мне позвонить по телефону: 2-06-82, добавочно 217, Воронскому.

А. Воронский

21/XI—21 г.

Р. С. Чрезвычайно интересно бы было поговорить с вами. Может быть, я не понял вещи вашей.

ГБЛ, ф. 386, 81.8, л. 2.

Валерий Яковлевич *Брюсов* (1873—1924) значился в объявлениях *КН* среди сотрудников журнала (1922, № 6; 1923, № 6-7; 1924, № 1), однако, участие его ограничилось публикацией трех стихотворений (1923, № 3); ни в изд-ве «Круг», ни в альманахах, руководимых Воронским, он не печатался.

В декабрьском номере *КН* за 1923 г. было опубликовано приветственное письмо Брюсову в связи с его 50-летием от имени Госиздата и редакций *КН* и *ПР* (подписи: О. Ю. Шмидт, Н. Л. Мещеряков, Воронский, В. П. Полонский; № 7, с. 289—290).

¹ В ноябре 1921 г. Брюсов предложил в *КН* свою трагедию «Диктатор». 15 ноября Воронский отвечал ему, что редакция согласна на его условия и обязуется выплатить гонорар «по истечении 10—12 дней по представлении и принятии вашей рукописи» (ГБЛ, ф. 386, 81.8, л. 1). Трагедия «Диктатор» не публиковалась (рукопись находится в ИРЛИ). 2 декабря 1921 г. автор впервые прочел ее в московском Доме печати (см. сообщение Б. И. Пуришева в кн.: Н. А. шукин. Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики. М., 1929, с. 356—357).

² Орм — имя главного героя пьесы Брюсова «Диктатор».

М. М. ЗОЩЕНКО

Фотография М. С. Наппельбаума, 1925

Автограф: «Мих. Зощенко. 1925 год»

Литературный музей, Москва

13. М. М. ЗОЩЕНКО — ВОРОНСКОМУ

<Петроград. 16 января 1922 г.›

Тов. Воронский, письмо ваше я получил. Вы, конечно, правы: тон моего рассказа, это точно, не идет вашему журналу¹. Но только это не контрреволюция, это я просто размахнулся на большее, чем нужно. Впрочем, я не оправдываюсь. Я только хочу вам сказать, что «для удовольствия белой печати» не писал и писать не хочу — пишу так, как есть. А если и выходит иной раз с душком — такова жизнь, а не я.

Рассказ «Любовь» подержу у себя, посмотрю, подумаю: может, и верно — изменю кое-что. Тогда пришлю.

Пока посылаю рассказ «Черная магия». Тоже бытовой.

Пока всего доброго.

Мих. Зощенко

Р. С. Сегодня виделся с Бор. Пильняком — говорили о вашем журнале и о моем рассказе «Любовь». Пильняк считает, что вы правы. Я согласился. Привет и от него.

16/I—22.

Мих. Зощенко

ИМЛИ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1.

В неполном виде опубликовано в книге: А. К. Воронский. Литературно-критические статьи. М., 1963, с. 27.

Михаил Михайлович Зощенко (1895—1958), так же, как и некоторые другие члены группы «Серапионовы братья», был привлечен к участию в *КН* по совету Горького и при его посредстве (А. Воронский). Встречи и беседы с Максимом Горьким.—*НМ*, 1966, № 6, с. 217). В апреле 1922 г. Воронский назвал его в числе тех молодых писателей, которых считал опорой своего журнала (*Архив Горького*, т. X, кн. 2, с. 10). Сотрудничество Зощенко в *КН* (в годы редакторства Воронского) ограничилось публикацией рассказа «Лялька Пятьдесят» (1922, № 1). Три его рассказа напечатаны в альманахах, выходивших под руководством Воронского: «Черная магия» (*Наши дни*, № 1, 1922), «Коза» (*Круг*, кн. 1, 1923), «Война» (*«Веселый альманах»*, 1923).

Воронский сочувственно отозвался в печати о творчестве Зощенко: в рецензиях на альманах «Серапионовы братья» (Пг., 1922 — *КН*, 1922, № 3) и на первую книгу писателя — «Рассказы Назара Ильича, господина Синебрюхова» (Пб., 1922 — *КН*, 1922, № 6). Он отметил стремительное развитие дарования автора «Рассказов» и «своевременность» избранных им темы и жанра: «Сатира и смех теперь нужны как никогда, и о Синебрюховых нужно писать» (там же, с. 344); вместе с тем, Воронский предъявлял Зощенко серьезный упрек в «неопределенности» авторской позиции, проистекающей из неумения писателя стать «в уровень с революцией» (там же).

¹ Речь идет о рассказе «Любовь». Зощенко явно преувеличивал здесь некоторые негативные явления быта начала 20-х годов. Из-за неопределенности авторской позиции рассказ мог быть воспринят как изображение торжества того, что принято было называть «накипью революции». Рассказ не был напечатан в *КН*; опубликован в приложении к «Петроградской правде» («Литературная неделя», 1922, № 9).

14. ВОРОНСКИЙ — С. П. ПОДЬЯЧЕВУ

«Москва. 7 февраля 1922 г.»

Семен Павлович! Я не ответил вам сразу на письмо, потому что был болен, а потом набежали всякие делишки. № 4 «Красной нови» я послал вам по почте ¹. № 5-й выходит на днях ². С Вересаевым мы приступили к изданию художественных альманахов ³. № 1-й выйдет недели через три. Пришлю. Раскачайтесь написать что-нибудь побольше. Плачу я теперь прилично (4 миллиона руб. печатный лист). Плохо, что вы болеете. Подберите ваши последние рассказы; я сдам их в Госиздат для издания ⁴. Самому мне очень трудно возиться. Помаленьку раздуваю кадило, туговато идут дела, литературы хорошей нет: сгинула. Но все-таки лучше, чем 5—6 месяцев тому назад. Пока всего хорошего. Пишите.

А. Воронский

7/II—22 г.

ЦГАЛИ, ф. 374, оп. 3, ед. хр. 4, л. 5—5 об.

¹ В четвертом номере *КН* (ноябрь — декабрь 1921 г.; зарегистрирован во Всесоюзной книжной палате 11 января 1922 г.) опубликовано два рассказа Подъячева — «Из недавнего прошлого» и «Православные».

² Имеется в виду № 1 (5) *КН* за 1922 г. (в 1921 г. вышло всего 4 книги, в 1922 г. журнал имел двойную нумерацию).

³ Альманах *Наши дни* (№ 1—5, М., ГИЗ, 1922—1925), как и *КН*, объединял писателей различных направлений (в основном, авторов журнала). Первый номер вышел в мае 1922 г. под ред. В. В. Вересаева (фактически под совместной редакцией Вересаева и Воронского). На титуле последующих номеров (№ 2—4) имя редактора не обозначено, редактор 5-го номера — Воронский.

⁴ О судьбе этого предложения см. п. 17 и 18.

15. Б. А. ПИЛЬНИК — ВОРОНСКОМУ

Kirchstrasse E^{II} bei Delion. Charlottenburg 4-Berlin
Boris Wogau-Pilniak¹.
<Берлин> 15 февраля 1922 г.

Дорогой Александр Константинович!

Алексей Михайлович Ремизов пишет вам о горестях своих ². О его рукописях хлопочут все, начиная с Горького, кончая Аросевым ³ (видел я его в Риге, долго толкался я по пуговицным нашим соседям). Пожалуйста, сходите в Наркоминдел (там рукописи Алексея Михайловича), узнайте,

у кого они там, толку добейтесь, вызвольте рукописи, пришлите их сюда (или нам, я вместе с Ремизовым живу⁴, — или Гринбергу Захару Григорьевичу в Наркомпросе⁵): *пожалуйста*. Сами вы понимаете, что значит писателю без рукописей быть.

Это одно дело. Другое — теперь. Это письмо в Москве бросит Ладыжников Иван Павлович⁶. В Москве он пробудет всего несколько дней и вернется сюда, в Берлин. Писать всем товарищам некогда — Иван Павлович завтра едет. Позвоните по телефону, скажите Яковлеву, Клычкову, Лидину, Зайцеву, чтоб слали к вам рукописи, а вы передайте их Ладыжникову, чтоб Ладыжников мне их привез (всем писателям скажите, без окрасок партийных, без различия «имен»)⁷. Спрос здесь огромный. Надо русский товар лицом показывать.

Извините, что только о делах пишу. Всего не расскажешь, а «о душе», как писал из Ревеля⁸, — все же напишу, на днях, как склоняет суматоха: огромная суматоха.

Помогите Ремизову.

Пришлите, через Ладыжникова, рукописей[}] по-жа-луй-ста

Может, изловчитесь, приплете: газет советских, «Красную новь» — комплект, журналов московских мелких — очень скучно без будничной России.

Целую вас крепко ваш Б. Пильняк

ИМЛИ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 12, л. 1.

Борис Андреевич Пильняк (наст. фамилия Богау; 1894—1937) был привлечен к участию в *КН* по совету Горького (А. Воронский и беседы с Максимом Горьким. — *НМ*, 1966 № 6, с. 217). С осени 1921 г. стал постоянным сотрудником издания, которым руководил Воронский: в *КН* напечатаны его «Простые рассказы» (1921, № 4), отрывки из романа «Голый год» (1922, № 1), рассказы «Волки» и «Spieganz» (1923, № 3, 6), «Материалы к роману» (1924, № 1, 2), очерк «Могила А. П. Чехова», рассказ «Гибель Свердрупа» и очерк «Соли Камские» (1925, № 2, 3, 8), «Рассказ о ключах и глине» (1926, № 1), «Корни Японского солнца» и «Иван Москва» (1927, № 3 и 6); в *Круге* — повести «Третья столица» (кн. 1, 1923), «Мать сыра-земля» и «Заволочье» (кн. 4, 5, 1925); в *Наших днях* — «Кукушка» (отрывок из романа «Коломенские земли» — № 5, 1925). В 1923—1927 гг. изд-во «Круг» выпустило роман «Голый год» и 6 сборников рассказов Пильняка. В 1922—1923 гг. Пильняк, как член правления изд-ва, принимал самое активное участие в его работе, в частности, в редактировании альманахов *Круг*.

Воронский высоко ценил Пильняка и называл его в числе тех, на кого опирался, работая «над объединением вокруг журнала группы молодых литераторов» (*Архив Горького*, т. X, кн. 2, с. 10). Он посвятил его творчеству первую статью в цикле «Литературные силуэты» («Борис Пильняк» — *КН*, 1922, № 4), значительное внимание уделял Пильняку и в своих обзорах современной литературы (*КН*, 1922, № 2; 1923, № 2). Признавая, что Пильняк — «писатель не отстоявшийся и сложный», не пришедший еще к «целостному мироощущению», Воронский отзывался о нем как о художнике «с большим дарствием и самостоятельностью, с несомненными художественными данными» (*КН*, 1922, № 4, с. 260, 265). Вместе с тем он резко критиковал идеологические штатания Пильняка, помешавшие ему увидеть «подлинных, настоящих строителей новой России» (*КН*, 1923, № 2, с. 337).

Дружеские отношения, установившиеся у Воронского с Пильняком, прервались в 1926 г. после того, как Пильняк опубликовал свою «Повесть непогашенной луны» (*НМ*, 1926, № 5), посвятив ее Воронскому, на что не получил его разрешения. В открытом «Письме в редакцию» Воронский указал, что повесть «является не только грубейшим искажением» обстоятельств смерти М. В. Фрунзе, «но и злостной клеветой на нашу партию»; в заключение он заявил: «Повесть посвящена мне. Ввиду того, что подобное посвящение для меня, как для коммуниста, в высокой степени оскорбительно и могло бы наложить тень на мое партийное имя, заявляю, что я с негодованием отвергаю это посвящение» (*НМ*, 1926, № 6, с. 184). Редакция *НМ* признала публикацию повести «явной и грубой ошибкой» (там же). В начале июля 1926 г. Воронский писал Горькому: «Меня обвиняют в инспирации Пильняка. Кое-что он, правда, узнал от меня, но в самом главном я неповинен» (*Архив Горького*, т. X, кн. 2, с. 38). Впоследствии взаимоотношения между Пильняком и Воронским были восстановлены.

¹ В 1922 г. Пильняк провел несколько месяцев за границей — сначала в странах Прибалтики, а затем в Германии.

² Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) в августе 1921 г. выехал из Советской России за границу, чтобы, по его словам, «прикоснувшись к старым камням Европы, набраться силы и вернуться назад в Россию, — русскому писателю без русской стихии

жить невозможно» («Русская книга», Берлин, 1921, № 9, с. 30). Первое время жил в Берлине. В конце публикуемого письма — приписка неизвестной рукой: «Дорогой Воронский, (...) прошу тебя также помочь Ремизову. Он здесь болеет и вообще чахнет, но тяготеет к нам и против белогвардейщины...». Письмо Ремизова Воронскому неизвестно.

³ Александр Яковлевич *Аросев* (1890—1938) — писатель, партийный и государственный деятель. Был активным сотрудником КН с ее основания, состоял членом правления изд-ва «Круг». В начале 1920-х годов находился на дипломатической работе за рубежом.

⁴ Пильняк был связан с Ремизовым не только дружескими отношениями, но и творчески. Повесть «Третья столица» посвящена им Ремизову — «мастера, у которого я был подмастерьем». О судьбе рукописей Ремизова см.: «Ежегодник отдела рукописей Пушкинского Дома на 1975 год». Л., «Наука», 1977, с. 20.

⁵ Захарий Григорьевич *Гринберг* был представителем Наркомпроса РСФСР и Госиздата по заграничным закупкам в Берлине.

⁶ Иван Павлович *Ладыжников* (1874—1945) — издательский работник, друг и помощник Горького в его литературно-издательской деятельности. В 1921—1930 гг. — один из руководителей акционерного изд-ва «Книга» (Берлин), затем акционерного общества «Международная книга» (Москва).

⁷ По-видимому, речь идет о материалах для литературного приложения к газете «Накануне» (подробнее см. п. 24, прим. 2). Александр Степанович *Яковлев* (1886—1953), Сергей Антонович *Клычков* (см. о нем. п. 33 прим. 4), Владимир Германович *Лидин* (1894—1979), Петр Никандрович *Зайцев* (1888—1971) — писатели, группировавшиеся вокруг КН и изд-ва «Круг».

⁸ Ревель — дореволюционное название Таллина. Этот город описан в повести Пильняка «Третья столица».

16. С. А. СЕМЕНОВ — ВОРОНСКОМУ

Петроград. 22 февраля 1922 г.

Тов. Воронский! Очень прошу вас срочно выслать оттиск «Голода». Если сам «Голод» выйдет позднее 1 марта, то мне в высшей степени необходим хотя бы оттиск.

«Голод» я препровождаю с В. И. Немировичем-Данченко за границу¹, и Василий Иванович обещает, что он будет издан там. По этой причине мне срочно необходим хотя бы оттиск, ибо Василий Иванович уезжает около 5 марта.

Сергей Семенов

АГ, П-ка КН, 1-66-1.

Сергей Александрович *Семенов* (1893—1942) — писатель-прозаик, участник гражданской войны. В 1921—1922 гг. принимал участие в работе Петроградского отделения Пролеткульта.

Первые произведения Семенова (начал печататься в 1921 г.) посвящены эпохе гражданской войны и военного коммунизма. В КН опубликован его рассказ «Тиф» (1922, № 1), в *Наших днях* — роман «Голод» (№ 1, 1922) и рассказ «По стальным путям» (№ 3, 1923). В 1922 г. «Голод» вышел отдельным изданием в Петроградском отделении ГИЗа, затем дважды переиздавался изд-вом «Круг» (1923, 1925); был переведен на болгарский и немецкий языки.

¹ Писатель Василий Иванович *Немирович-Данченко* (1844—1936) эмигрировал в 1922 г.

17. С. П. ПОДЬЯЧЕВ — ВОРОНСКОМУ

«с. Обольяново-Никольское Дмитровского уезда, Московской губ. Между 7 и 27 февраля 1922 г.»

Уважаемый товарищ!

Посылаю вам с сынишкой несколько рассказиков. Добавьте к ним из «Красной нови» «Болящий», «Голодающие», «Православные» и «Овца заблудящая» в «Правде»¹.

Прошу сделать, что можно.

Затем относительно вашего альманаха нового скажу, что я со своей стороны постараюсь дать что-нибудь². Об этом и толковать нечего, только ей-ей — нездоровится. Да как-то по-чудному нездоровится — худею и стал, как баба. Слезы, злость. Временами постыло делается всё, так что хоть

в петлю. Семейству кажется в тягость. Покою от меня мало. Задыхаюсь. Пройду немного — рот разеваю — воздуху мало.

Ну да это все между прочим. Пора ведь костям на место, и работать-то надо, и буду пока и т. д.

Жму руку. Ваш С. П. Подъячев

Не забывайте меня. Устройте с изданием. Да нельзя ли за него денег
<1 нрзб.> получить?

С. Подъячев

P. S. «Красную новь» пришлите.

ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 17, л. 62—62 об.
Ответ на п. 14. Датируется по содержанию.

¹ См. п. 14 и 18.

² В альманахе *Наши дни* (см. п. 14, прим. 3) Подъячев не участвовал

18. В РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКУЮ КОЛЛЕГИЮ ГОСИЗДАТА

(Москва) 27/II—22 г.

Писатель Семен Павлович Подъячев обратился в редакцию журнала «Красная новь» с просьбой оказать ему содействие по выпуску через Госиздат отдельным сборником его литературных произведений, помещенных в «Красной нови», «Правде» и других советских органах.

Находя такой выпуск вполне своевременным и желательным, редакция поддерживает означенное ходатайство Подъячева¹.

Произведения Подъячева и письмо при сем прилагаются.

Редактор А. Воронский

ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 17, л. 61.
Машинопись (исх. № 183). Подпись — автограф.

¹ 8 мая 1922 г. на сборник были получены положительные рецензии П. Н. Зайцева и В. М. Фриче (ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 17). Однако автор попросил вернуть ему рукопись, решив выпустить книгу в изд-ве Наркомзема «Новая деревня» (там же, л. 64). С согласия председателя Редколлегии Госиздата Н. Л. Мещерякова рукопись была ему возвращена. В 1922 г. «Новая деревня» выпустила сборник рассказов Подъячева под заглавием «На грани».

19. Н. Н. НИКИТИН — ВОРОНСКОМУ

(Петроград. 1 марта 1922 г.)

Тов. Воронский,

вместе с этим письмом посыпаю вам рукопись «Подарок Фатмы». Эта вещь пародирует семейный и авантюрный английский роман. Все чрезвычайно сжато и напряжено, где вехи романа — главы. Стержнем романа нарочно выбран такой пустяковый и незначительный предмет, как туфли. Конец нарочно условен. Всего в ней 42 000 букв.

Почему вы мне ничего не пишете? И я не знаю, что вы сделали с моим «Хлебом»¹. Был бы крайне признателен, если бы вы сочли возможным прислать редактируемые вами издания.

Читал статью С. Городецкого (о «Петербургском сборнике»)². Здорово!
<...> На днях выйдет Серапионовский сборник³.

Жму руку.

Ваш. Никитин

Жду срочного ответа.

АГ, П-ка КН, 1-44-2.

Открытое письмо. Датируется по почт. штемпелю: «Петроград. 1.3.22».

Николай Николаевич Никитин (1895—1963) начал профессиональную литературную деятельность в 1920 г. в студии «Дома искусств» в Петрограде. Входил в группу «Серапионовы братья» и вместе с другими ее участниками был, по совету Горького, приглашен сотрудничать в КН.

«Отеческим пинком я попал в литературу — это пинок Горького,— писал Никитин.— Через Горького к Воронскому. Пинок, данный Алексеем Максимовичем, был правилен. Потом Москва и Воронский — это совершенно связано. И Воронский, что бы и кто бы ни писал о современной литературе, не только для меня, но и для всех нас, кухарей сегодняшней кухни, никогда из этой связи не выйдет» («Красная панорама», 1926, № 28, с. 13). Столъ же высоко оценивал он и впоследствии роль основанного Воронским журнала: «Не думайте, что печтание в «Красной нови» было тогда обыкновенным, будничным явлением. Это был серьезный и, пожалуй, до известной степени политический шаг в жизни. И действительно, на «питерском парнасе» заговорили, что молодежь уходит к большевикам (...). Многие из «серапионов» один за другим стали вскоре печтаться в „Красной нови“» (Н. И. и т. д. Избранное в двух томах, т. I. М.— Л., 1959, с. 17—18).

Воронский сочувственно отозвался о Никитине в статье «Литературные отклики» (КН, 1922, № 2 — см. п. 22, прим. 8), а в рецензии на альманах «Серапионовы братья» (Пб., 1922) писал: «Большой дар у Никитина и многое ему дано» (КН, 1922, № 3, с. 266). Впоследствии Воронский неоднократно отмечал незаурядное дарование этого писателя (КН, 1923, № 2, с. 344; № 5, с. 370).

В письме Горькому от 27 апреля 1922 г. Воронский назвал Никитина в числе молодых писателей, которых считал опорой своего журнала (Архив Горького, т. I X, кн. 2, с. 10). В КН опубликованы его рассказ «Мокей», отрывок из повести «Рвотный форт» (1921, № 3; 1922, № 4). Три рассказа Никитина напечатаны в альманахах, выходивших под руководством Воронского: «Подарок Фатмы» («Веселый альманах», М., 1922), «Чаване» («Наши дни», № 2, 1922), «Ночь» (Круг, кн. 2, 1923). Последний рассказ вызвал резкую критику Воронского, считавшего неприемлемой авторскую позицию писателя в изображении событий гражданской войны (КН, 1923, № 2, с. 344; см. также п. 36 и п. 43, прим. 1 и 2). После этого сотрудничество Никитина в КН прервалось и возобновилось только в 1926 г. («Обояньские повести» — № 3 и 4; «Преступление Кирика Руденко» — 1927, № 10—12).

С 1922 г. Никитин был членом правления изд-ва «Круг» и принимал деятельное участие в его организации (об этом он писал Горькому 22 августа 1922 г.— Летопись Горького, вып. 3, с. 289; см. также ЛН, т. 70, с. 466). В 1923 г. «Круг» выпустил сборник рассказов Никитина «Бунт» (2-е изд. под заглавием «Рассказы», 1925).

¹ Рассказ «Хлеб» опубликован в журнале «Культура и жизнь» (М., 1922, № 2-3), одним из редакторов которого был Воронский (всего вышло 4 номера журнала).

² В статье Сергея Городецкого «Зелень под плесенью. (Литературный Петербург)», напечатанной в «Известиях ЦИК» (1922, № 42, 22 февраля), давалась оценка книги «Петербургский сборник 1922. Поэты и беллетристы» (Пб., изд. журн. «Летопись Дома литераторов», 1922), в которой рядом с петербургскими писателями дореволюционной формации, в том числе эстетами из «Аполлона», выступали и члены группы «Серапионовы братья». Называя последних «молодой цветущей зеленью нашей литературы», Городецкий в то же время констатировал, что они испытывают вредное влияние «старой идеальной плесени», характерной для произведений большинства участников сборника, в результате чего помещенные там рассказы Вс. Иванова и Зощенко представляют собой «идеологически пустое место».

³ «Серапионовы братья». Альманах первый. Пб., 1922 (вышел в мае 1922 г.).

20. ВОРОНСКИЙ — А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

⟨Москва⟩ 2/III—22.

Народному комиссару по просвещению
Анатолию Васильевичу Луначарскому

На основании вашего письма к Н. Л. Мещерякову ¹ от 7 февраля за № 8508 Государственное издательство препровождает список поэтов с указанием отдельных произведений некоторых из этих поэтов для прочтения на литературных вечерах, устраиваемых в Берлине тов. Гринбергом в пользу голодающих России ².

Книги указанных в списке авторов могут быть приобретены в Ассоциации пролетарских писателей и в книжных магазинах Москвы и Петрограда, так как большинство их, кроме басен Д. Бедного, являются частными изданиями и на складах Государственного издательства таких книг не имеется.

Зам. Председателя Редакционной коллегии В о р о н с к и й
Секретарь Редакционной коллегии С у х а н о в а

ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 265, л. 150.
Машинописная копия (исх. № 1831).

Решением Оргбюро ЦК РКП(б) от 9 января 1922 г. Воронский был введен в Редакционную коллегию Госиздата; 12 января коллегия Наркомпроса назначила его временно

заместителем председателя Редколлегии, а 18 мая он был утвержден в этой должности (ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 265, л. 21, 22, 39; оп. 9, ед. хр. 115, л. 6).

¹ Николай Леонидович Мещеряков (1865—1942) в 1920—1924 гг. был председателем Редколлегии Госиздата.

² З. Г. Грингберг, представитель Наркомпроса и Госиздата в Берлине, в 1922 г. устраивал при участии Объединения русских студентов в Германии литературные вечера, часть сбора с которых шла в фонд помощи голодающим. О вечере, состоявшемся 21 апреля 1922 г., сообщала газ. «Накануне» (в числе его участников назывались известные артисты О. Гзовская, В. Гайдаров и др.—1922, № 22, 22 апреля).

21. ВОРОНСКИЙ — В. В. ИВАНОВУ

(Москва. 22 марта 1922 г.)

Тов. Иванов! Получил ваше письмо о делах издательских¹. Из письма я увидел, что вы не совсем, по-видимому, поняли, о какой помощи «государства» идет речь. Дело идет не о казенных субсидиях и редакционном вмешательстве, а о кредите и льготах на коммерческих началах. Кредит из Госбанка. Это практикуют почти все издательства. «Задруга», например, «свистнула» месяца два тому назад три миллиарда. Я хлопотал о больших льготах для вас, чем для иных издательств (бумага, кредит льготный, закупка Госиздатом ваших изданий по соглашению и пр.).

Вот о чём идет речь. Понятно, что о редакционном вмешательстве не может быть и речи. Решение, которое вынесли серапионы, очень, по-моему, подходящее. Я на днях переговорю с Госиздатом, а потом сообщу. Поднимая вопрос о помощи вам, я имел *«в виду»* не взятие вас «на казенное содержание», а дружескую помочь на коммерческих началах, не связывающих ни ту, ни другую сторону. Может быть, я сам дал повод к иному истолкованию моего предложения: извиняюсь.

Теперь о «Голубых песках». Ах, тов. Иванов! Рукопись, хотя бы два-три листа, нужно было уже послать мне. № 6-ой работается в два раза быстрей пятого и выйдет 10-го апреля². Уже сейчас нужно точно знать, что пойдет, а дней через 7—8 надо сдать художественную часть журнала. Жду рукопись уже недели две и, так как надеюсь на неё, то другое отбрасываю. Убедительно вас прошу послать несколько листов. Жду вас в Москву³.

Привет и счастья!

22/III—22 г.

А. Воронский

«Бронепоезд» расценивается среди коммунистов очень высоко. Скоро появится ряд рецензий. В восторге Сталин и прочая именитая публика. Да, это не «лампадка»!

А. В.

ГБЛ, ф. 673, без шифра.

Всеволод Вячеславович Иванов (1895—1963) был привлечен к сотрудничеству в *КН* по рекомендации Горького, который передал Воронскому его повесть «Партизаны» (см.: Всеволод Иванов. Собр. соч., т. I. М., 1958, с. 712—713). Этой повестию в 1921 г. открылся первый номер *КН*. По словам Воронского, она «уже тогда наметила художественную физиономию журнала» (*Проектор*, 1927, № 6, с. 20).

В творческой судьбе Иванова Воронский и его журнал сыграли значительную роль. В *КН* была опубликована большая часть произведений писателя, созданных в первой половине 1920-х годов: повести «Партизаны» (1921, № 1), «Бронепоезд 14-69» (1922, № 1), «Хабу» (1925, № 2), роман «Голубые пески» (1922, № 3—6; 1923, № 1 и 3), отрывок из романа «Северосталь» (1924, № 5) и ряд рассказов (1921, № 2; 1923, № 5; 1924, № 1, 4; 1926, № 1, 3, 5, 6, 8, 10; 1927, № 4, 5); в *Наших днях* напечатана повесть «Возвращение Будды» (1923, № 3), в *Круге* — рассказы «Пустыня Тууб-Коя» и «Блаженный Ананий» (кн. 4, 1925; кн. 6, 1927). В изд-ве «Круг» вышел роман «Голубые пески», три сборника рассказов и отдельным изданием — рассказ «Полая Арапия».

Воронский посвятил Иванову вторую статью в цикле «Литературные силуэты» (*«Всеволод Иванов» — КН*, 1922, № 5). «Из молодых беллетристов, выдвинувшихся за последние 1½ года, — писал Воронский, — Всев. Иванов наиболее решительно и безоговорочно принял Советскую революционную Россию, и выходит это у него просто, молодо, легко, художественно, правдиво и цельно» (там же, с. 254). Воронский-критик

Н. Н. НИКИТИН

Фотография. Начало 1920-х гг.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Москва

возлагал на Иванова особые надежды: «Дал Всеволода Иванова — это уже целое литературное событие, ибо он крупный талант и наш», — писал он В. И. Ленину 21 апреля 1921 г., характеризуя художественный отдел *КН*. —*…* Имейте в виду, что Всев. Иванов — это первая бомба, разорвавшаяся среди Зайцевых и Замятиних. Уверен, что будут и другие» (*ИМ*, 1964, № 12, с. 216).

Сочувственные отзывы о творчестве Иванова встречаются в ряде других статей Воронского, напр.: «Литературные отклики» (*КН*, 1922, № 2), рец. на альманахе «Серапионовы братья» (*КН*, 1922, № 3), «Литературный дневник» (*Прожектор*, 1927, № 13, с. 20). По признанию В. Иванова, Воронскому принадлежала идея инсценировки повести «Бронепоезд 14-69» (*Собр. соч.*, т. 8. М., 1978, с. 661).

С 1922 г. Иванов был членом правления артели писателей «Круг» (*ЛН*, т. 70, с. 466). О своих встречах с Воронским и другими членами «Круга» он рассказал в воспоминаниях «История моих книг» (*Собр. соч.*, т. I. М., 1958).

Вскоре после того, как Воронский был отстранен от руководства *КН* (последняя книга журнала, подписанная им к печати, — № 10 за 1927 г.), Иванов вошел в состав редколлегии и возглавил в журнале отдел прозы (первый номер, который он подписал среди других членов редколлегии, — № 12 за 1927 г.).

¹ Это письмо неизвестно. «Дела издательские» — вопрос о поддержке издательской деятельности группы «Серапионовы братья», в частности, задуманного ими журнала «Двадцатые годы».

² Имеются в виду № 1 (5) и 2 (6) *КН* за 1922 г. (см. п. 14, прим. 2). Роман «Голубые пески» начал печататься в *КН* с № 3 (7).

³ В середине августа 1922 г. М. Л. Слонимский, приглашая Горького участвовать в журнале «Двадцатые годы», писал: «Журнал этот — следствие поездки моей со Всеволодом и Федином в Москву. Жду сейчас Всеволода, который еще в Москве, — он дол-

жен привезти деньги» (*ЛН*, т. 70, с. 376). Тем не менее издание журнала не состоялось: «Совсем было налажилось дело с изданием в Петербурге серапионовского журнала,— писал К. А. Федин Горькому 28 августа 1922 г.,— но в последний момент затею пришлось отложить, как ни странно — не из-за денег» (там же, с. 466).

22. Н. Н. НИКИТИН — ВОРОНСКОМУ

(Петроград. Между 10 и 15 апреля 1922 г.)

<...>¹.

Ваша статья — дельная и прекрасно написанная². И не от себя скажу, а от других — которые говорят:

— Да... Приятно читать. Настоящий литературный обзор большого толстого журнала.... Как раньше...

(Между прочим, кажется, П. Щеголев это говорил)³.

Удивителен медный пушкинский стих Есенина⁴.

Просматриваю статьи и вижу — что составлен номер очень хорошо.

В одном из писем своих я как-то вам писал, что вы можете сделать ваш журнал — «единственным» в России журналом.

И это оправдывается.

Но вам тяжело, вы устали. Понимаю — тяжко было подымать целину, а теперь на готовенько, на чистенько и выхоженное — все готовы слететься — «примите, мол, и нас...».

Работы будет много.

Но это ваша гордость.

Возьмите хорошего, надежного помощника.

Если б я был московский, я не задумался бы помочь вам.

Журнал стоит того, чтобы обеспечить за ним литературный приоритет. Вот хотел открытку, а пишу письмо.

О деле так.

Выясню и напишу. 70 м²илилионов за мной. К этим можно будет прибавить то, что выторгую из запроданного и передам вам⁵.

№ 2 «Культуры и жизни» получил — спасибо⁶.

Деньги за «Фатьму» жду.

«Летопись» — я с ней спорил⁷. Это старая каша.

Посмотрите в № 2 «Новой России» — один из последних моих рассказов «Пес» — выходит на этой неделе.

Благодарю за память обо мне в «Литературных откликах»⁸.

Жалко, что располагаете малым материалом. Ваш отзыв — мне дорог.

Ехать думаю во второй половине мая. Дам вам знать — и без денег ваших не поеду.

Крепко жму руку

Ник. Никитин

P. S. Кстати, о Замятине. Не влияет он на меня так, как вы думаете⁹. Вначале может быть было, это верно... а теперь нет. Я не отрекаюсь от него, конечно, а просто по существу. Человек он хороший, «оппозиционер» по природе — ну что поделаешь, интеллигентская замашка. Родиться бы ему вновь, пройти сквозь революционную жижу — здоров бы был....

АГ, П-ка *КН*, 1-44-6.

¹ Начало письма не сохранилось. Датируется по упоминанию о втором номере *КН* за 1922 г. (вышел в апреле), а также по словам Никитина в письме Воронскому от 26 апреля 1922 г.: «Письмо писал вам на Страстной» (АГ, П-ка *КН*, 1-44-3, л. 1) — Страстная неделя в 1922 г. приходилась на 10—15 апреля нов. стиля.

² Статья Воронского «Литературные отклики» (*КН*, 1922, № 2).

³ Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — литературовед, историк революционного движения.

⁴ Стихотворением «Не жалею, не зову, не плачу...» (*КН*, 1922, № 2) началось постоянное сотрудничество С. А. Есенина в *КН*. Его творчеству Воронский посвятил статью в цикле «Литературные силуэты» («Сергей Есенин» — *КН*, 1924, № 1), некролог «Об отошедшем» (*КН*, 1926, № 1) и воспоминания «Памяти Есенина» (*КН*, 1926, № 2).

⁵ По-видимому, речь идет о вступительном взносе в артель писателей «Круг».

⁶ См. п. 19, прим. 1.

⁷ «Летопись Дома литераторов» (Пг., 1921—1922) — «литературно-исследовательский и критико-библиографический» журнал, отпочковавшийся от журнала «Вестник литературы» (Пг.—Л., 1919—1922); издавался группой литераторов, чуждых революции.

⁸ В статье «Литературные отклики» (*КН*, 1922, № 2) Воронский назвал Никитина в числе тех недавно вступивших в литературу молодых писателей-прозаиков, которых объединяют общие черты: «они вышли из революции, пережили ее, стремятся каждый по-своему ее отобразить, их тянет к быту, к современности, к недавним дням» (с. 270).

⁹ В той же статье Воронский писал: «Почти все «молодые» подражают кому-нибудь. В рассказах Пильняка нередко чувствуется А. Белый, у Лидина — Булин, у Всеволода Иванова — М. Горький, у Ник. Никитина — Замятин и Ремизов, у Зощенко — Замятин и Лесков»; однако он отмечал, что это «влияние часто вялое, формальное» (*КН*, 1922, № 2, с. 271).

23. Д. Н. СЕМЕНОВСКИЙ — ВОРОНСКОМУ

«с. Троицкое Иваново-Вознесенской губ.»

14 мая 1922 г.»

Дорогой Александр Константинович!

Обещал вам рассказ, а вместо того посыпаю стихи. Если подойдут, то напечатайте их поскорее, так как они имеют значение агитационное. Если нельзя напечатать все, то напечатайте хоть часть (хотя стихи не длины, а в журнале места много), но непременно с посвящением¹.

Живу в себе. Иногда прихожу в редакцию. В. А. Смирнов из «Рабочего края», кажется, уходит². Собирается осенью в Москву.

Получили ли мои вирши, посланные вам недавно две назад?³ Шлите гонорар или аванс. Извините, что беспокою мелочами. Впрочем, это для меня далеко не мелочь, особенно теперь, когда я нигде не служу и ничего не зарабатываю.

Всего хорошего!

Ваш Д. Семеновский

14/V—22.

P. S. Деньги, журнал и, если придется, письма — можно посыпать, как и прежде, на «Рабочий край». Оттуда мне передадут.

Д. С.

Если аванс прислать можно, то пусть он будет не меньше 10 миллионов. Хотел послать несколько стихов интимного характера, но раздумал и посыпал однажды только виршу.

АГ, П-ка *КН*, 1-67-4.

Поэт Дмитрий Николаевич Семеновский (1894—1960) входил в кружок пролетарских поэтов при иваново-вознесенской газете «Рабочий край», которую в 1918—1920 гг. редактировал Воронский. В рецензии на три сборника членов кружка, изданные в 1919—1920 гг. в Иваново-Вознесенске, Воронский писал: «Самый значительный и даровитый из поэтов этой группы несомненно Д. Семеновский» (*Литературные заметки. I. Песни северного края* — *КН*, 1921, № 2, с. 218). Семеновский посвятил Воронскому стихотворение «Не враждой, не яростью звериной...» (сб. «Взамах. Стихи и поэмы иваново-вознесенских поэтов». Иваново-Вознесенск, 1921).

Семеновский был одним из первых писателей, привлеченных Воронским к сотрудничеству в *КН*, — в первом номере журнала напечатана его статья «Современная частушка», включающая тексты частушек, собранных в 1917—1919 гг. (1921, № 1), его стихи печатались в ряде номеров *КН* (1921, № 2; 1922, № 2 и 5; 1926, № 6). В 1927 г. изд-во «Круг» выпустило сборник стихов Семеновского «Мир хороши».

¹ К письму приложено стихотворение «Блажен, чье сердце...» В *КН* оно не было напечатано; вошло в сб. стихов Семеновского «Благовещение» (Иваново-Вознесенск, 1922).

² Василий Алексеевич Смирнов — поэт и журналист, ответственный редактор «Рабочего края» после перевода Воронского в Москву. В мае 1922 г. был переведен на работу в «Правду».

³ По-видимому, стихотворение «Всем, нам, всем: цветам, деревьям, людям...» *КН*, 1922, № 5).

Д. Н. СЕМЕНОВСКИЙ, М. Д. АРТАМОНОВ, И. И. ЖИЖИН

Члены кружка пролетарских поэтов при иваново-вознесенской газете «Рабочий край»

Фотография. Иваново-Вознесенск, 1920

Ивановский объединенный историко-революционный музей

В 1921 г. творчеством этих поэтов заинтересовался, по рекомендации А. М. Горького,
В. И. Ленин

24. А. Н. ТОЛСТОЙ — ВОРОНСКОМУ

Kurfürstendamm, 31. Pens. M. Fischer. Berlin.
19 мая 1922 г.

Уважаемый А. Воронский,

с удовольствием принимаю ваше предложение участвовать в журнале и альманахе¹. Об условиях мы сговоримся тогда, когда у меня будет рукопись, — я вам напишу.

Очень прошу вас — если у вас есть в портфеле небольшие (строк в 400—500), яркие, сильные рассказы — присылайте мне аэропочтой для помещения в литературном приложении «Накануне»².

Крепко жму вашу руку

А. Толстой

АГ, П-ка КН, 1-79-1.

Алексей Николаевич Толстой (1882—1945) в то время жил еще в Берлине, но уже порвал с эмигрантскими кругами. Вернулся на родину в конце апреля 1923 г. (см. «Известия», 1923, № 100, 8 мая). Впервые о его творчестве Воронский писал в ст. «Литературные заметки» («И. О двух романах» — КН, 1921, № 2; одна из рассматриваемых здесь романов — 1-я часть «Хождения по мукам»). Толстому посвящена его статья «Журнавли над Гнилоягами» (КН, 1926, № 9).

В бытность Воронского редактором КН в журнале были помещены следующие произведения Толстого: «Аэлита» (1922, № 6; 1923, № 1, 2), «Гидра» (под. назв. «На рыбной ловле» — 1923, № 6), «Голубые города» (1925, № 4), «Гиперболоид инженера Гарина» (1925, № 7—9; 1926, № 4—9; 1927, № 2), «Азев (Орел или решка)» (1926, № 1), «Случай на Бассейной улице» (1926, № 12). В изд-ве «Круг» вышел сб. рассказов Толстого «Древний путь» (1927).

¹ Произведения Толстого в альманахах *Наши дни* и *Круг* не печатались.

² «Накануне» — русская газета сменовеховского направления; издавалась в Берлине (1922—1924) и имела своего представителя в Москве. В литературном приложении к газете, которое редактировал Толстой, печатались многие советские писатели. Газета и издания «Накануне» беспрепятственно ввозились в Советскую Россию.

25. М. М. ЗОЩЕНКО — ВОРОНСКОМУ

«Петроград. Февраль — май 1922 г.»

Тов. Воронский! Вы хотели что-то почиркать в рассказе моем «Любовь»¹. Если это незначительное и ущерба для рассказа не будет, то пожалуйста. Полагаюсь на усмотрение ваше. Хотелось бы мне рассказ этот видеть в «Красной нови», а не в вересаевском альманахе². Неправда ли — больше подходит? Ну, да я не протестую, если иначе. Нового вам не посылаю — не пишу. Болею все — астма и легкие дрянь³. Ну да извините, что на недоровье жалуюсь. Это я всем.

А вот у меня дело к вам есть. Мне сказали, что рассказ мой «Война» лежит в редакции «Культура и жизнь». Как это случилось — не знаю. Помню, осенью еще дал я этот рассказ Замятину. Он сказал: «Пошли в Москву, пристрою там». Нынче он говорит мне: «Ну вот, пристроил. Напишите, согласны ли. Журнал «Культура и жизнь»⁴.

Так вот, тов. Воронский, верно ли это? Если так, то посылаю согласие свое. Напечатайте. Если нужно. Если нет — ответьте. Рассказ из ранних — даже не помню, хорош или плох. Так вот — всего доброго.

Ваш Зощенко

АГ, П-ка КН, 1-23-1.

Датируется по упоминанию о журнале «Культура и жизнь», который выходил в феврале — мае 1922 г.

¹ О судьбе этого рассказа см. п. 13, прим. 1.

² Альманах *Наши дни* (см. о нем п. 14, прим. 3).

³ Участник первой мировой войны, Зощенко, по его собственным словам, «на фронте пробыл два года. Участвовал во многих боях, был ранен и отравлен газами» (М. М. Зощенко. Избранные произведения в 2-х томах, т. I. М., 1968, с. 47).

⁴ Рассказ «Война» был опубликован в кн. «Веселый альманах» (М., «Круг», 1923). О журнале «Культура и жизнь» см. п. 19, прим. 1.

26. М. М. ЗОЩЕНКО — ВОРОНСКОМУ

〈Петроград. 12 июня 1922 г.〉

Тов. Воронский, а ведь вы меня совсем забыли. Даже не ответили, где пойдет «Любовь».

Может быть, вы не получили моего письма, где я пишу: «Можно еще кое-что почиркать»¹. Если вы сомневаетесь, напечатать ли этот рассказ или нет, то лучше не стоит печатать. Право, может и на самом деле есть там кое-что этакое... А мне этого не хочется.

Если же печатать рассказ вы все-таки решили, то пришлите мне, пожалуйста, денег. Очень нужно. Извините, что я прошу. До сих пор я не просил — думал, что у вас нету, однако кой-кому вы прислали. Так что я в некотором даже недоумении. *Если же печатать не будете* (печатать его, кроме как у вас, я не буду), то отвьте. *Денег же не высылайте*, а вышлите как только я пришлю вам новый рассказ. Я вот на днях собрался вам посыпать, да деньги понадобились срочно — продал в «Петроградскую правду», в газету². А это не интересно.

Ужасно жаль, что вы не здесь, а в Москве. Вместе рассказ привели бы в порядок.

Итак, тов. Воронский, жду вашего ответа.

Ваш Мих. Зощенко

12/VI—22.

АГ, П-ка КН, 1-23-2.

¹ См. п. 25.

² Речь идет о рассказе «Веселая жизнь» («Петроградская правда», 1922, № 136, 25 июня).

27. В АГИТ-ОТДЕЛ ЦК РКП (БОЛЬШЕВИКОВ)

〈Москва. 18 августа 1922 г.〉

По поводу сборников, намеченных к изданию в связи с пятилетней годовщиной Октябрьской революции, — II тома, — предлагаю два варианта:

Вариант А.

Сборник (II-ой том) должен включать в себя статьи литературно-критического и публицистического характера такого примерно содержания:

1) Статья общего характера о состоянии идеологии кануна Революции (обзор идеологических настроений разных классов и общественных группировок). Перелом после Октября и основные настроения в эпоху Революции¹.

2) Обзор белогвардейских настроений в местах, занимавшихся Колчаком, Деникиным, Брангелем и т. д.

3) «Наши за границей». Белогвардейцы за рубежом. Их газеты, журналы, распад смено-веховства и пр.

4) Махновщина.

5) Художественная литература до нэпа — в эпоху гражданской войны и после. Молодые и старые. Шуйца и десница молодежи.

6) Пролетарское русло в литературе (обзор) <...>

8) Намечающиеся перспективы.

Б. Второй вариант.

Сборник (II-ой том) составляется из воспоминаний, связанных с Октябрьской революцией и с последующей гражданской войной. Привлекаются лучшие наши литературные силы и наиболее активные участники и руководители <...> Часть мемуарной литературы носит беллетристический характер. Для этого нужно привлечь также и художников слова (В. Иванов, Серавимович, Ник. Асеев, В. Маяковский, В. Казин, Плетнев² и др.). Можно дать и стихи.

Второй вариант, по-моему, предпочтительней первого: интересней, своевременней. Сборник останется как любопытный документ. Категорически высказываюсь против электического смешения вариантов первого и второго, так как нарушена будет целостность. Может быть, лучше выпустить вместо двух три тома.

А. В о р о н с к и й

19—18/VIII—22

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, ед. хр. 271, л. 19.

3 июля 1922 г. Президиум ВЦИК принял решение об издании юбилейного сборника в честь пятилетия Октября (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 1154, л. 3). 31 июля 1922 г. в ЦК РКП(б) состоялось заседание «Комиссии по литературной подготовке к 5-й годовщине Октябрьской революции», решившей выпустить двухтомное издание, посвященное знаменательной дате. Составить проект второго тома («Наука и искусство») было поручено А. Воронскому и Н. Осинскому (там же, л. 12 и 13). В этом виде издание не осуществилось.

¹ Этому пункту соответствует статья А. В. Луначарского «Идеология накануне Октября», напечатанная в сб. «За пять лет (1917—1922)». М., «Красная новь», 1923.

² Валерьян Федорович Плетнёв (1886—1942) — писатель, автор пьесы «Лена» (1921), посвященной ленским событиям 1912 г. Один из руководителей и теоретиков Пролеткульта.

28. А. С. БУБНОВ — ВОРОНСКОМУ

т. Воронскому

〈Москва〉. Сентябрь 2 (1922 г.)

Для второго тома издания ЦК РКП(б) к 5-й годовщине Октябрьской революции вам поручается написать статью на тему: «Художественная литература при Советской власти до НЭПа, в эпоху Гражданской войны, и при НЭПе». Размер статьи до 2-х печатных листов. Представление статьи безусловно необходимо не позднее 30 сентября с. г.¹

Зав. агитпропом ЦК РКП(б) (А. Б у б н о в)

Секретарь (М и х а и л о в)

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, ед. хр. 182, л. 65. Копия.

Год устанавливается по содержанию.

Андрей Сергеевич Бубнов (1883—1940) — советский государственный и партийный деятель. В 1922—1923 гг. — заведующий Агитпропом ЦК РКП(б). В 1924—1929 гг. — начальник Политуправления РККА и член Реввоенсовета СССР. В 1929—1937 гг. — нарком просвещения РСФСР.

В 1923 г. был членом редколлегии *КН*.

¹ См. п. 27 и прим. к нему.

29. М. М. ЗОЩЕНКО — ВОРОНСКОМУ

(Петроград, 2 сентября 1922 г.)

Тов. Воронский, посылаю вам рассказ «Коза». Со Всеходом и Никитиным я условился уже — рассказ этот пойдет вместо «Записок офицера» в Альманахе¹. «Записки» по некоторым причинам я не кончил и хочется над ними поработать еще.

Р. С. «Коза» — последний мой рассказ, напечатан нигде не был. И посылаю я вам его с некоторой даже радостью, потому что писал я его с любовью.

Ваш Мих. З о щ е н к о

Рассказ — 1 лист.

2/IX—22 г.

ИМЛИ, ф. 265, оп. 1, ед. хр. 1.

Письмо написано на титульном листе рукописи рассказа Зощенко «Коза».

¹ Вс. В. Иванов и Н. Н. Никитин входили в состав правления артели писателей «Круг» и участвовали в отборе материалов для альманаха *Круг*, в первой книге которого (1923) был напечатан рассказ «Коза».

30. Б. А. ПИЛЬНЯК — ВОРОНСКОМУ

3 сентября 1922 г. Коломна — Никола.

Воронскому А. К.—
от Пильняка Б. А.

Донесение:

о принятых и непринятых
рукописях и прочем.

1) *Книга рассказов Бор. Пильняка «Никола на Посадьях»*: следует сдать в набор, памятуя, что рукопись «Рязани-яблока» входит в эту книгу, находится у Воронского и ее надо вложить в папку — перед тем, как сдавать. Шрифт и формат Пильняк просил дать ему возможность избрать самому, а также бумагу. Очень хотел бы заказанную обложку¹.

2) *«Крокодил», рассказ М. Козырева* — очень веселый, очень хороший, — брать его для «Веселого альманаха» — и: не назвать ли им всего альманаха: *«Веселый Альманах Крокодил»?*²

3) *Сергей Пегов, — о еврейских pogromах*³. У Гржебина лежит аналогичная книга С. Гусева-Оренбургского, проредактированная Горьким⁴. Рассказ Пегова, как рассказ, пойти никуда не может, но терять материала жалко: можно а) обработать тщательно (я или Аросев), издать маленькой книжкой, — в). поберечь, когда подберется еще такой очерковый материал и тогда — не решую. Надо обсудить сообща. Пусть посмотрит Аросев.

4) *«Уголок Галиции» — очерк Сигорского* — написан не на русском языке, но на галицийском наречии. Интересен как этнографический материал. Если — обсудив — решим издавать «очерковые» альманахи, тогда — беречь; иначе — вернуть. Надо почистить и заменить «солдатню» — солдатами⁵.

5) *«Плотник из Назарета» Н. Н. Русова* — есть изложение Евангелия с добавлениями от себя: не идет⁶.

6) *А. Неверов — «Песнь Песней»* — не идет; слабо, риторично и не нужно⁷.

7) *А. Кайдаров — «Лазун Ничка»* — вещь совершенно невероятная, тут и «Дубровский», и разбойники из Пастухова, и княжны, и медведи: совершенно, как в сытинских изданиях «для народа». Не идет⁸.

8) *Мария Шкапская — «Ясь», стихи*. Надо печатать в I альманахе⁹.

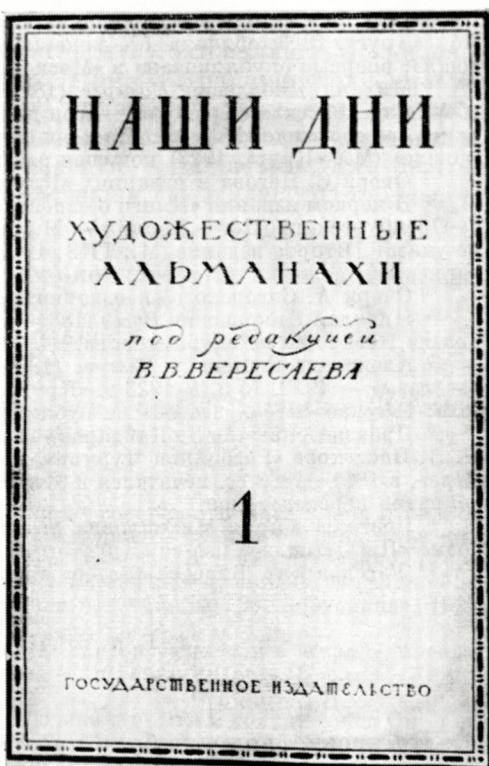
Вот и все на сей раз

П ильняк - на - П о с а д ъ я х

9) *«Ветер» — рассказ Ант. Власова* — по просмотрю Аросева — принять в I альманах¹⁰.

ИМЛИ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 12, л. 2—2об.

В письме говорится о рукописях, предложенных для изд-ва «Круг», в частности, для первой книги альманаха *Круг*. Как член правления издательства, Пильняк, наряду с Воронским, Аросевым, Асеевым и др. выполнял функции редактора.

ПЕРВАЯ КНИГА АЛЬМАНАХА «НАШИ ДНИ»,
Москва — Петроград, ГИЗ, 1922
Обложка

¹ Бор. П и ль н я к. Никола на Посадьях. Рассказы. (Сочинения, кн. III). М.—Пб., «Круг», 1923; обложка Ю. Анненкова. Повесть «Рязань-яблоко» в этот сборник не вошла; впервые опубликована в «Московском альманахе» (М.—Берлин, 1922, кн. I).

² Михаил Яковлевич Козырев (1892—?) — писатель, автор ряда юмористических сборников. Рассказ «Крокодил — три дня из жизни Красного Пришепонска» опубликован в его сборнике «Морока. Настоящие рассказы» (М., «АРТ», 1923). В «Веселом альманахе» (М., «Круг», 1923) помещен рассказ Козырева «Покосная тяжба. (Эпопея)».

³ Очертк С. Пегова в изданиях «Круга» опубликован не был.

⁴ В первом издании «Книги о еврейских погромах на Украине в 1919 г.» С. И. Гусева-Оренбургского (Пб.—Берлин—М., изд. З. Гржебина, б. г.) Горький как редактор не указан. Второе издание (М., ГИЗ, 1923) вышло под редакцией и с послесловием Горького.

⁵ Очертк А. Сигорского в изданиях «Круга» не публиковался.

⁶ Николай Николаевич Русов (1884—?) — писатель и литературовед. Повесть «Плотник из Назарета» не опубликована.

⁷ Александр Сергеевич Неверов (1886—1923) опубликовал в КН цикл «Маленькие рассказы» — 1922, № 3. В 1923 г. «Круг» выпустил его «Пьесы» и сб. рассказов «Новый дом». Рассказ «Песни песней» не публиковался.

⁸ Произведение А. К. Кайдарова в изданиях «Круга» не публиковались. Роман Н. И. Пастухова «Разбойник Чуркин», рассчитанный на обывательский вкус «торгового люда», в 1881—1882 гг. печатался в бульварной газете «Московский листок», затем неоднократно переиздавался.

⁹ Поэтесса Мария Михайловна Шкапская (1891—1952) в Круге не печаталась. Ее поэма «Явь» вышла в изд-ве «Круг» отдельной книгой (1923).

¹⁰ Рассказ Ант. Власова «Ветер» в Круге не печатался.

31. Б. А. ПИЛЬНЯК — ВОРОНСКОМУ

Коломна. 8 сентября 1922 г.

Воронский!

Это письмо пишу — буду писать — в несколько присестов, по-разному: расхворался и мысли разные. Так — вот, начну с тоски и матерщины.

1) Прочитал сейчас «Железную тишину» Ляшко, и стало неприятно: в лучшем случае это книжка второсортная. Ей богу, у нас не так уж скучна литература, чтобы издавать такие книжки вторым изданием¹. Я знаю, что Ляшко человек и литератор (как человек), и больше многих любит литературу, и больше положил на нее мозолей,— но это не исключает его бесталанности (или еще хуже — третьесортности). Попал он к нам из-за личных отношений, и жалко. Этак лучше катаевского «Генри и Черта» издать².

Теперь перейду ни-к-два-ни-к-полтора.

1) Вы сдаете в набор «Заячий ремиз»: не нужно ли было бы дать кому-нибудь просмотреть, сверить, написать предисловие, примечания?³

2) Мих. Слонимский. «Поручик Архангельский». Не очень. Прочту его в альманахе — журнале: не очень, уж очень все «литературно». Нам, «Кругу», не годится, по-моему. Просмотрите для «Наших дней» или «Красной нови»⁴.

3) Лев Лунц. «Родина». Рассказ о еврейском национализме, написан неровно, его первая и последние главы просто слабы. Это, в сущности, не рассказ, а притча. Если Лунц подчистит,— можно было бы взять в «Круг», — «Красной нови» он не подойдет темой. Попишите рукопись Лунцу — для подчистки. Попросите — до отсыла — прочитать Аросева⁵.

4) Яков Полонский «Чертова канитель». Рассказ написан хорошо, хоть и страдает «литературностью». «Кругу» не идет из-за малых его размеров, да и не альманашный рассказ. «Красной нови» — подошел бы⁶.

А теперь о хороших-вещах:

1) Книга Каверина — не книга. Выпустить ее так, как она есть, не стоит,— вообще книгу выпускать ему еще не с чем. А вот рассказ его, «Пятый странник», коим и названа книжка, если он не напечатан, надо напечатать в первом альманахе⁷. Занятный рассказ, Иоган Фауст фукцирует, весело. И

2) «Батраки» Прапорщиков — очень хорошая повесть, настоящая, правдивая, жестокая, верная. Печатать ее обязательно надо, нужно печатать⁸. Прапорщикова обещал прислать повесть из эпохи революции; в первый альманах повесть не идет («Пятый странник» я предлагаю, считаясь с другим ма-

териалом), — и вам, Воронский, решать — или отложить ее до 2-го №, или — наметив его вторую повесть «Кругу» — эту печатать в ближайшем № «Красной нови». Решайте. Дайте прочесть Аросеву. Я пишу Пропорщиковой письмо. Пошли ему денег. Мы дали ему всего 50 миллионов. Ведь вот, возьмите их за руб-за сорок, — Слонимского, Лунца, хорошие ребята, но литераторы от литературы, и скучно, хоть и умело, а сказать — или нечего, или белыми нитками, на заданную тему, — а этот *литератор от жизни*, и хорошо.

П ильняк -на - П осадъях

Приеду в Москву я в среду-четверг, как окончательно перестану чихать, кашлять, истекать соплей и голове надоест болеть.

Целую всех крепко!

В а ж н о

Шлю рукопись «Рязани-яблока», — вложите в книгу. Спросите Шапирштейна⁹, — написал ли он Гржебину¹⁰ в Берлин? — надо написать!

ИМЛИ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 12, л. 3—3 об.

¹ Воронский оценивал творчество Н. Н. Ляшко совершенно иначе, чем Пильняк. Характеризуя прозаиков «Кузницы», он писал: «Н. Ляшко — самый одаренный из них, наиболее интересный, не по сюжету и занимательности рассказа, а по углубленной сосредоточенности настроения и по работе над собой» (КН, 1923, № 4, с. 323). Очевидно благодаря его поддержке сб. рассказов Ляшко «Железная тишина» (М., «Кузница», 1922) вышел вторым изданием в изд-ве «Круг» (1923).

² Рассказ В. П. Катаева «Сэр Генри и Черт» был опубликован в журн. «Москва» (1922, № 7); затем вошел в сб. рассказов Катаева «Сэр Генри и Черт» (Берлин, «Книгоизд-во писателей», 1923).

³ Книга Н. С. Лескова «Заячий ремиз. Наблюдения, опыты и приключения Онофрия Перегудова» вышла в изд-ве «Круг» (1922) без предисловия и без примечаний.

⁴ Рассказ М. Л. Слонимского «Поручик Архангельский» был напечатан в журн. «Ленинград» (1924, № 15, 15 августа).

⁵ Повесть Л. Н. Лунца «Родина» опубликована в кн.: «Еврейский альманах» (П.—М., «Петроград», 1923).

⁶ Рассказ Я. Полонского «Чертова канитель» в альманахе *Круг* не опубликовался.

⁷ Повесть В. А. Каверина «Пятый странник» опубликована в первой книге *Круга* (М., 1923). Сборник рассказов Каверина вышел в изд-ве «Круг» под названием «Мастера и подмастерья» (М., 1923).

⁸ Повесть Пропорщиковой «Батраки» ни в *Круге*, ни в КН не опубликовалась.

⁹ Критик Я. Е. Шапирштейн (псевд. Эльсберг) в те годы был сотрудником изд-ва «Круг» (см. о нем наст. том, с. 500).

¹⁰ Зиновий Исаевич Гржебин (1869—1929) — владелец издательства (1919—1923), которое было организовано в Петрограде, а затем переведено в Берлин. В первые годы общее руководство его работой осуществлялось Горьким, В. А. Десницким и А. П. Пинкевичем.

32. В. В. ВЕРЕСАЕВ — ВОРОНСКОМУ

«Москва. Сентябрь (после 10) — октябрь 1922 г.»

Александр Константинович! Направляю к вам Софью Захаровну Федорченко, автора замечательной книги «Народ на войне», — по мнению многих, — лучшего, что написано о войне. Книга в свое время была издана в Киеве, но издание погибло для большой публики и мало кому известно¹. Советую не упустить книгу. Получил письмо от Волошина, — он благодарит вас за предложение аванса, но пишет, что к «Путям Каина» пишет еще ряд глав и закончит не скоро. Несколько глав пришлет мне в скорости².

Ваш В. В е р е с а е в

P. S. Есть у нее еще чудесные сказки³. Вообще, человек очень литературно-ценный.

ЦГАЛИ, ф. 1677, оп. 1, ед. хр. 12, л. 1.

Датируется по упоминаемому письму М. А. Волошина Вересаеву от 10 сентября 1922 г. (не опубл.; находится у В. М. Нольде — Москва).

Викентий Викентьевич Вересаев (наст. фамилия Смидович; 1867—1945) был привлечен к сотрудничеству в КН и редактированию альманаха *Наши дни* (см. п. 14, прим. 3)

по совету Горького. В *Наших днях* опубликованы его переводы из Гете (№ 1, 1922), в *КН* — статьи о Л. Толстом (1921, № 4), Пушкине (1923, № 5; 1924, № 2), о народных обрядах (1926, № 1 и 11), переводы из древнегреческой поэзии (1922, № 1), отрывки из романа «В тупике» (1922, № 4 и № 5). Воронский одним из первых отозвался на этот роман еще до появления его в полном виде. Он писал: «Напечатанные отрывки являются знаменательным и ценным художественным документом распада и исторического краха интеллигентии старого поколения» («В тисках» — «Правда», 1922, № 288, 20 декабря).

¹ Софья Федорченко. Народ на войне. Фронтовые записи. (Киев. Изд. подотдел Комитета Юго-западного фронта Всероссийского земского союза, 1917). Об этой книге Воронский написал статью «Стихийный большевизм» («Правда», 1922, № 247, 20 октября). В *КН* (1924, № 5) опубликованы отрывки из второй книги «Народа на войне». Подробно о С. З. Федорченко и ее книге см. в наст. томе, с. 9—22.

² Максимилиан Александрович Волошин (1877—1932) опубликовал в *КН* три фрагмента из поэмы «Путями Каина» (1922, № 3) и одно стихотворение (1923, № 2); участвовал в *Наших днях* (№ 1, 1922). В *КН* опубликовано и его «Письмо в редакцию», содержащее протест против обвинений в «поэтической контрреволюции», предъявленных ему журналом «На посту» (1924, № 1).

³ Сказки С. З. Федорченко были собраны в третьем volume собрания ее сочинений (М., «Никитинские субботники», 1925). См. также ее «Мужиковские сказки» (альманах «Недра», кн. 1. М., 1923) и многочисленные книги для детей, напр. «Присказки» (Л., 1924).

33. Б. А. ПИЛЬНЯК — ВОРОНСКОМУ и Н. Н. АСЕЕВУ

Щурово (Коломенского уезда, Московской губ.),
30 октября 1922 г.

Воронский — Асеев — дорогие!¹

Сижу и думаю о «Круге». Вот о чем. Стихов у нас много набрано. Большаков идет, М. Зенкевич — а это не первый сорт, хоть я и рад им². Идет ли у нас книжка Мандельштама? Я считаю его лучшим из современных поэтов, книжку он давал, а в объявлениях ее нету. Почему?

Обязательно надо ее издать!³ Возьми, Николаша, у него. Он живет в Союзе писателей (Тверской бульвар, 25), пошли Сережку⁴ к нему.

Целую вас крепко Пильняк

Пи-и-и-шу: сочиняюю...

ИМЛИ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 13, л. 2.

¹ Некоторое время (до образования «Левого фронта искусств») Н. Н. Асеев, наряду с Воронским и Пильняком, входил в правление изд-ва «Круг», где заведовал отделом поэзии.

² Стихи К. А. Большакова и М. А. Зенкевича в альманахе *Круг* не печатались. Не выходили они и в изд-ве «Круг». В *КН* опубликовано только одно стихотворение Большакова (1925, № 10). Зенкевич в этом журнале не печатался.

³ Сборник О. Э. Мандельштама «Вторая книга. Стихи» вышел в изд-ве «Круг» (1923). Об участии Мандельштама в *КН* см. прим. к п. 59.

⁴ Поэт Сергей Антонович Клычков (наст. фамилия Лешенков; 1889—1940) был штатным сотрудником редакции изд-ва «Круга» и *КН*. В 1922—1927 гг. систематически печатался в этом журнале. Воронский откликнулся на его роман «Чертухинский балакирь» статьей «Лунные туманы» (*КН*, 1926, № 10).

34. Б. А. ПИЛЬНЯК — ВОРОНСКОМУ и Н. Н. АСЕЕВУ

Щурово, Коломенского уезда, Московской губ.
Октябрь 1922 г.>

Воронский — Асеев — родненькие!

Шлю пачку рукописей. На листке написал — как и что. Просмотрите рукопись Буданцева — очень хорошая вещь для второго альманаха¹. «Красный фонарь» — вы, Воронский, поглядите для «Наших дней», хорошо, но не «Кругу»². Остальное — не идет никуда. У меня осталась рукопись Леонова, кажется, хорошо — до конца не прочел³. Пришлю почтой, — если хорошо, тогда альманах обойдется и без Григорьева.

Бот и все.

Теперь о деньгах. Несколько товарищей писали мне, что денег никак не добываются, поэтому сердятся. Устроить бы как, чтобы давали, не тянули? Почему Госиздат тормозит, когда деньги наши?

Слезкин мне прислал письмо, просит вернуть его рукопись (романа), у кого она, найдите, отдайте⁴.

А —
Я —

Сочиняю — — —

целую крепко Пильняк

Александр Константинович!

Вы посмотрите поскорей «Мятеж» Буданцева, чтобы к моему приезду можно было б составить второй альманах — и в ноябре сдавать.

ИМЛИ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 13, л. 3.

Датируется по содержанию: Пильняк рассчитывает в ноябре, по возвращении в Москву, сдать в печать вторую книгу *Круга* (вышла в феврале 1923 г.; Пильняк приехал в Москву после 30 октября 1922 г.— см. п. 33). Место написания устанавливается по п. 33.

¹ Сергей Федорович Буданцев (1896—1940) — прозаик и поэт. Его роман «Мятеж» (*Круг*, кн. 2, 1923) Воронский подверг детальному анализу в статье «Литературные отклики». Об альманахах «Круга» (*КН*, 1923, № 2).

² По-видимому, Пильняк имеет в виду повесть Сергея Тимофеевича Григорьева (1875—1953) «Красный бакен». Ни в *Круге*, ни в *Наших дни* повесть не публиковалась; вышла отдельным изданием (М., ГИЗ, 1924). Позднее в *Круге* была опубликована повесть Григорьева «Казарма» (кн. 4, 1925); книги его выходили в изд-ве «Круг».

³ Имеется в виду рассказ Л. М. Леонова «Гибель Егорушки» (*Круг*, кн. 3, 1924). В 1924—1927 гг. Леонов систематически печатался в *КН* (здесь были опубликованы его романы «Барсук», «Вор» и др.), участвовал в альманахе *Наши дни* (№ 5, 1925). В изд-ве «Круг» вышел сб. «Рассказы» (1925). Воронский посвятил творчеству Леонова статью в цикле «Литературные силуэты» (*КН*, 1924, № 3).

⁴ Юрий Львович Слезкин (1885—1947) — писатель-романист. По-видимому, речь идет о романе «Столовая гора», законченном в 1922 г.

35. ВОРОНСКИЙ — Е.И. ЗАМЯТИНУ

⟨Москва. Октябрь — ноябрь 1922 г.⟩

Дорогой Замятин!

Простите, что не сразу ответил вам на письмо. Собирался все в Петербург, да так и до сих пор собираюсь, а хотел вместо письма лично поговорить с вами. В Петербург я все-таки поеду, немного позже, а пока отвечаю.

Кончил часа два тому назад длиннейшую статью о вас для очередного номера «Красной нови». Там я старался ответить на многое из того, о чем вы мне писали. И ругаю и хвалю я вас предостаточно. Хвалю за «Уездное», «Алатырь», «На куличках», «Островитяне», «Ловец человеков», а «Дракон», сказочки и «Мы» — это уж совсем другое дело¹. Опять вы меня ⟨будете⟩ упрекать в доносах. Но во-первых, вы — худший доносчик, ибо вы прежде всего доносите на себя: если «грамотные» люди читают меня, то в большей степени они читают вас. А, во-вторых, благо революции превыше всего и иных постулатов у меня нет; критиковать же других, тех, которым рот зажимают, считаю приемлемым, ибо за это мы платили кровью, ссылками, тюрьмами и победами. Ведь было же время, когда над нами издевались всюду печатно (1908—1917), а мы вынуждены были молчать. Пусть помолчат теперь «они», если уж на худой конец так складываются обстоятельства. Лежит у меня, от Пильняка полученный, роман ваш «Мы». Очень тяжелое впечатление. По совести. Неужели только на это вдохновил вас Октябрь и что после было до наших последних дней? Какая же это «самая щупальная и самая серьезная вещь»? Самая мрачная и мизантропическая². Рано еще по нас такими сатирами стрелять. Как-то не туда, куда нужно, вы смотрите. Ведь вот Уэллс, о котором вы так талантливо и хорошо написали, увидел все-таки в нас, в коммунистах, что-то положительное и очень большое³, а вы нас расписываете одной черной краской. Неладно это. Ваше, впрочем, дело, а я вам — не советчик. На разных плоскостях мы стоим. Вы вот пишете — нельзя связанныго человека убивать, а я этого не понимаю. Как, почему нельзя? Иногда нельзя, иногда

можно. Все зависит от форм, степени ожесточенности борьбы, от цели, от того, кто и каков противник и что он, какими средствами, борется сам.

Вы — стоите, должно быть, в стороне от реальной борьбы теперешней, а так нельзя судить, что можно и чего нельзя. Ну, и это — побоку: не договоримся.

Вот в чем я прошу вас еще извинить меня. В своей статье я в конце немного поговорил о романе «Мы» в довольно решительных выражениях. Получилось так, что он у меня засел крепко по многим причинам и я никак не мог не иметь *(его)* в виду, когда взялся за статью. Кстати: очень растянут роман и тяжело читается. Нужно, по-моему, удалить о носах, о выборах — это ни к чему и придает роману какой-то подсидочный характер. Может быть, тогда можно будет где-нибудь напечатать.

«На куличках» — прелестно. О паутинке хорошо очень. Много лиризма.

Вообще у меня к вам двойственное отношение: одно идет от «Уездного», другое от «Церкви божьей». Оттого я так много и занимаюсь вами в журнале (доносы).

Пока всего лучшего. Пишите. Буду очень рад. «Уездное» мы думаем, т. е. «Круг», купить у вас. Я сегодня сказал, чтобы выслали пока аванс. Согласны вы?

А знаете: мы с вами земляки, я — тамбовский семинарист, из Усманского уезда⁴.

Привет. Счастья.

А. Воронский

1-й Дом Советов (бывш. гост. «Националь»), № 217.

P. S. Что делать с романом?

№ 1 альманаха «Круг» выйдет дней через 10.

ИМЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 58, л. 1—2.

Датируется по содержанию: письмо Замятину, на которое с запозданием отвечает Воронский, написано не позднее октября 1922 г. (ИМЛИ, ф. 47); шестая книга *КН* со статьей о Замятине, по окончании которой Воронский написал свое письмо, вышла в декабре 1922 г. (зарегистрирована во Всесоюзной книжной палате 22 декабря 1922 г.).

Частично опубликовано в ст. А. Г. Дементьева «А. Воронский — критик» (в кн.: А. Воронский. Литературно-критические статьи. М., 1963, с. 31—32).

Евгений Иванович Замятин (1884—1937) вызывал, по собственному признанию Воронского, «двойственное отношение» с его стороны: «Замятин — большой художник и умный человек, — писал Воронский. — Это доказано «Уездным», «Островитянами», замечательной статьей его об Уэллсе» (*КН*, 1922, № 3, с. 267); но именно «на примере Замятина прекрасно подтверждается истина, что талант и ум, как бы ни был ими одарен писатель, недостаточны, если потеряны контакт с эпохой, если изменило внутреннее чутье» (*КН*, 1922, № 6, с. 305). Эта мысль лежит в основе статьи Воронского, посвященной анализу творчества Замятина (*Литературные силуэты. III. Евгений Замятин* — *КН*, 1922, № 6); она проходит и в других статьях, где он касается отдельных произведений Замятина (*КН*, 1922, № 3, с. 267—268; 1923, № 2, с. 344).

В *КН* Замятин не сотрудничал. В *Круге* (кн. 1, 1923) опубликована его повесть «На куличках» (см. о ней ниже, прим. 1). В изд-ве «Круг» вышли два сборника Замятина: «Уездное. Повести и рассказы» (1923) и «Нечестивые рассказы» (1926).

¹ Упоминаемые произведения Замятина — повести «Уездное» (М., «Современные проблемы», 1915), «Алатыры» (*Русская мысль*, 1915, № 9), «На куличках» (первая публикация — в журн. «Заветы», 1914, № 3 — была конфискована и не увидела света; вторично — *Круг*, кн. 1, 1923), «Островитяне» (*Скифы*, сб. 2, Пг., 1918), «Ловец человеков» (*Дом искусства*, 1921, № 2), «сказки» — «Церковь божия» и «Арапы» (*Петербургский сборник*, 1922. Пoэты и беллетристы. Пб., 1922>); с романом «Мы» (1920) Воронский познакомился в рукописи.

² В статье о творчестве Замятина Воронский писал, что роман «Мы» «производит тяжелое и странное впечатление. Написать художественную пародию и изобразить коммунизм в виде какой-то сверхказармы под огромным стеклянным колпаком не ново: так издревле упражнялись противники социализма — путь торный и бесславный» (*КН*, 1922, № 6, с. 319).

³ Английский писатель Герберт Уэллс в 1920 г. посетил Советскую Россию. Его книга «Россия во мгле», вышедшая в том же году, сыграла значительную роль в распространении на Западе правды о нашей стране и о партии большевиков. Замятину принадлежит монография об этом писателе (*Герберт Уэллс*. Пг., «Эпоха», 1922).

⁴ Замятин родился в г. Лебедянь Тамбовской губ., Воронский — в с. Хорошавка Кирсановского уезда той же губернии, в том же 1884 г., и все свое сознательное детство (примерно с 3-х лет) провел также на Тамбовщине — в с. Добринка Усманского уезда.

А. К. ВОРОНСКИЙ
Фотография. Тамбов, 1904
Семейный архив Г. А. Воронской, Москва

36. Н. Н. НИКИТИН — ВОРОНСКОМУ

29/XII—22 г. П^тербург

Дорогой Воронский, первое — о чем хочу написать вам — это: 6-я книга «Нови». Я скажу вам совершенно определенно — издание стало совершенно прямым (в смысле «выпрямилось»), это в смысле тона и выдержанности толстого российского журнала. Это огромное достоинство, это общее от него впечатление. Журнал вкусен, подобран, т. е. что называется составлен по-настоящему¹.

Если говорить о деталях, они, конечно, не касаются журнала, они — суть внутренние органические пороки авторов,— об этом скажу так.
Эренбург — ?

Эклектичен, как щенок, лающий на 10 лаев, под всех знакомых взрослых собак.

Вам, конечно, может нравиться его «Курбов», но если вы вглядитесь в ритм вещи, в стиль диалога (особенно диалога, — такие, например, фразы, их строй: «ценю я свободу... как в Англии...» «Идеи? — Это так не модно, есть лишь одно... моя свобода...» «Я обожаю Метерлинка...» «Воляй-Сюпрем»...), в эту отрывчатость, ненужность вещей, о ко-

торых сообщают действующие лица, диалог — тоже ритмичный, вы скажете — *Белый*. Жалко только, что однопроцентный раствор. *Белый* в языке элегантен, и шаманством своего бреда — заразителен. И в данном случае: хороший повторитель не стоит даже пальца хотя бы маленького оригинала.

Мне Чапыгин — интересен больше. А Шагинян просто интересна и мила. Это то, что всегда должно быть в журнале — для веса и информации². Толстой — для имени (об «Аэлите», о существе — говорили мы, кажется, еще в Москве).

А вы знаете, что у вас там самое замечательное — это — этот несносный быт, но он острый, в иголках, живой, с мясом, им питаешься с наслаждением — это очерки Шишкова. Хорошо!

То, что напечатана «Записка» Дурново, — прекрасно³. Прочел, подумал: старый императорский режим имел огромных людей, но не умел ими пользоваться. Об этой «Записке» будут говорить. Вот бы таких нам. Впрочем, кажется, сказал глупость!

Теперь о статье вашей. Что говорить? Замятин вами вознесен и уничтожен. Статья — я скажу — запечатлевшая Замятина, превосходно написанная. Но негатив, сложившийся в голове, был, наверное, острее ильнее, перенеся на бумагу, вы отретушировали. Так, «Мы» — стала замечательной. Ничуть. Эта вещь — «интересна» (если можно так говорить) — политической пряностью, памфлетизмом! Ценность небольшая. А написана скучно, сухо — читатели зевают. Это вам не Свифт — а сатирочка из уездного. Уездное, а не мировое⁴.

Дай мне рожу, талантливый гротеск, кривое, дай новую мысль, чего не бывало в русской литературе, не бойся сказать, что «человек хуже собаки», пусть ругают... Впрочем, довольно. Теперь о конце статьи. Тут я говорю от себя. Об учениках Замятина. От Замятина я не отрекаюсь. Он показал мне — что слово имеет и скелет, и кровь, и мышцы, что это такой же организм, готовый анатомически и физиологически, как всякий организм. Не будь его, я, может быть, и не писал бы. Но как неправдоподобно сочетание меня и Замятина, так привившееся за последнее время. Мы разные люди во всем. Соседство мое с ним сейчас присваивается мне, как политическая накладка, но ей-богу, снять ее так же легко, как даме волосянную фальшивую накладку из-под своих волос⁵.

Стиль Замятина — и мой... Где же сходство? У него словечки и словечушки, сказ алатырских мещан⁶, а в другом — («Островитяне») — имажинизм сентиментальных конструкций (например, «самое лучшее в жизни бред, а самый прекрасный бред — влюблённость»).

Я никогда не писал так.

1) У меня фольклор — язык земли (не мещанина, а мужика), смешной и корявый, богатый и темный. Говорят: — словари. Пусть — кто знает эти словари? Кто-то меня упрекнул однажды в Дале. Но я Даля и не нюхал. Я просто знаю местный язык, и еще (это теоретически) — местные словари, собранные не академиками, а собирателями. Фольклор — это русское богатство. Мой фольклор — не для сказа, чтобы высмеять, «подсидеть» (Замятин всегда подсиживает) мещанство. И моя первая вещь, написанная фольклором, «Кол»⁷ — разве это сатира или ирония или подсиживание, смешок... Простите, это — трагедия. Россия — пережила эту трагедию. А трагедия была — напрасно вы спорите, Александр Константинович, была по нашей глупости, по нашей взаимной темноте. Вся кровь гражданской войны и бесмысленность мужицкого бунта вышла оттуда. Это общая тупость мест и людей. Никто не виноват. Вот заключительная сцена, в последней главе вы чувствуете полный покой (Шагинян была права), нет виноватых — это прекрасное, идущее за Лиром, за классикой, за трагедией. Замятин так не кончает. И наконец, последняя повесть «Полет»⁸ — язык, и смысл, и тема, где же «замятинство», у Замятина нет строчки без смешка («Уездное», «Островитяне», «Мы», «Сказки»⁹).

Теперь политически.

Эта кличка «замятинца» — не только вредна, с этим я мало считаюсь, и если б это было только так, я не протестовал бы, но в корне груба.

Credo мое — вам известно: — «с большевиками!» Теперь подробности. Меня к замятинству можно примазать тем, что беру темные, страшные вещи. Но это, дорогой Александр Константинович, исторический процесс, — ребеночек не рождается чистеньkim, он рождается уродцем и в крови, пусть заботливые бабки обмоют его. Но я не смеюсь над ребеночком. Каждому дано свое — один искренно романтизирует, поет гимны, другой копает трагическое («Рвотный форте»)¹⁰, где люди безумствуют, мучаются, где некоторые пригнаны «хуже собаки», где занимаются онанизмом... Но где Пим говорит, когда ждут англичан (говорит не он, а русский темный лес) ¹¹: «Не надо нам царя Ирода». Революция живет среди людей, обеими ногами погрязших в жирной свинине и блуде. И те, кто творит ее, — тоже плоть от плоти. Это не весело, это — неприятно. Я и мои товарищи — художники катастрофической эпохи, каждый у нас берет по-своему. Упреки в отсутствии пафоса или радости у одного из нас (а хотя бы у меня) бессмысленны, потому что я этого не дам, ибо мне этого не дано. Когда придет синтез, тогда будет золотой Пушкин, а мы — «горьковщина» или «достоевщина», литература не той пробы (т. е. романтически-радостная ложь или романтическое поскребывание душ).

Почему — «с большевиками!»? И почему — *такой*, а не такой, как хотелось бы вам? Вот пример: у матери два сына — один ласковый, другой неласковый. Но любовь обоих одинакова. И ласки того, кто всегда ласкается, — нужны, необходимы, мать к ним привыкла, без них ей не прожить, но вот, во время привычных ласк, она с тревогой смотрит на того, кто не умеет ласкаться, с тревогой (это ясно матери)... Но когда опасность грозит матери, тот — кто не умеет ласкаться, — может быть, первый берется за винтовку, чтобы защитить мать. Любовь такая — познается в действии, а мне переряжаться в красноармейца — не привыкать. Но я люблю говорить матери — то, что думаю..., потому что если бы я лгал ей, я не любил бы ее. И никаким неприятностям, никаким цензурам — этого моего ощущения не убить. Все, что щелкает меня по носу сегодня, я считаю глупостью сегодняшнего дня. А вечно одно: Россия — Революция — РСФСР. Триада. И если я скажу о разложении, о падении, о летящих в бездну Фирсовых, — то здесь я говорю о проценте, осужденном на смерть. Кто виноват? Большевик? Конечно, нет. Война, революция — закон исторического процесса. Это люди, может быть, очень хорошие, но попавшие в машину времени и ею измоловые. Может быть, очень плохие — гниль, помои, остатки — не будем о них плакать. Так офицер Донбрюков в «Рвотном форте» — и гниль, и честен. Онанист и человек, исполнивший свой долг честно, умер на посту. Фирсов — офицер — сформировавшийся в войне и революции в истребительный организм. Зверино — в волка, любит и думает сильно, но эти думы и эта любовь не годны уж к творчеству, а только к разрушению, он оценит вам подлость прошлого и подлость сегодняшнего («Лакей в Москве»), но не создает, а, свой мозг тоже разрушив, сойдет с ума. Этот конец законен. Фирсовы — процент, определяемый статистикой. Процент самоубийств, идущих сейчас полосой, — это не контрреволюция, нет, это признак, что мы начинаем обстраиваться, что начинается отбор, что, как заботливая хозяйка, мы выкидываем помои. В этом смысле я намереваюсь при корректуре доделать конец (помните, мы условливались)¹². Тяжело, страшно — но что же делать. Это так. Это опять совершенно естественный процесс. Меньше сентиментов — побольше ясности. Вот наша задача. И плевать на бабушек из «Воли народа» — они ничего не сделают¹³. Поменьше внимания на их выводы. Правда, в жизни мы научились ходить приплевывая. (Вы, наверное, осуждая меня за мою пародическую автобиографию — (*пародия сущая!*)¹⁴ — не уловили этого, а если уловили, то оценили не так) — да, мы ходим приплевывая, как солдат на фронте. А ведь мы и до сих пор — все солдаты фронта, но это наигранная усмешка, чтобы пуль не бояться... Это не есть органическое безразличие.

ОБЛОЖКА ПЕРВОГО СВОРНИКА РАССКАЗОВ
Н. Н. НИКИТИНА («РВОТНЫЙ ФОРТ»). М.—П. г.
ГИЗ, 1922)

Рисунок Б. Б. Титова (акв.), 1922

Центральный архив литературы и искусства,
Москва

б) — отдана ли моя книга рассказов «Кол» в набор? ¹⁶ Хочу сам провести корректуру, для этого приеду, пусть известят. Также — очень прошу, чтобы была хорошая бумага и приличный формат. Чья будет обложка? Срок ведь был поставлен к 1 февраля.

с) Когда выйдет корректура «Полета» — прошу вызвать меня в Москву на день-два, чтобы мне доделать конец и выправить некоторые другие места повести. Хорошо бы это скомбинировать в один приезд, т. е. тогда же выплатить и книгу. Повесть должна идти в № 2 ¹⁷.

2) Дела по «Кругу».

а) Каверин просит денег — 800 миллионов.

Назвать книгу «Мастера и подмастерья» и порядок рассказов такой, как в списке, что он прислал Пильняку ¹⁸. Также просит обратить внимание на эпиграфы к рассказам.

б) Вопрос информационный (ведь вы нас не осведомляете) — получили ли деньги, как дела с домом? ¹⁹

с) Просьба — высыпайте, пожалуйста, новые издания «Круга», например, альманах и прочее — что будет... Альманаха у меня нет.

А в конце — крепко обнимай и хочу, чтобы этот Новый год прожить нам еще дружнее, теснее и громче. Да покруче, да похмельнее и забористей заварите пива. А за границу, Александр Константинович, едем вместе, фалангой — и выбьем «заграницников». Идет? Обнимаю — и выпью за здоровье Бронского (так зовут вас в Петербурге) —

ваш Ник. Никитин.

3) к «Красной нови»

Юрковский — автор рассказа «Приключение», посланного в «Красную новь», просит ответа ²⁰.

Дайте отойти от фронтовых привычек, дайте время — мы заговорим не так.

Вот всё — написал, кажется, очень грубо, простите меня, Александр Константинович, и поймите, что ваш глухой финал (финал статьи) — обидел меня. Мне думается, что вы неправы. И за себя я должен был ответить. В письме всего не скажешь, я только слегка наметил, но и по намекам вы сумеете догадаться — о чём я хотел сказать.

Теперь часть официальная.

1) Мои дела к вам.

а) «Ночью» — (для З № «Наших дней») я закрепляю свою позицию лирическую, как лирика (я, кажется, сейчас единственный лирик, насколько это мне известно из чужих разговоров).

Я не могу считать эту вещь бытовой, символической, реалистической (да я и вообще не бытовик), чтобы отвести от себя упрек в статичности этой вещи, я хочу — чтобы было такое предисловие, его надо напечатать сразу после заглавия, немного поднявшись над текстом повести, т. е. так, как я это даю в приложении к этому письму — пусть это вставят ¹⁵.

Сижу у Зощенки.

Зощенко говорит.

Сижу у Зощенки — только что рассказал ему содержание моего письма в пункте о Замятине. Видим — огромную ошибку каждого, кто обязательно приклеивает к нам замятинский ярлычок.

Мы не обороняемся, а напоминаем, что Замятин своей статьей о Серапионах в «Литературных записках» (№ 3) создал из себя мэтра²¹. Это неверно по существу, и отчасти неверно формально. По существу неверно, потому что *мэтр* — это не есть исход, источник, выход, образец, это лишь техник и мастер... Мы ученики — техника, а не учителя такого, как Леонардо да Винчи или Достоевск(ий). Не будь Замятина, мог бы быть Шкловский, не будь Шкловского — мог бы быть Шишков или Чапыгин, если бы они технически были близки к уровню Замятина. Но классические образцы, которыми мы питались, — не от Замятина, учились — не на замятинской прозе, а на классиках и своей — ученической, когда читали свои рассказы. Вот!

Зощенко говорит — что мы не связаны с ним (т. е. с Замятином) одной кровной идеей. Это не тот учитель, от каждой новой вещи которого ждут откровения.

Не откровение же «Огни святого Доминика»²² или «Мы».

АГ, П-ка КН, 1-44-5.

¹ В шестом номере КН за 1922 г. были опубликованы: отрывок из романа И. Г. Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова», начало повести М. С. Шагинян «Перемена», рассказ А. П. Чапыгина «Чемер», продолжение романа Вс. Иванова «Голубые пески», начало романа А. Н. Толстого «Аэлита», стихи Н. Асеева, С. Клычкова, Е. Полонской, П. Орешника и др. поэтов. Затем следовали статьи, посвященные проблемам современной политики, ряд научно-популярных статей по вопросам истории, философии и естествознания, публикация исторических документов, а также статьи под рубриками «Внутри Советской России» (Вяч. Ш и ш к о в. С котомкой. Путевые заметки), «Литературные края» (ст. Воронского «Евгений Замятин» из цикла «Литературные отклики» и обзор Н. П. Смирнова «По журнальным страницам»), «Библиография» (рецензии).

² Повесть М. С. Шагинян «Перемена» печаталась в КН (1922, № 6; 1923, № 2, 4, 6). Начало повести вызвало одобрительный отзыв В. И. Ленина (20—21 марта 1923 г.). Шагинян записала в своем дневнике: «Получила письмо от Воронского с дорогими для меня словами: «Да, забыл: знаете, очень ваши вещи нравятся тов. Ленину, он как-то говорил Сталину, а Сталин мне». Чувствую острую охоту писать дальше «Перемену», чтобы он прочитал». — Мариэтта Шагиня. Дневники 1917—1931. Изд-во писателей в Ленинграде, 1932, с. 68. Здесь же в списке приводится полный текст письма Воронского от 17 марта 1923 г.).

³ «Записка» П. Н. Дурново, б. министра внутренних дел в кабинете Витте, опубликованная в КН (1922, № 6), была составлена в феврале 1914 г. и адресована Николаю II. В ней прогнозировался ход предстоящей войны: автор «Записки» предполагал, что война приобретет общеевропейский характер, причем главная тяжесть ее выпадет на долю России.

⁴ Намек на название повести Замятина «Уездное» (М., 1915). О статье Воронского «Евгений Замятин» и о критике, которой подвергнут в ней роман «Мы», см. п. 35.

⁵ В конце статьи о Замятине Воронский писал: «(...) Замятин определил во многом характер и направление кружка «Серапионовых братьев» (...) от Замятина у них словоцоклончество, увлечение мастерством, формой; по Замятину вещи не пишутся, а делаются. От Замятина стилизация, эксперимент, доведенный до крайности, увлечение сказом, напряженность образов, полуимажинизм их» (КН, 1922, № 6, с. 321). Воронский говорит здесь о влиянии Замятина на творчество «Серапионовых братьев» в целом, никого не называя персонально, в статье же «Литературные отклики» (КН, 1922, № 2) он прямо связывает имена Никитина и Замятина (см. п. 22, примеч. 9).

⁶ Имеется в виду название повести Замятина «Алатыры» («Русская мысль», 1915, № 9).

⁷ Рассказ «Коля» опубликован в сб.: «Пчелы. Петербургский альманах». Пб.—Берлин, 1922. В сборники рассказов и повестей Никитина не включался.

⁸ Повесть «Полет» была закончена 1 ноября 1922 г. (см. «Звезда», 1924, № 2, с. 144); о ней см. ниже, прим. 12 и 17.

⁹ См. п. 35, прим. 1 и 2.

¹⁰ Повесть «Рвотный форт» вошла в одноименный сборник рассказов Никитина (М.—Пг., Госиздат, 1922). До этого отрывок из нее был напечатан в КН (1922, № 4).

¹¹ Пим — персонаж повести «Рвотный форт», отшельник, живущий в лесу.

¹² Фирсов — герой повести «Полет», офицер, принявший революцию, но не нашедший своего места в новой жизни, — сходит с ума; два его товарища кончат жизнь само-

убийством. Сформулированную в публикуемом письме идею повести Никитин изложил в предисловии к ней: «Мне пришлось до напечатания читать эту повесть — и это предварительное чтение нынче обязывает меня сделать оговорку, исключительно объясняющую намерение автора. Тут — я не говорю о России, Россия велика. У меня узкий круг некоторой части старого царского офицерства. (...) Повестью я их регистрирую как покойников. Война, революция, исход развеяли их, как песок, революция им не была *своей*, организм этой группы прогнил насквозь, и они вывалились из нашей жизни, как из мешка, *вылетели*. (...) Это точка — им и для меня, автора, — чтобы мог теперь после точки сказать о радости нового, чтобы обменяться приветом с тем племенем, кого еще Пушкин называл «младым и неизнакомым» (*«Звезда»*, 1924, № 1, с. 31; то же: Н. Никитин. *Полет*. Л., 1925, с. 63).

¹⁸ Имеется в виду деятельница эсеровской партии Е. К. Брешко-Брешковская, которую в свое время буржуазная печать величала «бабушкой русской революции». После Октября заняла резко враждебную позицию по отношению к Советской власти. Находилась в эмиграции, сотрудничала в эсеровской газете *«Воля народа»*.

¹⁹ Журнал *«Литературные записки»* (Пг., 1922, № 3, 1 августа) поместил под заглавием «Серапионовы братья о себе» ряд автобиографий членов этого содружества. Автобиографию Никитина заменила заметка И. А. Груздева «О Ник. Никитине»: «Никитина нет в Петрограде, и редакция просит меня сообщить что-нибудь о нем. Но я даже не знаю точно, в каком году родился Никитин. Для меня он родился осенью 1920 г., когда в студии Дома искусств прочел нам свой *«Кол»* (с. 30). Возможно, что эта заметка — мистификация, в которую был посвящен Воронский, и автором ее является сам Никитин.

²⁰ Сюжет рассказа *«Ночь»* (*Круг*, кн. 2, 1923) — столкновение и гибель двух бронепоездов — «имени Л. Г. Корнилова» и «№ 14-7. Бела Кун». Приложенное к письму предисловие не сохранилось и в *Круге* опубликовано не было. Об отношении Воронского к этому рассказу см. п. 43, прим. 1.

²¹ Сб. рассказов Никитина вышел в изд-ве *«Круг»* под другим названием (*«Бунт»*, 1923).

²² По-видимому, первоначально *«Полет»* предназначался для второй книги альманаха *«Наши дни»* (1923), затем предполагалось отдельное издание его в *«Круге»* (см. п. 50). Эти планы не осуществились. Повесть была опубликована в отрывках в журн. *«Россия»* (1923, № 6) и *«Петроград»* (1923, № 10), полностью — в журн. *«Звезда»* (1924, № 1 и 2); отдельным изданием вышла в Ленинградском отделении Госиздата (1925).

²³ О книге В. А. Каверина см. п. 31, прим. 7.

²⁴ Первоначально предполагалось, что артель писателей *«Круг»* не ограничится издательской деятельностью, а будет заниматься также вопросами быта литераторов. Эти намерения не осуществились.

²⁵ Ни этот, ни другие рассказы Александра Юрковского в *«КН»* не печатались. В *«Веселом альманахе»* (*«Круг»*, 1923) был опубликован его рассказ *«Два правых американских ботинка»*.

²⁶ Статья Замятин *«Серапионовы братья»* опубликована в журн. *«Литературные записки»* (1922, № 1, 25 мая; Никитин ошибся, указав на № 3).

²⁷ «Огни святого Доминика» — пьеса Замятин (альм. *«Литературная мысль»*, кн. 1, Пг., 1922).

37. К. А. ТРЕНЕВ — ВОРОНСКОМУ

⟨Симферополь, 3 февраля 1923 г.⟩

Многоуважаемый тов Воронский! (Да когда же я узнаю ваше имя-отчество!)

Очень благодарен вам за отклик. Рад, что наконец-то показались на горизонте мои *«Вихри»*¹. Спасибо. Что касается моей книги *«Мокрая балка»*, то действительно: профессор Гудзай взял у меня книжку для передачи Госиздату на предмет приобретения². Но прошло 4 месяца, и я наконец получил от Гудзая письмо, с грустью извещающее о том, что Госиздат, ввиду стеснения в средствах, сейчас не может ее приобрести и «надо немного подождать»*. Что это значит? Вы пишете: «Если согласны, сообщите мне». Т. е. на что? На продажу Госиздату? Да, согласен, как видите. Но только надо бы все это оформить, закончить. Я очень беспокою вас просьбой посодействовать этому. И еще: у меня есть материал для 3-го тома³. Как тут быть?

Теперь относительно *«Красной нови»*: что значит «приемлемые для *«Красной нови»* вещи»? Пишу, как пишется. И мне, при всей моей пагубной скромности, представляется, что писания мои нужны и *«Красной нови»* и России. Да мне кажется, что на этот счет у нас споров не может быть... Но сейчас я

* Это было с месяц тому назад (прим. К. Тренева).

доделываю своего «Пугачева»⁴, а потом уж вольный казак. А кроме того — надеюсь и между этим делом вылущить небольшой созревший рассказ, и если бы не сторожкость перед вашей оговоркой «подходящий для «Красной нови», я уже попросил бы под него аванс.

Кстати, был ли у вас под руками наш «Южный альманах»⁵?

Шлю вам своих «Батраков», изданных в Крымиздате⁶.

Жму вашу руку.

К. Тр ен е в

3/II 1923.

АГ, П-ка КН, 1-80-2.

Константин Андреевич Тренев (1876—1945) в начале 1920-х годов жил в Симферополе. Участие его в КН ограничилось публикацией отрывка из пьесы «Пугачевщина» (1924, № 2). В 1923—1924 гг. изд-во «Круг» выпустило отдельными изданиями два рассказа Тренева (см. ниже, прим. 1 и 6).

¹ Рассказ «Вихри» опубликован в *Наших днях* (№ 3, 1923). В том же году вышел отдельным изданием в изд-ве «Круг».

² Профессор Николай Каллинникович Гудзий (1887—1966) работал в то время в Госиздате. Сб. рассказов Тренева «Мокрая балка» (М., 1916; 2-е изд.— М., 1918) в Госиздате не переиздавался.

³ Т. е. для третьего сборника рассказов; первый сборник — «Владыка» (М., 1915), следующий — «Мокрая балка» (во 2-м изд. обозначен как «том II»).

⁴ Пьеса «Пугачевщина. (Картины народной трагедии)»; вышла отдельным изданием в 1924 г. (М., «Мосполиграф»); поставлена впервые в МХАТ в 1925 г.

⁵ «Южный альманах», кн. I. Симферополь, Крымиздат, 1922. Вышел под редакцией А. Б. Дермана, К. А. Тренева и Я. А. Тугенхольда. Здесь были опубликованы стихи М. А. Волошина, Б. Л. Пастернака, главы из «Истории моего современника» В. Г. Короленко, первая часть романа В. В. Вересаева «В тупике», рассказ С. Н. Сергеева-Ценского «Чур», пролог к пьесе Тренева «Пугачевщина», отрывок из книги С. З. Федорченко «Народ на войне» и др. Воронский был знаком с альманахом — в рецензии на роман Вересаева («Правда», 1922, № 288, 20 декабря) он опирался на публикацию «Южного альманаха» и КН (1922, № 4, 5).

⁶ К. А. Тр ен е в. Батраки. В станице. Рассказы (Симферополь. 1922). В 1924 г. рассказ «Батраки» вышел в изд-ве «Круг» отдельной книгой.

38. И. Г. ЭРЕНБУРГ — ВОРОНСКОМУ

9 февраля *(1923 г., Берлин, Траутенстрассе 9. Haus Trautenau)*

Дорогой Александр Константинович,

спасибо за ответ и добroe отношение.

Сестра моя получила официальную справку в иностранном отделе Главлитта (Москва, Сретенский бульвар) о том, что «б повестей о легких концах» в Россию не допускаются¹. Буду вам бесконечно благодарен, если вы поможете разъяснить это явное недоразумение и настоять на пересмотре решения.

Я жду ответа от Госиздата касательно этой книги (т. е. «б повестей»).

Я сейчас пишу новую вещь:

«Трест Д. Е.

(История гибели Европы по последним данным)»

Это сатира-утопия. Европа гибнет между 1928—1940 гг. при содействии американского треста, организованного авантюристом Енсом Боотом.

Я предлагаю эту вещь для «Красной нови»². В ней будет около 6 печатных листов, и ее можно напечатать в двух книжках. После этого издать отдельной книгой. Я написал уже 16 глав. Всего будет 40, и книгу я закончу в течение месяца.

Если вас «принципиально» эта вещь занимает, напишите мне (также и об условиях), и я вам вышлю всё, что будет к этому времени написано.

В Москву я полагаю приехать весной.

Еще раз спасибо и сердечный привет

Ваш Эрнест

P. S. Вот названия написанных глав:

Часть первая

Енс Боот и организация «Треста Д. Е.».

1. Первый завтрак мистера Твайтва.
2. Другие события того же исторического дня.
3. Корень зла или непростительная рассеянность монашеского принца.
4. Дальнейшие последствия рокового шага.
5. «Мерси, я не танцую» (о роли личности в истории).
6. Европа или т-ле Люси Фламенко.
7. Честь рода лордов Хэгов оскорблена.
8. Тяжелое расставанье.
9. Превосходная бритва за 20 центов.
10. «Час изобретений».
11. В радужном предвиденьи свадебного путешествия.
12. Но что «но»?
13. Небольшое аналитическое отступление.
14. «Д. Е.»

Часть вторая
Гибель Европы

1. Именины Енса Боота.
2. Предсмертные слова фараона Ферункануна.

Гонорар, о котором вы пишете (75 з_полотом) очень хороши. Но мне были бы важны следующие обстоятельства:

- 1) чтобы скоро выпшло (это главное);
- 2) чтоб гонорар был выплачен здесь или переслан сюда в валюте;
- 3) чтоб я имел право издать здесь эту книгу (только для заграницы, конечно).

Э.

АГ, П-ка КН, 1-94-2.

Год написания устанавливается по времени выхода упоминаемых в письме книг.

Илья Григорьевич Эренбург (1891—1967) в 1921—1924 гг. жил в Берлине. В годы редакторства Воронского опубликовал в КН отрывок из романа «Жизнь и гибель Николая Курбова» (1922, № 6), «Лето 1925 года в Париже» (1926, № 5) и «Бретань» (1927, № 10). Второе из этих произведений вышло отдельным изданием в изд-ве «Круг» (1926, 1928). В полемике с «напостовцами» Воронский защищал Эренбурга от нападок с их стороны («Искусство, как познание жизни, и современность» — КН, 1923, № 5, с. 370, 376—377).

¹ Книга Эренбурга «Шесть повестей о легких концах», первоначально была издана русским издательством в Берлине «Геликон» (1922). По существовавшему в те годы положению разрешение на ввоз в СССР давалось только тем изданиям, которые Госиздат брался распространить. Из всех эмигрантских издательств советские деловые круги предпочитали «Накануне» как издательство, наиболее лояльно относящееся к советской власти и печатающее свои книги по новой орфографии (см.п. З. Г. Гринберга О. Ю. Шмидту от 7 июня 1923 г. — ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 368, л. 87—88). В СССР книга Эренбурга была напечатана сначала в сокращенном виде («Четыре повести о легких концах», М., ЗИФ, 1923), затем полностью («Акционерное общество Меркурий-де-Росси (шесть повестей о легких концах)». Рязань, «Пучина», 1925).

² Роман «Трест Д. Е. История гибели Европы» в КН не печатался; в 1923 г. выпущен отдельным изданием в Берлине («Геликон») и в Москве (ЗИФ).

39. А. Н. ТОЛСТОЙ — ВОРОНСКОМУ

Belzigerstrasse 46^{III}. Berlin, Schöneberg.
Понедельник, (февраль 1923 г.)

Дорогой Александр Константинович, я получил ваше письмо от 29 января, — большое спасибо за доплату за роман¹, деньги сейчас мне очень нужны. Пожалуйста, известите меня о дне их перевода в «Книгу»².

Только что получил последний № «Красной нови»³. Журнал с каждым номером лучше и интереснее. Журнал останется крепко в русской литературе.

Как обстоит дело с изданием Госиздатом «Аэлиты»⁴? Когда они думают издать? Кому написать об этом? У них уже лежит несколько моих книг из собрания сочинений. Когда они думают приступить к его изданию⁵? На днях

я сдаю Гринбергу⁶ роман «Чудаки». Это старый роман, но заново написанный этой зимой. Роман забавный и смешной. Я бы очень советовал выпустить его первой книгой в собрании сочинений⁷.

С приездом в Москву у меня вышли опять затруднения. Сначала задержало окончание «Аэлита», затем подоспели роды жены, чудом только не окончившиеся трагически. Теперь — третьего дня жене делали операцию. Все же в первых числах марта вырвусь из Берлина — иначе получается даже смешно.

Привет Аросеву⁸, Калашникову⁹, Серапионам¹⁰, Пильняку.

До скорого свидания

Ваш А. Т о л с т о й

АГ. П-ка КН, 1-79-2. Датируется по содержанию.

¹ «Аэлита» — последний из романов А. Н. Толстого, написанных в эмиграции. Печатался в КН (1922, № 6; 1923, № 1,2).

² «Книга» — советское издательство, организованное в Берлине (1922) Наркоматом внешней торговли и Бюро иностранной науки и техники Научно-технического отдела ВСНХ.

³ Вероятно, речь идет о № 6 КН за 1922 г.

⁴ Отдельное издание романа вышло в Госиздате в 1923 г. под названием: «Аэлита (Закат Марса)».

⁵ Кроме романа «Аэлита», в 1923 г. Госиздат выпустил следующие книги Толстого: «Дикое поле. Рассказы» (т. 3); «Под старыми липами. Рассказы» (т. 4); «Повесть о многих превосходных вещах (Детство Никиты)»; «Лунная сырость»; «Приворот»; «Хромой барин» (изд. заново перераб.).

⁶ О З. Г. Гринберге см. п. 15, прим. 5.

⁷ В первом варианте роман назывался «Две жизни» (альм. «Шиповник», кн. 14 и 15. СПб., 1911); в 1922—1923 гг. был переработан и под заглавием «Чудаки» вошел в I том собрания сочинений Толстого (Берлин, изд. И. П. Ладыжникова, 1924).

⁸ См. п. 15, прим. 3.

⁹ Александр Георгиевич Калашников — советский ученый-физик, в те годы заведующий редакционным сектором Госиздата РСФСР. Познакомился с Толстым в 1922 г.

¹⁰ «Серапионы» — писатели, входившие в группу «Серапионовы братья»: М. Зощенко, Вс. Иванов, В. Каверин, Л. Лукц, Н. Никитин, Е. Полонская, М. Слонимский, Н. Тихонов, К. Федин, И. Груздев.

40. ВОРОНСКИЙ — Е. И. ЗАМЯТИНУ

(Москва. 21 марта 1923 г.)

Дорогой Евгений Иванович!

Сначала о делах. Книгу рассказов мы сейчас не возьмем, так как набрали уже более чем достаточно. Месяца через два взяли бы. Вашего рассказа «В детской» у нас нет. Единственный экземпляр у меня кто-то стащил и молчит: не могу разыскать. Пришлите. О деньгах передал Аросеву; он что-то ворчит, но я его уломаю и попрошу перевести переводом¹.

О вашем отъезде искренно сожалею². Пожалуйста, не работайте в зарубежных русских повременных изданиях. Честное слово, не стоит. Крепко надеюсь, что месяца через три вы сможете возвратиться в Россию и сесть здесь более крепко. Держите связь с нами. Если будут затруднения денежного характера, обращайтесь ко мне. Присылайте нам, что напишете. Сообщите ваш адрес. Очень извиняюсь, что не сразу ответил вам: у меня ревизии, куча дел и прочая. Мечусь из одного места в другое. Всего лучшего. Сегодня буду уламывать Аросева. Крепко жму руку

А. В о р о н с к и й

21/III. Москва

ИМЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 58, л. 3.

Год устанавливается по содержанию: рассказ «В детской» опубликован, под заглавием «Детская», в альманахе «Петроград» (вып. I, Пг.—М., 1923).

¹ Деньги Замятину были переведены (см.: ИМЛИ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 8, л. 3—4). Об А. Я. Аросеве см. п. 15, прим. 3.

² В 1923 г. Замятин за границу не уехал. В автобиографии он писал впоследствии: «Если бы все эти годы не прожил вместе с Россией,— больше не мог бы писать» (Е. И. Замятин. Собр. соч., т. I. М., «Федерация», 1929, с. 19).

41. О. Д. ФОРШ — ВОРОНСКОМУ

<Петроград, 22 марта 1923 г.>

Уважаемый Александр Константинович,

Посылаю вам рассказ «Для базы»¹ и главу из книги, которую пишу, — «Живцы»². И вот какая к вам просьба: во-первых, прочтите эти вещи и дайте о них ответ (а в случае принятия и капитала) Михаилу Леонидовичу Слонимскому³.

А второе вот о чём:

В Москве на Фоминой будет Церковный собор. Мне крайне важно на него попасть. У меня много записано о современной жизни прихода, о новых разновидностях «церковного быта» — и такое историческое событие как этот Собор — нельзя не записать⁴.

Помогите мне туда попасть! Репортерских корреспонденций писать не умею, но объективную беллетристику о Соборе могла бы давать раз в неделю, но куда? Вот посоветуйте. Главное, нужен мне пропуск на Собор — и о нем очень вас прошу.

А рукописи, если вам не подходят, прошу обратно отдать М. Слонимскому.

Уважающая вас

Ольга Форш

19.22/III 23

АГ, П-ка КН, 1-84-2.

¹ Рассказ «Для базы» опубликован в *Круге* (нн. 3, 1924).

² В это время Форш работала над книгой «Живцы и Гуссова старушонка» — о так называемой «живой церкви», стремившейся приспособить церковную организацию к условиям советской действительности (*ЛН*, т. 70, с. 581). Посланный Воронским глава из этой книги ни в *КН*, ни в альманахах «Круга» не печаталась. В сб. рассказов Форш «Летошний снег» (М. — Л., «ЗИФ», 1925) напечатана под заглавием «Живцы».

³ О М. Л. Слонимском см. п. 49.

⁴ Открытие Всероссийского поместного собора русской православной церкви первоначально назначалось на 15 апреля, но было перенесено на 29 апреля («Известия», 1923, № 72, 1 апреля). Собор, проходивший в Москве, ставил целью объединение трех обновленческих групп: «Живой церкви», «Древле-апостольской церкви» и «Союза церковного возрождения». Фотохроника Собора помещена в журн. «Прожектор» (1923, № 7, с. 31).

42. М. Д. АРТАМОНОВ — ВОРОНСКОМУ

<Москва. 10 апреля 1923 г.>

Уважаемый Александр Константинович!

Давно уже я ищу встречи с вами в редакции и Госиздате и, наконец, решаясь обратиться с письмом. Я хочу поговорить относительно моей книги песен в Госиздате. Мне хочется, чтобы она была издана, и я хожу туда чуть не каждую неделю вот уже долгие месяцы, сначала на Никитскую, потом на Софийку.

С изданием книги происходит какая-то непонятная для меня задержка. Отправил я ее еще из Иванова, года два назад в Лито Наркомпроса, и она провалилась там с полгода, ее едва разыскали¹. Потом через бывшего заведующего ивановским Госиздатом А. Н. Савина² переправил ее в московский Госиздат. В то время сборник назывался «Терема». Год тому назад, кажется, в апреле, я переделал его и заново сдал Госиздату. Позднее мне удалось случайно видеть отзыв Айхенвальда³ о моем сборнике, он был неплох и только в заключительной части его стояло «НО»... Мне передали, что сборник будет напечатан, если исключить некоторые стихотворения. Я уже надеялся, как вдруг узнаю перемену суждения, что сборник отклонен. Я взял сборник с собой и передал в «Поморье»⁴; через 2—3 недели я получил известие, что сборник принят и так как летом книжная деятельность замерла, будет напечатан осенью или в начале зимы. Не желая даром тратить время до осени, я включил в него несколько новых стихотворений, выбросил часть старых и вновь отнес в Госиздат, в надежде, что к зиме он выйдет в свет. В конце лета

мне передали его с вашей пометкой, которая, как помню, гласила: «предложить автору отобрать лучшие». Вновь я переделываю и отношу в Госиздат. С той поры по несколько раз в месяц я хожу в Госиздат узнать, в каком положении дело, и месяца два-три подряд слышу: «Будет окончательно рассматриваться на ближайшем заседании». Прогулки мои в Госиздат бывают неудачны — я хочу видеть вас, чтобы поговорить о сборнике, но я вас не вижу. Может быть, это происходит потому, что служащие нарочно говорят, что вас нет, хотя вы и там, так как к вам, наверное, ходит очень много народа, и все по таким же делам, как и я. Вот почему обращаюсь к вам письменно.

Когда Бухарин говорил, что нужен советский Пинкerton, он был прав только наполовину: нужен не только Пинкертон, нужна своя советская лубочная литература — песенник, сказка, именно то, на чем нажил свои капиталы Сытин и на что чувствуется большой спрос на книжном рынке, особенно в глубокой провинции, ибо такие вещи не издавались вот уже лет 5—6. Песенник с одними революционными песнями не удовлетворяет: нужен общий песенник, как и в старину, с бросающейся в глаза лубочной картинкой, простонародной песней и, главное, — дешевка. Свое детство я провел в деревне, в глубоких лесах Заволжья, среди почти первобытного народа, откуда ближайший город был 40 верст, к которому нужно было пробираться на скрипучих телегах бесконечными лесными дорогами и кривыми проселками полей, и первой книгой, которая доходила в эту глушь, был все-таки песенник и сказка. Эту потребность никто не учел до сих пор, а она сильна, и явись теперь новый Сытин, он наживет состояние. Такие песенники можно было бы наполовину или на треть заполнить революционными песнями и, благодаря этому, они привились бы лучше, даже в самой глухи, в медвежатной стороне, где до одури пьют самогонку, хлещутся кольями, сходятся на кулачные бои целыми деревнями и поют отвратительные бесстыдные самодельные частушки. Причем из старого наследия может быть принято все, пусть нереволюционное, но такое, что не противоречит новому быту и неайдет ему вразрез, т. е. стоит исключить царя, веру, отчество, — остальное не принесет вреда, а только пользу.

Но это между прочим.

Я хочу сказать, что мой сборник надо рассматривать не как сборник стихотворений, а как сборник простых, бесхитростных песен, почти как лубочную литературу или частушку. Когда-то давно и я писал стихи, но сознательно отошел от них, полюбил песню, лубок, все больше привязываясь к простоте, безыскусственности и культивируя в себе этот род творчества, простую песню — родную дочь пригорода, слободы и деревни. Уж и задержка с изданием книги происходит не потому ли, что в ней собраны не стихи, в обычном их смысле.

Цель этого письма к вам — желание выяснить: будет ли моя книга принята. Вы, конечно, поймете, Александр Константинович, что два года по-

Государственное издательство. Петроград, 1919

СВОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ
М. Д. АРТАМОНОВА («ЗЕМЛЯ РОДНАЯ»).
Пг., ГИЗ, 1919)
ОБЛОЖКА

рядочный срок и три или четыре переделки сборника, в соответствии с указаниями, дают мне некоторое право на то, чтобы знать окончательный результат.

Будьте добры — не толкнете ли это дело, чтобы оно пришло к какому-нибудь определенному концу.

Мне думается, этим сборником можно начать, если бы было у Госиздата желание, новую серию лубочной литературы, которая, сомнения нет, найдет широкий спрос. В этом случае старое название сборника стоит зачеркнуть, а озаглавить так:

«Мих. Артамонов
Деревенские песни»⁵ —

и придать обложке пестрый вид, подобно тому, как это было на моей третьей книге стихов («Земля Родная»), изданной в Петроградском издательстве⁶: хоровод-пляску, поле с деревенькой вдали, или покос на лугу, усеянном цветами, в пестром узоре парней и девок.

Не подумайте, пожалуйста, что мое желание издать книгу основано ради получения денег. Эта сторона меня мало интересует: я зарабатываю достаточно и дело в самом факте издания.

С приветом Мих. Артамонов

10 апреля 1923 г.

Арбат, Староконюшенный пер., дом 33, кв. 8.

АГ, П-ка КН, 1-5-1.

Поэт Михаил Дмитриевич Артамонов (1888—1958) был секретарем иваново-вознесенской газеты «Рабочий край» в годы редакторства Воронского (1918—1920). О работе в газете рассказал в очерках «Первые годы «Рабочего края» («Рабочий край», 1928, № 101, 5 мая) и «В редакции» (сб. «Ловцы новостей». М.—Л., ЗИФ, 1930).

Артамонов входил в кружок пролетарских поэтов при «Рабочем крае». Рецензируя три сборника членов кружка, изданные в 1919—1920 гг., Воронский писал: «Мотивы поэтического творчества Артамонова характерны для литературного облика почти всего поэтического кружка красной губернии (...) это песни и стихи деревни, вынужденной стихией общественного развития двинуться в города, в каменные — «стоечные корпуса», и еще не понявший и не приемлющий ни города, ни этих корпусов» («Литературные заметки. I. Песни северного рабочего края» — КН, 1921, № 2, с. 217).

В КН Артамонов выступил в 1921 (№ 2).

¹ Рукопись книги прочел А. В. Луначарский. 16 марта 1922 г. он писал автору: «...стихи ваши мне очень нравятся. Я, правда, долго не мог приступить к их чтению, т. к. был очень занят, поэтому отправил их в Госиздат совершенно недавно. Рукопись ваша находится в Госиздате. Будут ли они изданы, я не знаю, т. к. московский Госиздат довольно недружелюбно относится к изданию стихов. Во всяком случае я их рекомендовал и, если получим отказ, можно будет попытаться у Ионова» в Петроградском отделении Госиздата). — ЦГАЛИ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 5, л. 1.

² Аркадий Наумович Савин был заместителем Воронского в бытность его заведующим иваново-вознесенским отделением Госиздата (1920—1921).

³ Юлий Исаевич Айхенвальд (1872—1928) — критик и публицист, с 1922 г. в эмиграции.

⁴ «Поморье» — московское частное издательство (1922—1924), выпускало научную, художественную и детскую литературу.

⁵ Книга Артамонова была выпущена Госиздатом в 1924 г. под названием «Деревенская улица. Песни» в серии «Библиотека избы-читальни».

⁶ М. Д. Артамонов. Земля родная. Пг., 1919.

43. Н. Н. НИКИТИН — ВОРОНСКОМУ⁷

11/IV—23. П(тер)б(ург)

Дорогой Александр Константинович,

только что сегодня встал с одра, был болен и вот сегодня смог ответить вам на письмо. Я рад, что вы написали мне открыто и просто по-товарищески... Надо радоваться хоть этому. По существу, конечно, целый ряд неприятностей, и очень тяжелых. По поводу вашей статьи в последнем номере «Нови»¹ и по поводу вашей там диалектики я мог бы привести ряд обратных доказа-

тельств, но к несчастью болен и не могу сейчас много писать. Буду в Москве, тогда расскажу все по душе.

В отношении ко мне — вы неправы. Но об этом потом, сейчас исключительно дело.

1) «Ночь»... Придется конец переделать. Вставлю новую сцену. Надо это хорошенько обдумать и переправлю текст. Вскоре вышлю. Ждите. Но то, что тут опять затор, страшно меня удручет².

2) Книга. Я не жалею, что ее написал. И то, что жестокие нападки, и то, что — похвалы; и то, что фальшивая слюна садофеевских инсинуаций и клаки из бывших врангельцев, ничуть меня не смущает³. В библиографическом сборнике по поводу 5-летия Госиздата были напечатаны моя обложка и мой портрет⁴. Если вы видели эту книжечку, то вошедший туда материал по поводу 5-летия квалифицируется только как избранный. Это меня убеждает в том, что не все поддаются панике тех злобных и недостойных нападок на меня и на мою книгу. Александр Константинович, мне все-таки хотелось бы знать об этом определенное. Что значит «считаться»? Берется издательство или не берется за издание этой книжки? Сами посудите, что ходить мне в нетях и домогаться ответа тяжело, так уж скажите мне категорически.

Вот если бы удалось поехать в Англию⁵. Какую бы я написал книгу... Мне кажется, что она подняла бы мои фонды в ваших глазах. Сейчас надо писать повесть «Ягоду»⁶.

А я так устал и так разболелся. Этот год видимо утомил меня. Хотя бы месяц, полтора отдохнуть. Но вот завтра опять за работу.

Крепко жму руку — привет.

Ваш Никитин

АГ, П-ка КН, 1-44-9.

¹ Воронский писал по поводу рассказа «Ночь» (*Круг*, кн. 2, 1923): «Постоянные отступления, неуместная лирика, лишние, невпопад, как будто невзначай, не во время подвернувшиеся, случайные слова <...> И рядом сцены и фигуры, неплохо отделанные и выписанные <...> Но основной недостаток — в каком-то шатком, реакционном, в сущности, настроении автора <...> Знаем, что Никитин не реакционер, что по-своему он любит русскую революцию, он к тому же талантлив. Откуда же такое мерзкое, в сущности, освещение революционной войны? Вот откуда. Никитин считает, что автор должен быть пред читателем в маске, не показывать своего лица. Если нужна иллюстрация, как подобные взгляды на искусство портят произведения, следует обратиться к «Ночи» Никитина: очень показательно и наглядно» (*Литературные отклики. Об альманахах «Круга» — КН*, 1923, № 2, с. 344). О рассказе «Ночь» см. также в п. 36.

² Новую редакцию «Ночи» Никитин готовил для сборника своих рассказов, где она была напечатана «в исправленном виде» (Н. Никитин. Бунт. Рассказы. М., «Круг», 1923, с. 59). При перепечатке цитированной выше статьи в книге «Искусство и жизнь» (М., 1924), Воронский сделал к ней примечание: «В позднейшей книге рассказов «Бунт» автор переделал «Ночь» и истолковал Кузьму (героя повести.— Ред.) по-иному, более приемлемо» (с. 192).

³ Книга Никитина «Рвотный форт. Рассказы» (М.— Пг., Госиздат, 1922; см. о ней п. 36, прим. 10) вызвала ряд резко отрицательных отзывов. В «Красной газете» (1922, № 286, 16 декабря) была опубликована статья А. Мечиславцева (Свентицкого) «Тюха», которую и имеет в виду автор письма. «Литературную страничку» в «Красной газете» возглавлял поэт Илья Садофеев, руководитель петроградского Пролеткульта и образовавшейся на его основе группы «Космист». Никитин вели с Воронским переговоры о переиздании «Рвотного форта» в «Круге» (см. п. 50).

⁴ В посвященном пятилетию ГИЗа номере журнала «Новая книга» (1923, № 3-4) была воспроизведена обложка «Рвотного форта» и помещен портрет Никитина (с. 19).

⁵ О поездке в Англию см. п. 48.

⁶ «Прелестная ягода» — см. п. 50, прим. 8.

44. ВОРОНСКИЙ — И. Е. ВОЛЬНОВУ

«Москва. 17 апреля 1923 г.»

Иван Егорович! Мои соредакторы оказались против напечатания целиком «Деревенской пестряди», в частности «Схода». Поэтому вещь пошла без «Схода». Тем не менее я уверен, что в следующем номере я помешу «Сход»¹. Придется только кое-где подчистить. Не обижайтесь и присылайте еще. «Дети

нужды» идут в «Проекторе», но со второй главы². Редакция не взяла всю из-за размера. Для «Проектора» слишком много.

Высылайте еще.

Я болен и только сегодня встал. Очень ослаб, еле двигаю ногами. Всего хорошего. Пишите.

А. Воронский

17/IV—23 г.

Гос. музей И. С. Тургенева (Орел), ф. 13, ед. хр. 5123.

¹ В КН было напечатано четыре рассказа из цикла «Деревенская пестрядь»: «Зимний», «Самогонщики», «Трясучий департамент» (1923, № 2) и «Сход» (1924, № 2).

² Повесть «Дети нужды» напечатана в журн. «Проектор» (1923, № 5 и 6).

45. Е. Г. ПОЛОНСКАЯ — ВОРОНСКОМУ

23 мая 1923. Петроград

Уважаемый товарищ Воронский.

Мариэтта Сергеевна Шагинян передала мне, что вы согласны напечатать мою поэму «В петле» с тем условием, чтобы я написала к ней эпилог и чтобы поэме было предпослано ваше предисловие¹.

Я охотно принимаю ваше предисловие, так как считаю его в данном случае вполне уместным и заранее за него благодарю. Надеюсь также, что вы не слишком станете меня бранить.

Что касается эпилога, то он уже написан; посылаю вам его вместе со всей поэмой. Место печатания, если вы вообще найдете, что поэму стоит напечатать, я предоставляю вашему выбору, хотя признаюсь, что «Круг» поступил со мной не по-товарищески.

Очень прошу вас, тов. Воронский, известить меня через Федина, или по моему личному адресу, о судьбе поэмы.

С приветом Е. Полонская

Мой адрес:

Петроград. Загородный 12, кв. 6 Елизавете Григорьевне Полонской

АГ, П-ка КН, 1-53-1.

Поэтесса Елизавета Григорьевна Полонская (1890—1969) входила в группу «Серапионовы братья». В 1922 г. ее стихи печатались в КН (№ 4, 6) и в *Наших днях* (№ 2).

¹ Поэма «В петле (Лирическая фильма)», посвященная М. С. Шагинян, опубликована в литературно-художественном альманахе «Ковш» (ки. И. Л., Госиздат, 1925) с эпилогом, но без предисловия Воронского.

46. М. М. ПРИШВИН — А. К. ВОРОНСКОМУ

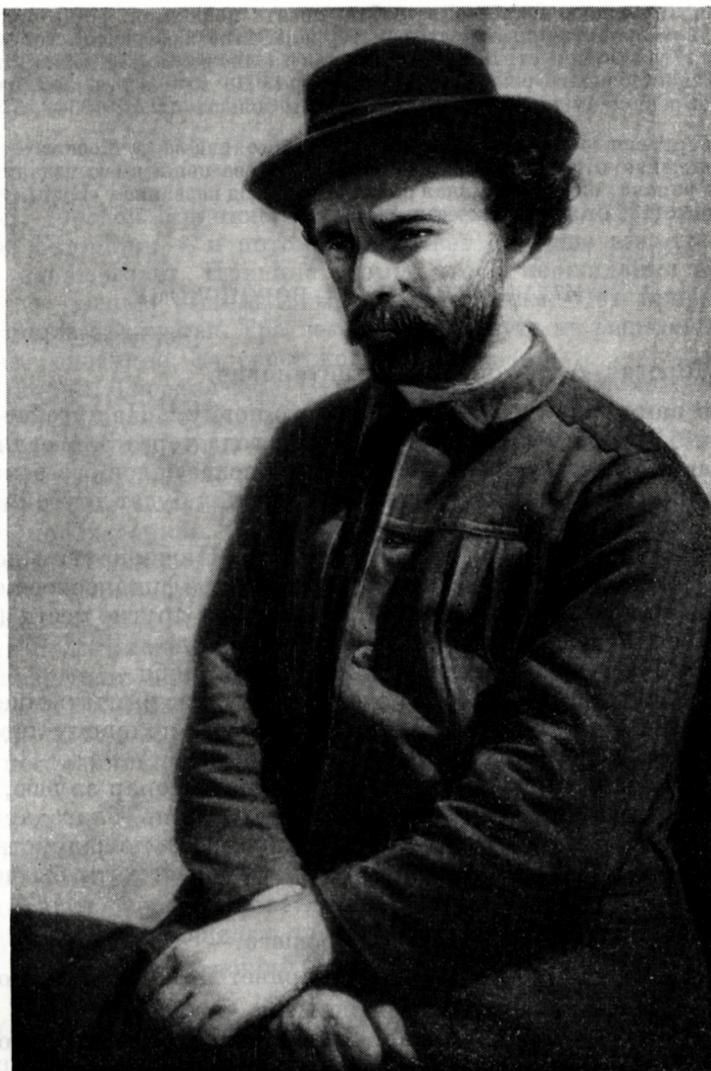
(с. Костино Талдомского у. Московской губ. Весна — лето 1923 г.)

Многоуважаемый Александр Константинович,

и будь тому неладно, вышла такая заворошка: после нашего разговора по поводу издания Френкелем моей «Кашеевой цепи» раньше «Красной нови»¹ вголях я послал ему письмо и обронил такую фразу, что «должен был отвергнуть правду его слов Воронскому». После этого письма вышло у нас объяснение, и так я понял, что некоторыми своими словами действительно мог дать повод Л. Д. Френкелю предпринимать шаги к изданию. Так он мне и сказал: «некорошо быть чистенъким за счет другого» — вот ведь какую штуку отмочил! А потому я считаю своим долгом довести до вашего сведения, что я сам в этой истории маленько «зарапортовался». Во всяком случае, беды никакой не вышло, а просто ерунда, и мы условились с Л. Д. Френкелем издавать книгу к осеннему сезону, после того, как она будет напечатана в «Красной нови».

С искренней и неизменной симпатией к вам

Михаил Пришвин

М. М. ПРИШВИН

Фотография. Середина 1920-х гг.

Литературный музей, Москва

ИМЛИ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 14, л. 1.

Датируется по времени публикации романа «Кашеева цепь» в КН.

Михаил Михайлович Пришвин (1873—1954) с 1922 г. жил в селе Костино Талдомского уезда Московской губ. В 1923—1926 гг. он был одним из самых активных сотрудников КН. Здесь опубликованы три первые «звена» его автобиографического романа «Кашеева цепь» (1923, № 3—5, 7), фенологические записки «Родники Берендея» (1925, № 8), «Рассказы» (1926, № 8). Пришвин систематически участвовал также в разделе «От земли и городов», который был введен в журнал в 1923 г. Пришвин был основным (а до 1924 г. и единственным) корреспондентом этого раздела, где напечатаны его очерки: «История цивилизации села Талдом» и «Домашние были» (1923, № 6 и 7), «Путешествия», «Голубиная книга» и «Жильцы» (1924, № 1, 2, 7-8), «Очерки» (9 очерков-миниатюр — «Волчки», «Марьина роща» и др.) и «Весна человека» (1925, № 2 и 9), «Очерки» и «Радио» (1926, № 9 и 11). В изд-ве «Круг» вышли три сборника рассказов Пришвина — «Черный араб» (1923), «Охота и лов. Рассказы из жизни на севере» (1923) и «Рассказы» (т. I, II, 1925).

О своем отношении к Воронскому и его журналу Пришвин писал В. П. Полонскому 25 января 1926 г.: «Вы правы относительно А. К. Воронского, которого никак нельзя обижать уже по одному тому, что во время литературного пожара он выносил мне подобных из своих плеча из огня. Но я стал бояться «Красной нови» по двум причинам: во-

первых, очень это видное место, а я люблю писать подшумок, во-вторых, в «Красной нови» очень увлекаются журнальностью материала. Мне в «Красной нови» за очерк текущей жизни в три-четыре страницы платят как за лист художественной прозы, так что всегда искушение оборвать роман, написать очерк. Но горе в том, что, написав очерк, я возвращаюсь к роману только через год, а то и больше» (*НМ*, 1964, № 10, с. 197).

¹ Лев Давидович Френкель — владелец частного изд-ва в Москве — выпустил сб. рассказов Пришвина «Колобок» (1923). Роман «Кащеева цепь» в его издании не выходил. Первая часть романа, опубликованная в *КН*, вышла под названием «Курымушка» в изд-ве «Новая Москва» (1924). О планах ее издания см. также в п. 56.

47. Н. С. ТИХОНОВ — ВОРОНСКОМУ

〈Петроград〉 17/VII 〈1923 г.〉

Дорогой Александр Константинович.

Посылаю вам первому, как обещал, свою поэму ¹. Не пугайтесь подписи: первая песнь. Вторая песнь будет написана года через 3. А если и не будет вовсе написана, то все же первая часть сохранит свое целое без всякой потери, так как в дальнейших песнях, конечно, материал будет другой и обработка и подход — тоже другие.

В поэме 295 строк. Я писал ее почти 2 месяца. Ничем другим не занимался и поэтому переживаю сейчас самое затруднительное финансовое недомогание.

У меня было несколько соблазнов продать ее в другие места (ко мне уже приходили), но я твердо помню обещанное.

Напечатайте ее, если можно, в одном №, не дробя.

Что касается денег, то я очень, очень прошу вас выслать мне их поскорей, потому что без них обречен сидеть и остальную половину лета в Питере, в то время как все разъехались уже на отдыши.

Если вы сможете выслать мне одновременно гонорар за всю, или даже, в крайнем случае, за половину поэмы, — буду очень благодарен.

Если же почему-либо поэма не подойдет вам, то, пожалуйста, сообщите мне, Александр Константинович, как можно скорее, хотя бы через Костю Федина.

Всего хорошего.—

Всем привет Николай Тихонов

Ни в Москву, никуда выбраться не могу — денег нет.

Я все забросил — сидел и писал. Думаю, что это лучшее, что я написал вообще. Может быть, ошибаюсь.

АГ. П-ка *КН*, 1-78-1.

Год написания устанавливается по дате сопроводительного письма К. А. Федина (см. прим. 1).

Николай Семенович Тихонов (1896—1979) с 1922 г. входил в группу «Серапионовы братья». Его сотрудничество в *КН* началось в 1922 г. публикацией поэмы «Сами» (№ 4). С тех пор он оставался постоянным сотрудником журнала в течение всех лет редакторства Воронского. Подборки его стихотворений печатались в следующих номерах *КН*: 1922, № 4 и 5; 1923, № 4-6; 1924, № 1 и 5; 1925, № 7; 1926, № 4, 5 и 9. В 1923—1925 гг. его стихи публиковались также в *Наших днях* (№ 2, 3, 5). В издании «Круга» вышел стихотворный сборник Тихонова «Брага» (1922).

Воронский высоко ценил революционный романтизм поэзии Тихонова, острое чувство современности, присущее поэту: «Брага» Н. Тихонова — ярка, свежа и содержательна. Но главное в том, что она о молодом поколении, — писал Воронский («В вечных боях» — «Прожектор», 1923, № 1, с. 14). С именем Тихонова Воронский связывал понятие «неореализма» — наиболее плодотворного с его точки зрения направления молодой советской литературы; он считал, что характерная особенность этого направления — «сочетание романтизма с реализмом» — наиболее ярко проявлялась в творчестве Тихонова («О группе писателей «Кузница» — *КН*, 1923, № 4, с. 316; см. также п. 51, прим. 3). Высокую оценку прозы Тихонова (рассказ «Бирюзовый полковник») Воронский дал в ст. «Литературный дневник» («Прожектор», 1927, № 13).

¹ 25 июля 1923 г. К. А. Федин писал Воронскому: «Посылаю вам новую поэму Н. Тихонова и его письмо. Хорошо было бы — и нужно! — после того, как «Шахматы» пройдут в «Красной нови», издать поэму отдельной книгой в «Круге» и выпустить позд-

ней осенью, в сезон. Поэма, по-моему, исключительная» («Творчество Константина Федина. Статьи, сообщения, документальные материалы <...>. М., «Наука», 1966, с. 383). Первая часть поэмы «Шахматы» была опубликована в КН (1923, № 6); отдельным изданием не выходила. Вторая часть написана не была.

48. Н. Н. НИКИТИН — ВОРОНСКОМУ

20.7.23. London¹

Спасибо, дорогой Воронский, за хорошие известия. Я только что вчера приехал из Германии — и потому мой ответ на ваше письмо, как будто, несколько запаздывает. Причина этому, что я неожиданно задержался в Германии по разным официальным препятствиям. Вот приехал обратно. Лондон. Голова обалделая. Третьего дня меня чуть не расстреляли бельгийцы, приняв, очевидно, за советского шпиона.

Дело было так. Я поехал через Рур — конечно, чтобы посмотреть. Ехать стоило. Интересный запас впечатлений. Готовьте для меня страницы. Для этого стоило пережить часы, когда жизнь дрожала на ниточке. Отъехав от Берлина, я уже почуял неладное, но возвращаться было поздно. Сейчас всех подробностей передать не могу. Главное, что в Аахене меня высадили из поезда, арестовали, поиздевались, грозили расстрелом. До Аахена тысячу раз осматривали. Перед Намм'ом, где начинается рурская трагедия², мне удалось пройти французские кордоны, ускользнув от их контроля, бросив на произвол судьбы вещи, но с Кельна, по-видимому, меня решили подловить. И вот Аахен. Для Бельгии же мне достали бельгийскую визу. В Аахене — порядком меня потрепали, вдобавок не хватило несколько вещей, выбрался чудом. Старушечими молитвами. Словом, когда я попал в Англию с парохода — сразу почувствовал всю благословенность этой страны. Остенде — Дувр — была моя последняя пересадка. Всего же я их сделал от Берлина до Лондона — пять.

Я взболтан — как хороший гоголь-моголь. Это для здоровья — плохо, для впечатлений — хорошо. В Россию очень хочу. И очень хочу Европы. Остался бы в Англии. Здесь тихо и хорошо жить и писать. Но надо в Россию — так складываются обстоятельства. Быть может, зимой — куда-нибудь поеду. А сейчас, в первых числах августа, думаю nach Vaterland *.

Искренний привет. Жму руку.

Ваш Ник. Никитин

P. S. Надо писать. Чтобы написать — надо отдохнуть от огромного багажа, навалившегося на меня с Европы. Мы писали малое. Надо большое. Две задачи — кончить малое. Готовиться к большому. Вот моя производственная программа. Мы невежи — надо учиться.

АГ, П-ка КН, 1-44-14.

¹ В 1923 г. Никитин совершил поездку в Германию и Англию, впечатления от которой отражены в сб. очерков «Сейчас на Западе. Берлин — Рур — Лондон». Л.—М., «Петроград», 1924.

² В январе 1923 г. Рурская область, одна из наиболее промышленно развитых областей Германии, была оккупирована Францией и Бельгией, выдвинувшими кабальные reparationsные условия. Пассивное сопротивление трудящихся было сломлено капитуляцией немецкой буржуазии в ноябре 1923 г. Оккупация продолжалась до августа 1925 г., причинив огромный ущерб Германии и дав толчок к крупным революционным выступлениям немецкого пролетариата.

49. М. Л. СЛОНИМСКИЙ — ВОРОНСКОМУ

«Петроград. 10 августа 1923 г.»

Дорогой Александр Константинович,

пишу вам откровенно, безо всяких «остранений» и фокусов, письмо.

Дело такое: в вашей, как редактора, власти два моих рассказа: «Артистка» (принятая вами, Пильняком и Фединым для 3-го альманаха «Круг») и «Сельская идил-

* На родину (нем.).

лия» (взятая вами на просмотр для 4-го альманаха «Наши дни»)¹. Эти два рассказа — лучшие мои вещи. В них я оторвался от прежних тем (царская армия и пр.), и стиль в них чистее и проще, и композиция занимательнее и сложнее. Рассказы эти оплачены полностью, и заинтересованность моя в их напечатании отнюдь не материальная, а чисто литературная.

Я надеюсь: можно не сомневаться в том, что «Артистка», принятая для 3-го альманаха «Круга» еще в апреле, пойдет, действительно, в третьем, а не в четвертом или четырнадцатом альманахе. Но о «Сельской идиллии» я беспокоюсь.

Скажу вам откровенно и просто: оторвавшись от прежних тем и целиком уходя в темы сегодняшней России, я нахожусь в том периоде, когда каждый удар (а непринятие рукописи, которую автор считает значительной, — удар) болезненно и губительно отражается на работе. Рассказы, о которых я говорю, — не под Пильняка, не под Замятина, не под кого, — они мои целиком. Именно потому, что подражательность отсутствует в них начисто, — именно поэтому я и отношусь к их судьбе с волнением. Ведь, скажем, невозможность печатания их означает неприемлемость меня как писателя. Политически они благополучны, но вдруг «Сельская идиллия» покажется вам «остраненной» (хотя «остранений» в ней меньше, чем где бы то ни было; она — живой быт Украины).

Словом: я нуждаюсь в моральной поддержке, чтобы уверенно идти дальше. Без нее я свихнусь. Моральную поддержку в данном случае можете оказать только вы. Эта самая поддержка — вот в чем: «Артистку» оставьте, как она была назначена, в третьем альманахе «Круга», а «Сельскую идиллию» напечатайте в «Наших днях». И тогда я с полной бодростью буду продолжать работу, а вам буду чрезвычайно благодарен.

Сейчас я наскусрь денег и уезжаю снова на Донбасс, чтобы видеть то, что мне нужно, и писать. Я хочу писать о юге. Донбасс, Украина — должны быть в литературе. Там наиболее остро стоят вопросы перестройки быта, и был там наиболее фантастичен и странен.

Денег мне от вас не нужно. Мне нужно только одно: внимательное отношение к этому письму и моей просьбе. Я бы не писал с такой наглой откровенностью, если бы не знал, что вы — внимательный и хороший человек и если бы так остро чувствовал, что именно теперь я нуждаюсь в поддержке, ибо я сдвинулся с места, увидел новые темы и почувствовал, что сила во мне есть и усталость преодолена.

Очень вас прошу, хотя вы завалены работой, урвите десять минут для ответа мне. Отпишите ваше мнение об «Артистке» и «Сельской идиллии» и успокойте насчет их напечатания. Вам — хорошо, а я — волнуюсь.

Адрес мой такой:

Ст. Деконская (Донецкой губернии), рудник Либкнехта.
Доктору Льву Борисовичу Шварцу —
для М. Л. Слонимского.

Письмо, прошу, отправьте *заказным*. А то ведь станция Деконская — дыра, куда простое письмо может и не дойти. Пожалуйста. Ненапечатанные «Артистка» и «Сельская идиллия» мешают мне жить, а напечатание их не в «Круге» и не в «Наших днях» (или «Красной нови») меня никак не удовлетворит.

Пока не получу вашего ответа, буду волноваться. Жду.

Всего хорошего.

Ваш М. Слонимский

10/VIII—23 г.

АГ, П-ка КН, 1-72-4.

Михаил Леонидович Слонимский (1897—1972) начал печататься в 1921 г. Тогда же вошел в группу «Серапионовы братья». Первые его рассказы, составившие сб. «Шестой

стрелковый» (Пг., «Время», 1922), рисуют нравы царской армии в годы мировой войны. Воронский откликнулся на этот сборник сочувственной рецензией (*КН*, 1922, № 6).

Ни в *КН*, ни в альманахах *Круг и Наша дни* Слонимский не печатался.

¹ Рассказ «Артистка» был напечатан в сб. «Молодая Россия» (Берлин, 1923). Вариант рассказа «Сельская идиллия» под названием «Городовой Оридорога» был опубликован в журн. «Красная нива» (1923, № 34).

50. Н. Н. НИКИТИН — ВОРОНСКОМУ

«Корабль «Л. Красин». 21 или 22 августа
1923 г.»

Вечер —

на корабельных часах в каютах-компании первая четверть после десяти. Эти часы — каждое утро после брэкфеста младший помощник капитана подводит по секстанту. Этот помощник — парень простой и глупый с лицом костромича, но с твердой английской фамилией — служил во время войны тральщиком — нынче торговый моряк. На нашем же судне есть другой такой митя — тоже с твердой английской фамилией — заика, а фигурой, речью и носом картофельным — телеграфист Ять из Чехова — кстати он ему родственник — «марконист» — это значит по нашему радиотелеграфист, а на английских судах это радио-офицер.

Я сейчас вернулся с кубрика — там матросы рассказывали анекдоты про Екатерину Вторую и трубочиста, про нее же и про матроса — настоящий народный эпос, говорил матрос Андрей, бежавший в 1909 году с «Рюрика», когда русская эскадра, делавшая визит в Англии, на обратном пути зашла в Барри, чтобы нагрузиться углем. Другой матрос, Меликов, — парнишка лет 22-х, рассказывал — как ночью сняться ему принцессы в белых платьях и как он их точит.

Вчера же говорили о политике, о советских паспортах, об интернационале и о «старой курве» — таким имячком пришлепнули они бывшую царицу-мать.

Еще говорили о преимуществах махорки перед английским табаком об американской жвачке чонгапуун и о кабаках Йст-Эндского дока в Лондоне, об индейских ножах — достающих до печени «одним поворотом»...

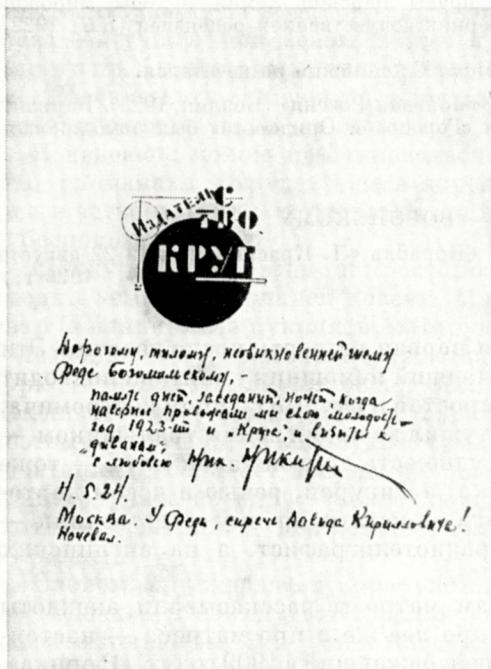
В иллюминатор каюты заглянул сейчас «вперед-смотрящий» — вахтенный с капитанского мостика — приказывают мне закрыть иллюминатор занавеской, а то мой огонь выходит прямо на нос — на формаст и путает сигнальные фонари —

небо мое, гляжу, чухонское — с белой, упавшей в самый край горизонта зарею, — плоские, как свечки, звезды — до Питера еще 60 часов хода — высаживаемся мы в Кронштадте.

Днем я читал воспоминания Витте — третий том¹ — это гораздо скучнее его политических мемуаров — его лирика, «литературная часть», философия не только скучны, а просто глупы, и даже странно, что этот башка, считавшийся умным, высоко-культурным человеком, философствует в своих мемуарах со всеми повадками генералов-мемуаристов из «Исторического вестника»².

Балтика бьется за бортом и причитает, точно унтер-офицерская вдова, — шумит, скандалит противной, тошненькой зыбью. Пильняк³ ползает по стене каюты с порошком для мора тараканов, их у нас множество, — наползавшись, и тараканы и клопы укладываются спать, моя машинка стучит, мешает им и Пильняку... укладываюсь и я, завтра напишу вам *деловую* часть письма.

Покойной ночи... хотя мы укладываемся тогда, когда вы наверное только встаете для настоящей работы, наш же день начинается с 7 утра — первая наша утренняя беседа, после того, как нас разбудит староста, принесший для мытья пресную воду.

НИК. НИКИТИН

БУНТ

РАССКАЗЫ

КРУГ

МОСКВА-ПЕТЕРБУРГ

1923

СБОРНИК РАССКАЗОВ Н. Н. НИКИТИНА («БУНТ», М.—ПБ., «КРУГ», 1923)

Обложка и форзац с дарственной надписью: «Дорогому, милому, необыкновеннейшему Феде Богомильскому,— память дней, заседаний, ночей, когда наверное провожали мы свою молодость — год 1923-й и «Круг», и визиты к «диванам», с любовью Ник. Никитин. 4.5.24. Москва. У Феди, сиречь Давида Кирилловича! Ночевал»

Литературный музей, Москва

<Петроград. 25 августа 1923 г. >

Д е л о в а я ч а с т ь п и с ь м а

Пишу просто, без обиняков — прямо по пунктам.

1. Нет ни монеты денег, совсем нищий, надо квартиру искать и переезжать и вообще жить — посему, Александр Константинович, выручьте, а то побиши, просил я об этом Пильняка передать, передал ли он?

2. Получить деньги я могу с двух своих книг — изданной и издающейся — «Бунта» и «Полета»⁴.

3. Так как первое издание «Рвотного форта» разошлось, то нынче можно выпустить второе, как и уговаривались мы весною. Всю повесть я переделаю — у меня уже составлен *(план)* переделки — остальной материал тоже подвергнется переделке, вообще вся книжка будет реконструирована заново, и ее мы выпустим под новым заглавием с предисловием — это другой источник⁵.

4. Очень важное. От этого зависит моя литературная судьба. Напишите обо мне сами, что вы думаете, в ваших литературных записках в «Красной нови», статейкой. Мне трудно сейчас не иметь литературной и общественной реабилитации от той грязи, которой нас завалили, мне говорила жена, что вы что-то писали в этом смысле, касаясь «Кузницы». Но надо отдельно⁶.

5. Прикажите послать мне «Красную новь» — те номера с весны, что вышли, а также книжку вашу⁷ и все новые Круговские издания.

6. Как дела в «Круге», кто новый туда вошел, как Аросев — ему привет сердечный, какой план издательский у «Круга»?

7. Для «Красной нови» буду писать рассказы из цикла «Прелестной ягоды» (*«25 июля»*, *«Пышма»*, *«Шесть дней»* и пр.)⁸.

8. Деньги следуемые, авансы, книги надо посыпать по адресу, где я приткнулся пока на время,— это: Петроград, Эртелья 3, кв. 3. Адрес верный.

9. Что происходит с «Полетом» — в каком положении обстоит дело с ним — надо мне знать об этом твердо и поскорее.

10. Пусть дошлют мне остальные 15 авторских экземпляров — неужели они никак, кроме как оказией, сделать этого не умеют, а книги нужны мне до зарезу.

Всего, всего хорошего.

Ваш Никитин

До собрания!

Р. С. Пильняк говорил, что уходит из «Круга». Ну что же... Его дело.

25.8.23. П(етер)бург

АГ, П-ка КН, 1-44-11. Первый лист письма не сохранился.

Первая часть письма написана по пути из Лондона в Петроград (см. п. 48 прим. 1); она датируется по словам: «до Питера еще 60 часов»; вторая часть, написанная уже в Петрограде, имеет дату: «25 августа 1923 г.»

¹ С. Ю. В и т т е. Воспоминания. Том 3. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849—1894). Берлин, «Слово», 1923.

² «Исторический вестник» (1880—1917) — научно-популярный журнал консервативно-монархического направления.

³ Никитин возвращался на родину вместе с Пильняком, с которым он одновременно был в Англии. Пильняк опубликовал в газ. «Известия» очерки «Великая Британия» и «Лондон» (1923, № 228, и 243, 7 и 24 октября), с посвящением: «Моему спутнику Н. Никитину».

⁴ См. п. 36, прим. 16 и 17.

⁵ Первое издание сборника рассказов Никитина «Рвотный форт» вышло в 1922 г. (М.— Пг., Госиздат); второе — исправленное и дополненное — под тем же заглавием, появилось в 1926 г., без предисловия (М.— Л., Госиздат). В изд-ве «Круг» этот сборник не выходил.

⁶ В июне 1923 г. «напостовцы» начали в первом номере своего журнала кампанию против писателей-«шопутчиков». В частности, резко критическую оценку с их стороны вызвала повесть Никитина «Рвотный форт» (Б. В о л и н. «Клеветники (Эренбург, Никитин, Брик)» — «На посту», 1923, № 1). В статье «О группе писателей «Кузница» Воронский впал под защиту писателей-шопутчиков от нападок журнала «На посту»; в частности, он писал: «Все дело в том, что у попутчиков часто больше России, больше революции нашей, с ее особенностями, чем в красных псалмах, гимнах и в мертвых, ходульных рассказах и агит-повестях, больше жизни и больше художественного чутья» (КН, 1923, № 4, с. 316). Отдельного очерка, посвященного творчеству Никитина, Воронский не написал, но в статье «Искусство, как познание жизни, и современность» уделил ему ряд строк, назвав одним «из самых талантливых молодых беллетристов» (КН, 1923, № 5, август—сентябрь, с. 370).

⁷ А. В о р о н с к и й. На стыке. М.— Пг., Госиздат, 1923.

⁸ В сб. «Бунт» были помещены рассказы: «25-го июля 1918 года», «Шесть дней», «Трава-пыльца» (из романа «Прелестная ягода») и др. В КН они не печатались.

51. Н. С. ТИХОНОВ — ВОРОНСКОМУ

(Новороссийск. Конец августа — начало сентября (до 10) 1923 г.)

Дорогой Александр Константинович.

100 руб. за поэму я получил. Большое спасибо. Сижу в Новороссийске. Личные дела забросили меня сюда. Но я немного не рассчитал. Денег у меня, конечно, на обратный путь нет. Поэтому очень прошу вас, Александр Константинович, то, что осталось, дополучить мне за поэму ¹, — выслать по следующему адресу: Новороссийск. Станичка. Слепцовская 7 — до 10 сентября. После 10-го без денег мое положение будет очень затруднительным. Проклятая дорога съела все. В Москву я прибуду на обратном пути.

У меня тысячи планов работы. Я очень хочу поговорить с вами об одном деле. Я хочу писать и роман «Русский Ким», и поэмы целых две ждут меня, и для всего нужны материалы и выяснения ². А теперь о некоторых ваших статьях. Я совершенно согласен с выдвинутой вами формулой неореализма ³. Несомненно основная ошибка писателей «Кузницы» в том, что они не могут найти и не ищут художественное воплощение своего мировоззрения. Если

в каждом отдельном коммунисте развитие характера представляет целый процесс, совершенно индивидуальный и все-таки связанный с общим ростом характера партии,— то не может пролетарский писатель, переняв приемы литературных школ, механически влить в них себя. Это невозможно. Они хотят быть Белыми, Пильняками, Блоками — это не нужно. Все школы — только подспорье, только школы. И я думаю, что выход тут наметился только такой: наиболее сильные из них попробуют, и я уверен, что им удастся,— сломав подражательную форму, прогреть ее духом характера. Синклер не коммунист, т. е. человек не партии, он выходец из класса, противопоставляемого пролетариату, и он же в данном случае доказательство того, как писатель, выйдя из традиций литературы своего класса, остается большим писателем⁴. Значение его для Америки совсем иное, конечно, чем для России.

Писатели «Кузницы» или обнажают мировоззрение так, что оно проходит в лозунгах, или наоборот уходят в форму так, что их не отличить от обычных эпигонов. Отсюда их анекдотичность, поспешность, эпизодичность, но это — детская болезнь. Но разве не жалко, например, что Казину, поэту молодому и свежему, угрожает антропософия⁵. И не потому, что антропософия — плохо, а потому, что это плохо для Казина. Он не Штейнер и не Белый. Никакой кризис культуры грозить ему не должен, и философия белых йогов ему и по характеру чужда.

Теперь о «На посту». Лелевич и Родов работают впустую. Работают не приятно. Они шельмуют своих же товарищей. Их вопль в книге ясен: отойдите в сторону — дайте нам занять место⁶. И это ошибка. Никто и не пытается оспаривать у них их место. А достоинства и недостатки молодой литературы будут существовать и без них, раз эта литература жизненна. Хуже всего то, что нападение ведется не только в пределах критики, но и в несколько иных. Они штурмуют тов. Воронского — с лозунгом: долой попутчиков. Чудаки. Тов. Воронский отвечал не только Лелевичам и Родовым в своей жизни, а попутчики — неизбежное явление в любой дороге. В том-то и дело, что люди из «На посту» никуда не идут, а сидут в <1 нрзб.> Леф! Приходится говорить, что се Леф, а не собака. Это пример людей, которые не с того начали. Будем им благодарны. Такое обнажение собственного характера помогает разобраться в окружающем. Неправильное у них: искусство сейчас из простой зауми и шаблона не выкроишь. Маяковский пишет под Демьяна Бедного⁷ — бедный футуризм. О том, что будет настоящего, я напишу вам или поговорю при встрече. Если у меня будут деньги, я приеду в Москву около 15 сентября. Письмо * беспорядочно до безобразия.

Пока всего лучшего.

Н. Тихонов

АГ, П-ка КН, 1-78-1. Датируется по содержанию.

¹ Речь идет о поэме «Шахматы» (см. п. 47).

² В письме редактору наст. тома Н. А. Трифонову от 9 октября 1978 г. Н. С. Тихонов писал: «Если вы вспомните роман Киплинга «Ким», то там шла речь о мальчике-разведчике, где он главного врага Британской империи в Индии видел в России. У меня была мысль на нашем восточном материале написать роман — поспорить с Киплингом. Этот роман остался только в черновых набросках плана». См. также письмо Тихонова Б. Л. Пастернаку от 15 февраля 1924 г. в наст. томе.

³ В статье «О группе писателей «Кузница» Воронский писал: «Н. Тихонов — не бытовик, а романтик, но его романтизм сумел впитать в себя новую, нашу, Советскую Русь, отразить революционную эпоху, но по-настоящему, по-живому, по-осознанному и в целом советски и революционно. У него очень своеобразное и типичное для нашего времени сочетание романтизма с реализмом. Он — неореалист» (КН, 1923, № 4, с. 316).

⁴ Эптон Билл Синклер (1873—1968) — американский писатель; происходил из аристократической семьи; его произведения начала 1920-х годов имели социалистическую направленность.

⁵ В статье «О группе писателей «Кузница» Воронский отмечал, что поэзии В. В. Казина, которого он считал наиболее одаренным поэтом этой группы, свойственные черты космизма и антропоморфизма. Он связывал это с влиянием А. Белого и исповедуемой им антропософии (религиозно-мистического учения, основателем которого был немецкий философ Р. Штейнер) — КН, 1923, № 4, с. 318.

* как оно мне представляется (прим. Н. Тихонова).

⁶ Тихонов соглашается с основными положениями статьи Воронского «Искусство, как познание жизни, и современность» (ЖН, 1923, № 5), в которой шла речь о позиции журнала «На посту», в частности, о статьях его редакторов Лелевича и Родова.

⁷ В цитированном выше письме Н. А. Трифонову от 9 октября 1978 г. Тихонов разъясняет: «Фраза про Маяковского, вероятно, родилась потому, что в это время у Маяковского были стихотворения пропагандистского порядка, на темы разных кампаний...» Сам Маяковский писал в предисловии к сборнику стихов «Вещи этого года (до 1 августа 1923 г.)» (Берлин, 1924): «Для нас, мастеров слова России Советов, маленькие задачки чистого стиходелания отступают перед широкими целями помочь словом строительству коммуны. В этот же год мною написаны многие агитки-лубки: «Вон, самогон», «Ни бог, ни ангелы бога человеку не подмога», а также многочисленные вещи в городских и деревенских бюллетенях ЦК» (Вл. Маяковский. Полн. собр. соч. в 13 томах, т. 12. М., 1959, с. 63). Об отношении Тихонова к поэзии Маяковского в это время см. также его письмо к Б. Л. Пастернаку (конец 1924 г.) наст. том, Пастернак — Тихонов, п. 4 и прим. 12 к нему.

52. Н. Н. НИКИТИН — ВОРОНСКОМУ

П^реступр. 7.10.23.

Дорогой Александр Константинович —

Спасибо за письмо и за сообщение. Пишу короткую записку — сейчас спешно заканчиваю книгу «Разговоры на Западе», это моя отчетная работа за лето ¹, туда включена серия моих фельетонов в «Петроградской правде» — «Путешествие в Рур» (шесть статей)², — пользуясь огромным успехом в партийных кругах и на заводах Питера.

Но для статьи «О себе» — завтра эту книжку прерываю и сажусь писать вам ³. Напишите мне: можно ли для «Прожектора» рассказ «Тайна мистера Бэкиш» ⁴ — английский импрессионизм — о море и шквале, о том — что такое жена, а что любовница. Порнографии никакой, все свято. Если тема подходит — напишите немедля, тогда пришлю вам. Если нет — тоже пишите немедля, тогда подберу другое.

Завтра сажусь за статью для «Круга».

Обнимаю вас крепко —

Николай

Р. С. Из Берлина пишут, что там купили мой «Бунт»⁵.

Не пишете ли вы что-нибудь о «Бунте»⁶?

АГ, П-ка ЖН, 1-44-12.

¹ См. п. 48, прим. 1.

² «Путешествие в Рур» — «Петроградская правда», 1923, № 201, 208, 209, 215, 219 и 223 от 7, 15, 16, 23, 28 сентября и 3 октября.

³ Статья, получившая название «Вредные мысли», напечатана в сб. «Писатели об искусстве и о себе». Вып. I. М. — Пг., «Круг», 1924.

⁴ Рассказ напечатан в журн. «Петроград», 1923, № 13. Вшел в сб. «Сейчас на Западе».

⁵ Т. е. сб. рассказов Никитина «Бунт» (М.— Пг., «Круг», 1923).

⁶ См. п. 50, прим. 6.

53. В. Я. БРЮСОВ — ВОРОНСКОМУ

(Москва. 16 октября 1923 г.)

В художественный отдел Гос. Издательства.

Завед^рущему т. Воронскому

Писателя В. Я. Брюсова

Заявление

Мне сообщили, что решено отказаться от издания Собрания (полного) стихов Эдгара По в моем переводе, принятого Госиздатом к изданию в серии «Всемирная литература»¹.

Со своей стороны решительно возражаю против такого постановления.

Госиздат частично ссылается на то, что мною пропущен срок сдачи рукописи. Но это произошло: во 1-х) по моей болезни (есть свидетельства врачей), во 2-х) по моему желанию исполнить работу добросовестно, ибо рукопись

перевода была сдана в Госиздат еще в 1920 г., но ныне мною все переводы *переработаны вновь* и к ним составлены биобиографические примечания, столь точные, каких нет и в английских изданиях, и, главное, в 3-х) вследствие моей перегруженности работой по Наркомпросу. Неоднократно я обращался как к т. Яковлевой, в бытность ее завед~~ующей~~ Главпрофобром², так и к ее преемникам и заместителям т. Каменскому³ и т. Истомину⁴, и даже непосредственно к Наркому просвещения т. Луначарскому,— с просьбой освободить меня от работы по Главпрофобру, указывая, что эта работа не позволяет мне выполнить мои обязательства перед Госиздатом, все раза мне было отказано. Таким образом, пропуск сроков произошел по вине моего прямого служебного начальства.

Между тем, как указано выше, мною уже сделана громадная работа по этому изданию: все переводы переработаны заново и составлены к ним примечания, потребовавшие пересмотра и изучения десятков книг. Если рукопись еще не сдана, то лишь потому, что опять желая быть добросовестным, я не хотел дать в виде предисловия свой очерк о Эдг. По, напечатанный в «Истории западной литературы» т-ва «Мир»⁵, а хотел написать новый.

Мне кажется крайне несправедливым, чтобы я потерял и оплату моего большого труда и возможность опубликовать его в печати,— почему и прошу Художественный отдел Госиздата пересмотреть свое решение о Полном собрании стихов Эдг. По.

Кроме того, я считаю, что приостановка полного собрания сочинений Пушкина под моей редакцией⁶ совершенно невозможна по техническим условиям работы, об чем подано подробное заявление в Коллегию Гос. Издательства, где говорю также и об издании стихов Эдг. По и о моем Учебнике стихологии, издание которого совершенно необходимо для преподавания на Факультетах Общественных Наук Университетов и в др. ВУЗах⁷.

Валерий Брюсов

16 октября 1923 г.

ЦГАЛИ, ф. 5б, оп. 1, ед. хр. 84, л. 1—2.

¹ Книга вышла в следующем году: Э. П. о. Полн. собр. поэм и стихотворений. Пер., предисл. и критико-библиографические комментарии В. Брюсова. М.—Л., ГИЗ, 1924.

² Варвара Николаевна Яковleva (1884—1944) — заместитель народного комиссара просвещения РСФСР.

³ Абрам Захарович Каменский — председатель Совета по делам ВУЗов Главпрофобра.

⁴ Яков Алексеевич Истомин — ответственный сотрудник Наркомпроса.

⁵ В. Я. Брюсов. Эдгар По.— В кн.: «История западной литературы», т. III. Под ред. Ф. Батюшкова. М., «Мир», 1914.

⁶ Издание полного собрания сочинений А. С. Пушкина под ред. Брюсова осталось незавершенным. Вышел лишь том I, ч. I. М., ГИЗ, 1920.

⁷ Книга была издана под другим названием: «Основы стиховедения. Курс В.У.З». Части I—II. Общее введение. Метрика и ритмика. Изд. 2-е. М., ГИЗ, 1924.

54. К. А. ТРЕНЕВ — ВОРОНСКОМУ

(Симферополь. 31 декабря 1923 г.)

Уважаемый тов. Воронский!

Еще раз пытаюсь побороться с фатумом, мешающим правильности сношений с вами. В конце лета вам было послано письмо, на которое я рассчитывал получить ответ. Возможно, что письмо это и не дошло до вас. В начале октября я был в Москве и у вас в редакции. Сказали — вы на Кавказе — неудача.

Был в издательстве «Круг», где мне сообщили, что мне в Симферополь было послано три телеграммы. Ни одной из них я не получил. И даже спрашиваясь специально на телеграфе по возвращении из Москвы, не нашел никаких следов.

Когда я был в издательстве «Круг», то там сначала было предположено издать книжечку моих рассказов («Мокрая балка» и др.), а на другой день мне объявлено, что это отвергнуто. Это мое 1-е дело с «Кругом»¹.

Затем у меня взят для альманаха рассказ и даже аванс под него выдан. Однако с той поры прошло ровно 3 месяца, а сведений о судьбе рассказа, несмотря на запрос мой Б. А. Пильняку, никаких не имею. А в случайно попавшем мне анонсе о содержании альманаха своего рассказа я не нашел. Это мое 2-е дело с «Кругом»².

Может быть, на этом следует и закончить, а может быть, тут лишь новый круг недоразумений. Очень бы хотелось получить разъяснения непосредственно от вас.

Во-первых, действительно ли вы находите неуместным издавать 2-ю мою книжку — лучшее из написанного мною?

И, во-вторых, какова судьба моего сданного для альманаха рассказа? Вот покамест и все мои к вам докуки и пропозиции.

Суважением К. Тр е н е в

Адрес: Симферополь, Казанская, 22, Константину Андреевичу Треневу.
Для телеграмм: Симферополь, Крымиздат.

31/XII.

ИМЛИ, ф. 62, ед. хр. 16, л. 1.

Год устанавливается по упоминанию о планах переиздания сборника рассказов Тренева «Мокрая балка» (см. п. 37).

¹ Второй сборник рассказов Тренева («Мокрая балка», М., 1916) в изд-ве «Круг» не переиздавался. В этом изд-ве был выпущен только один его рассказ — «Батраки» (М., 1924).

² В альманахе *Круг* рассказы Тренева не печатались.

55. ВОРОНСКИЙ — Н. Л. МЕЩЕРЯКОВУ

Председателю Редакционной Коллегии *(Госиздата)*

(Москва. Января) 3 дня 1924 г.

Предложение литературной группы «Кузница» об издании рабочего журнала (*«Рабочий журнал»*) в счет нормы вполне поддерживаю и нахожу необходимым немедленно приступить к изданию этого органа, полагая, что в нем отразятся художественно-литературные особенности «Кузницы».

Завед. Литер.-Худож. отд^{ел} А. В о р о н с к и й

ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 95, л. 10. На бланке заведующего лит.-худ. отделом Госиздата.

Дата, поставленная в письме (*«Декабря 3 дня 1924 г.»*), ошибочна. Уточнена по содержанию. Текст от руки (*неизвестного лица*), подпись — автограф Воронского.

10 декабря 1923 г. группа пролетарских писателей, входивших в объединение «Кузница», обратилась в Отдел печати ЦК РКП(б) с просьбой разрешить им издание журнала (ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 95, л. 12). Просьба была поддержана одним из руководящих работников Агитпропа В. И. Нарбутом. «Не входя в рассмотрение по существу сметы журнала, — писал он руководителю Отдела печати ЦК РКП(б) Я. А. Яковлеву, — полагаю, что самое издание *«Рабочего журнала»* явится делом необходимым и полезным, как дающее возможность второй части (*группа «Октябрь» уже имеет свой журнал*) пролетарских писателей теоретически и практически выявить свою программу до конца» (там же, л. 11). 15 декабря 1923 г. заявление с резолюцией Я. А. Яковleva (*«Тов. Мещерякову для срочного разрешения»* — там же, л. 12) было передано в Госиздат. Мещеряков сделал на заявлении пометку: *«Тов. Воронскому на отзыв мнё»* (там же). С мнением Воронского Мещеряков согласился, о чем свидетельствует его резолюция на тексте письма Воронского (*«Согласен в принципе»*). Орган «Кузницы» *«Рабочий журнал»* выходил в 1924—1925 гг.

56. М. М. ПРИШВИН — ВОРОНСКОМУ

(С. Костино Талдомского у. Московской губ. 5 января 1924 г.)

Многоуважаемый Александр Константинович,

напечатанное у вас мое сочинение *«Кашеева цепь»* представляет из себя вполне законченную повесть *«Курымушка»* и под таким заглавием я очень бы хотел ее издать в *«Круге»¹*. Окажите мне в этом содействие своей рекомендацией и заявите, чтобы вопрос об этом поставили на очередь. Френкель, с которым

я заключил было условие, теперь издавать не хочет, и я получил от него об этом письмо. Рукопись, исправленная, будет мною доставлена по выходе журнала.

Меня очень смущает и отнимает охоту работать то странное обстоятельство, что «От земли и городов» пишу я один, и так моя затея имеет вид не дела, а личного писательского фокуса². Я очень вам советую каким-нибудь способом побудить публику к наблюдению жизни рабочего и крестьянина, потому что такие материалы дают действительное жизненное питание журналу. Вероятно, вы уже теперь заканчиваете этот период борьбы за идею преемственности культур и очень бы хорошо вам теперь взяться за насаждение в журнале образцов жизненного внимания против теоретической засмысленности. Очень хорошо это выходит с первой же книжки в журнале «Народный учитель»³ — очень жизненно.

Уважающий вас М. П р и ш в и н

АГ, П-ка КН, 1-56-1.

Дата и место написания устанавливаются по письму Пришвина секретарю редакции КН Е. В. Муратовой от 5 января 1924 г. (с. Костино), в котором содержится просьба переслать публикуемое письмо Воронскому (АГ, П-ка КН, 1-57-1).

¹ Повесть «Курымушка» в «Круге» не выходила (см. п. 46, прим. 1).

² О роли Пришвина в этом разделе КН см. в прим. к п. 46. С 1924 г. к участию в нем были привлечены и другие авторы.

³ «Народный учитель» — общественно-политический, литературно-художественный и научно-педагогический журнал, объединенный орган ЦК профсоюза работников начальной и средней школы ряда республик; выходил в Москве в 1924—1935 гг. Пришвин имеет в виду один из отделов этого журнала — «Как живет и работает народный учитель»; со второго номера журнала он принял участие в этом отделе (очерк «Школьная робинзонаада»).

57. Л. М. КЛЕЙНБОРТ — ВОРОНСКОМУ

(Ленинград. 10 марта 1924 г.)

Многоуважаемый А. К.!

Издательство «Петроград»¹ предложило мне напечатать для Московского Госиздата мою книгу «Очерки народной литературы»². Сношения «Петроград» вел через вас. Рукопись прошла все инстанции (удостоилась очень лестного отзыва как вашего, так и рецензировавшего ее проф. Перееверзева) (по словам издательства), но до сих пор «Петроградом» ничего не сделано, чтобы пустить рукопись в дело.

Я хотел бы вступить в непосредственные сношения с Госиздатом по поводу этой книги, т. е. заключить с ним условие, устранив издательство «Петроград». Так как это вполне осуществимо для меня, то прошу вас возможно скорее дать мне ответ по адресу:

Ленинград, Петроградская сторона. Улица Литераторов, д. 19, комн. 5. Льву Максимовичу Клейнборту.

Тотчас по выражении вашего согласия, я вышлю вам рукопись, а вас, с своей стороны, попрошу определить условия и прислать бланк для подписи.

С приветом Л. К л е й н б о р т

10/III

P. S. Буду весьма признателен за незамедлительный ответ.

ЦГАЛИ, ф. 246, оп. 1, ед. хр. 60, л. 6—6 об. Год устанавливается по почт. штемпелю на конверте.

Лев Максимович Клейнборт (1875—1950) — литературный критик и публицист. Основная тема его работ — становление и развитие пролетарской литературы и печати.

Публикуемое письмо было направлено писателю И. Касаткину для передачи Воронскому. В сопроводительной записке Клейнборт излагал историю вопроса и просил адресата переговорить с Воронским (ЦГАЛИ, ф. 246, оп. 1, ед. хр. 60, л. 7—7 об.). Письмо

сохранилось в архиве Касаткина и, вероятно, не было передано Воронскому. Возможно, суть его была изложена Касаткиным Воронскому устно.

¹ «Петроград» — частное издательство (1922—1928), принадлежавшее А. И. Гессену.

² Книга Клейнборта «Очерки народной литературы (1880—1923). Беллетристы. Факты, наблюдения, характеристики» вышла в изд-ве «Сеятель» (Л., 1924).

58. Н. Н. НИКИТИН — ВОРОНСКОМУ

12.3.24. Ленинград

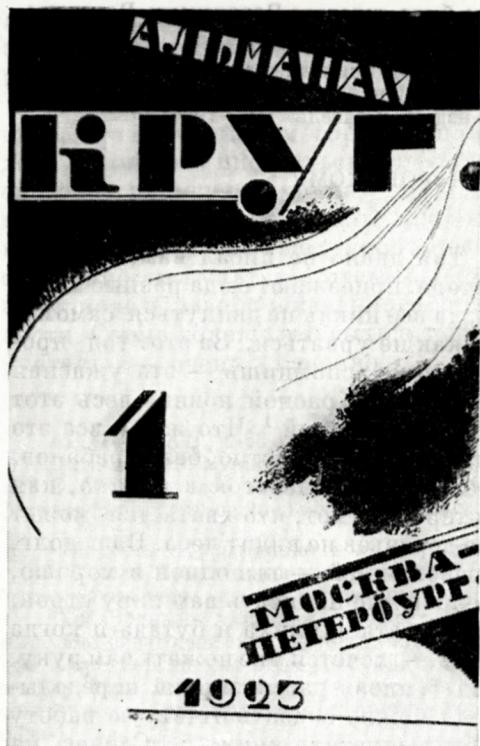
Дорогой Александр Константинович. Так давно не писал вам, что становится страшно. Я совсем засиделся в Питере, приезжают сюда разные хлопцы, говорят о Москве, ибо сами из Москвы, да все никак не двинуться самому: связался с тысячью всяких дел, так что никак не урваться. За этот год прошло кажется так много, что сразу всего этого не вспомнишь — эта ужасная и дикая баталия «напостовцев», ваши статьи в «Красной нови», весь этот гам и бой — будто преддверие литературных сражений¹. Что же — все это очень хорошо, это признак жизни. Вы писали верно, честно, без барабанов, без трескотни, живущей минутами, не делая лихих набегов, а крепко, как уверенный в своих прогнозах критик и литератор. Тот, кто хватается, может быть, за ваши частичные ошибки, тот из-за деревьев не видит леса. Ваш долг, по-моему, и перед литературой и перед революцией — выполнен и хорошо, и честно. Часто, в пылу борьбы еще, хотелось мне написать вам пару строк, но что-то мешало, и вот теперь, когда слегла эта шумиха и бутада и когда кончилась лягня, а лягающие пересорились, — хочется мне пожать вам руку.

Что делал я? Редактировал «Ленинград»², писал рассказыши, переделывал «Полет»³, писал отчасти в газете, писал можно сказать отчетную работу за лето, за свою летнюю поездку, — чтобы выпустить книжку «Сейчас на Западе», ее я вам при сем посыпал заказной бандеролью⁴. Успех книжки для издательства был совершенно неожидан, она разошлась у них в три дня, без остатка, так что даже я не успел сполна получить свои авторские экземпляры. В ней меньше искусства, но больше правды. Издана она не так, как бы мне хотелось, но сейчас при полном ее расходе горевать об этом, конечно, не приходится. Издавать ее второй раз в издательстве «Петроград» — мне бы не хотелось, уж очень там халтурно⁵. И потому у меня к вам просьба, — прочтите книжку, и если она вам понравится, устройте ее второе издание в Москве, издавать ее нужно теперь же, книжка вся уйдет без остатка, за это ручаюсь. А эту книжку переиздать необходимо, она имеет помимо вообще интереса чисто читательского, т. к. написана живо, и большое служебное значение. Устройте ее, где хотите, на вас я надеюсь⁶.

Второе — что с «Кругом»? У москвичей я всегда справляюсь о вас и о «Круге». Про вас мне говорят, что вы хвораете, а в «Круге» дела исправились. Так ли это? «Ленинград» скоро кончается, и у меня не будет постоянного пристанища. У меня нет ничего, жить невыносимо трудно на гонорары, хворает жена, месяца через два будет ребенок, роды и прочие трагедии, нет ни копейки, а надо много-много денег. Осенью мы с вами говорили о переиздании «Рвотного форта». Таким образом — я переделываю «Форт», изменяю его, выбрасываю одиозные сцены и вставляю новые, потом из книжки вставляю все остальное, то что фундаментально и ценно, к этому добавляю «Полет». Все это могу я сдать в апреле в «Круг». Александр Константинович, могу я на это надеяться в данный момент?⁷

Вот два основные дела.

Третье — для «Красной нови». Еще с осени я задумал повесть. Называется «Русское действие». Пишется это просто, ясно, отчетливо. Будет она листа 4—5. Сейчас виднеются уже концы. К весне я ее тоже кончу. Она — спокойная и радостная. Она дает мне большое удовлетворение. Правда, я никогда не писал так. Самый строгий мой критик — жена; от нее мне всегда попадало больше, чем от других. Теми сценами, которые я читал ей, она осталась довольна и просит только об одном — чтобы я не торопился, не захватывался. Ее я предназначаю — обязательно для «Красной нови». Когда вы

ПЕРВАЯ КНИГА АЛЬМАНАХА «КРУГ»

Москва — Петербург. «Круг», 1923

Обложка по рисунку Ю. П. Анненкова

редактором его был Г. И. Сафаров, редактор «Сейчас на Западе», вероятно, членом редколлегии.

³ Об этой повести см. п. 36, прим. 8, 12, 17.

⁴ Об этой книге см. п. 48, прим. 1 и п. 52.

⁵ Об изд-ве «Петроград» см. п. 57, прим. 1.

⁶ Книга «Сейчас на Западе» не переиздавалась.

⁷ О планах переиздания сборника рассказов Никитина «Рвотный форт» см. п. 50, прим. 5.

⁸ Повесть «Русское действие», по-видимому, завершена не была.

⁹ За подписью «А. А.» в КН помещал рецензии А. Я. Аросев (см. о нем. п. 15, прим. 3). В рецензии на первый номер журн. «Звезда» за 1924 г. он дал отрицательную оценку повести Никитина «Полет», противопоставив ее всем остальным произведениям литературистично-художественного отдела журнала (КН, 1923, № 7, декабрь; этот номер вышел в январе 1924 г.).

¹⁰ Третья книга Круга и сб. «Писатели об искусстве и о себе» вышли в 1924 г.

прочтете — я думаю, я даже уверен, что вы тоже согласитесь со мной. Поэтому извещаю вас об этом⁸.

Устройте мои дела эти — иначе я погибну, честное слово. И напишите мне подробно ответ. Крепко вас обнимаю, целую крепко.—

Ник. Никитин

P. S. Поругался с «Серапионами».

Почему даже в рецензиях сводят личные счеты А. А.⁹ Будет ли выходить № 3 «Круг», а также «Писатели о себе»¹⁰?

Второй экземпляр «Сейчас на Западе» посылаю на случай для издательства.

Отпишите обо всем скорей.

Адрес: Эртельев, 3, кв. 3. Ленинград.

АГ, П-ка КН, 1-44-13.

¹ Речь идет о статьях Воронского в КН: «О группе писателей «Кузница», «Искусство, как познание жизни, и современность», «На попытный двор», «О пролетарском искусстве и о художественной политике нашей партии» (1923, № 4—7). См. также п. 50, прим. 6.

² «Ленинград» — двухнедельный художественно-иллюстрированный журнал. Выходил в 1923—1925 гг. (в 1923 г. — под названием «Петроград»). Ответственным

59. О. Э. МАНДЕЛЬШТАМ — ВОРОНСКОМУ

«Ленинград. 1924 г.»

Уважаемый Александр Константинович!

Посылаю вам выправленный текст моих «Записок»¹. Простите за чудовищную проволочку: она объясняется отнюдь не забывчивостью моей, а тем, что я хотел над вещью спокойно поработать. Буду вам весьма признателен, если вы сообщите мне, когда и где вы собираетесь ее печатать, так как я предполагаю, выждав приличный срок после появления ее в «Красной нови» или «Круге», напечатать ее с некоторыми дополнениями книжкой, о чем я и вел переговоры с «Ленинградом».

Разумеется, после моей медлительности, я не решаюсь торопить вас, а с дальнейшими моими планами на книгу буду ждать ровно столько, сколько вам потребуется.

С искренним приветом О. Мандельштам
Ленинград. Ул. Герцена, д. 49, кв. 4.

P. S. Из мелькавших названий мне бы хотелось остановиться на «Шум времени», с подзаголовком: «Записки». Очень прошу прислать корректуру, которую я не задержу.

АГ, П-ка КН, 1-36-1.

Датируется по упоминанию о «Ленинграде» (что не могло быть ранее 1924 г.) и о рукописи воспоминаний Мандельштама (изданы в марте 1925 г.).

В 1922—1924 гг. стихи и рецензии Осипа Эмильевича Мандельштама (1891—1938) печатались в редактируемых Воронским изданиях — в КН (1922, № 4; 1923, № 1, № 5), в «Наших днях» (№ 2—4, 1922—1924), а также в журн. «Прожектор». В 1923 г. изд-во «Круг» выпустило сборник его стихов «Вторая книга» (см. п. 33, прим. 3).

¹ Ни в КН, ни в Круге записки Мандельштама не появились. Вышли отдельной книгой под названием «Шум времени» (Воспоминания) в изд-ве «Время» (Л., 1925).

60. И. Э. БАБЕЛЬ — ВОРОНСКОМУ

⟨Киев. 2 мая 1925 г.⟩

Дорогой Александр Константинович.

Я потерял надежду на получение корректуры ¹. История эта огорчает меня. Посылаю проверенную рукопись. В нее внесены исправления по сравнению с первичным текстом. Печатать можно только по этому экземпляру. Удивляюсь образу действий технического персонала нашей редакции. Они обнаружили пренебрежение к элементарным авторским правам.

Сегодня выезжаю в Харьков. Через неделю приеду в Москву на короткий, вероятно, срок.

Ваш И. Бабель

Киев. 2.V.25.

ИМЛИ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1.

Исаак Эммануилович Бабель (1884—1941) начал сотрудничать в КН с конца 1923 г.— две его «Миниатюры» были напечатаны в декабрьской книге журнала (№ 7). В течение 1924—1925 гг. в КН опубликовано более половины рассказов, составивших книгу «Конармия», и ряд «Одесских рассказов» (1924, № 1, 3—5; 1925, № 2—4), в 1926 г.— повесть «Беня Крик» (№ 6); в том же году повесть вышла отдельным изданием в изд-ве «Круг». В альманахе Круг напечатан рассказ «Иисусов грех» (кн. 3, 1924).

Воронский одним из первых оценил талант Бабеля. Отвечая в мае 1924 г. на вопрос газеты «Вечерняя Москва» — «Какие из новейших явлений и произведений нашей литературы вы считаете самыми выдающимися и почему?», — Воронский писал: «В нынешнем году будут сильно говорить о Бабеле, чрезвычайно талантливом молодом писателе, также и о Леонове, подающем большие надежды...» («Вечерняя Москва», 1924, № 106, 10 мая). Ту же мысль он высказал в письме к Горькому от 29 января 1925 г. (Архив Горького, т. X, кн. 2, с. 15).

Творчеству Бабеля Воронский посвятил специальную статью в своем цикле «Литературные силуэты» («И. Бабель» — КН, 1924, № 5). Отметив «культурность, ум и зрелую твердость таланта» писателя, Воронский утверждал: «Бабель — новое достижение послевоенного советской литературы, достижение немаловажное и весьма бодрящее» (там же, и с. 278). См. также его оценку пьесы Бабеля «Закат» («Прожектор», 1927, № 13, с. 20).

Воронского связывали с Бабелем и личные дружеские отношения. Летом 1925 г. они вместе отдыхали в Сергиевом Посаде. «Мы с Воронским живем дружно! Он все пишет про литературу», — сообщал Бабель (Е. Краснощеков. Три года жизни И. Э. Бабеля. — «Север», 1969, № 9, с. 110). Как высоко Воронский ценил мнение Бабеля, свидетельствует его письмо Горькому, в котором, сообщая о выходе первой части своих воспоминаний, он отмечает, что «Бабель одобрил» их (Архив Горького, т. X, кн. 2, с. 46).

¹ По-видимому, речь идет о корректуре рассказа «Первая любовь» (альм. «Красная новь», вып. I. М., ГИЗ, 1925).

61. ВОРОНСКИЙ — Ф. В. ГЛАДКОВУ

〈Москва. Май — июнь 1925 г.〉

Тов. Гладков! Предлагая на просмотр конец вашего романа, считаю нужным заметить: 14-ю главу об эмигрантах я считаю у вас слабее других. Кроме того, *(эта)* глава эпизодическая, она не связана органически с романом. Потягивал бы нужным ее совсем опустить, по крайней мере, в «Красной нови»¹. Конец романа написан твердо и хорошо. О партчистке тоже неплохо. Роман постараюсь кончить в № 6-м, т. е. разбить на 2 ближайших номера.

С тов. приветом А. В о р о н с к и й

P. S. Хорошо, что вы развели Глеба с Дашей².

А. В.

ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 321, л. 2.

Написано на листе, сохранившем пометы: «Федор Гладков. Цемент. Глава XVII (последняя)» и «XV, XVI».

Датируется по содержанию: письмо написано после выхода четвертого номера *КН* (майского) и до появления пятого (июньского) номера.

Федор Васильевич Гладков (1883—1958) в нач. 1920-х годов входил в объединение пролетарских писателей «Кузница», был одним из его руководителей.

В 1925 г. Воронский напечатал в *КН* его роман «Цемент» (№ 1—6); до этого в *Наших днях* были опубликованы повести Гладкова «Изгои» (№ 2, 1922) и «Огненный конь» (№ 3, 1923).

Воронский отмечал недостатки романа («несвободен от излишней взвинченности, диалог местами искусственен, есть сюжетная незавершенность, есть просто лишние страницы»), однако, ценил в нем «крепкий, здоровый романтизм» (*«О том, чего у нас нет»* — *КН*, 1925, № 10, с. 261). Позднее Воронский развил эту мысль: он писал, что «Цемент» — «незаурядное явление в литературной жизни последних лет» не только потому что был первой попыткой изобразить восстановительный период в жизни Советского государства, но прежде всего в силу того, что автор романа сумел окутать этот период «легендой, своеобразной революционной романтикой и, следовательно, его опозиционировать. В факте прозаическом на первый взгляд, писатель сумел найти и драматизм, и огромное напряжение коллективной воли рабочих масс».

Отзыв Воронского о более ранних произведениях Гладкова см. в ст. «О группе писателей «Кузница» (*КН*, 1923, № 4, с. 329—331).

Об отношении Гладкова к Воронскому см. его письмо к Горькому за январь 1926 г. (*ЛН*, т. 70, с. 73, а также в кн.: Ф. В. Г л а д к о в . Собр. соч., т. I. М.—Л., ЗИФ, 1926, с. 206).

¹ В отдельном издании романа (Ф. В. Г л а д к о в . Собр. соч., т. III. М.—Л., ЗИФ, 1926) эта глава, опущенная в *КН*, была восстановлена, так же как и некоторые другие выпущенные Воронским места.

² Глеб и Даша — герой романа «Цемент».

62. И. Ф. КАЛЛИНИКОВ — ВОРОНСКОМУ

Tchecoslovaquie. Radešovice u Říčan, 149 u rana Lhotaka
〈Радешовицы. Чехословакия. 4 июля 1925 г.〉

Александр Константинович! Сегодня получил письмо от Алексея Максимовича, которое меня очень обеспокоило, почему я и пишу вам. Он пишет, что неудобно будет, если отрывки из «Мощей» будут печататься здесь, и советует посоветоваться об этом с Лутохиным¹. Последний писал мне, чтобы я поставил вас об этом в известность, что и было мною сделано в первом письме к вам².

До сих пор иной возможности, кроме печатания в эмиграции, у меня не было, и пробивать себе дорогу в Россию я мог только путем печатания, тем более, что мои вещи являются восприятием революции и, например, «Опустошение» не имеет общих точек соприкосновения с идеологией того журнала, где оно было напечатано³, почему я и считал, что печатание отрывков из романа не повредит его выходу в целом (где он определенно выявляет автора) в России, так как всецело принимает Революцию, тем более, что выйдет не в журнале, а в издательстве «Круг».

С коммерческой стороны мне казалось, что печатание отрывков из романа и здесь вызовет спрос на него в целом, тем более, что автор его тем самым

делает определенный шаг. Пишу вам так же откровенно, как и Алексею Максимовичу.

Отрывки были взяты давно и фактически они, вероятно, будут печататься в то время, когда роман уже выйдет в «Круге».

Одно из соображений — Ходасевич печатается и здесь и в России⁴. Вместо «Смрада» пришлю «Бобры», «Смрад» к зиме переработаю⁵.

Надеюсь, что отрывки не повредят выходу в целом в «Круге»; коль скоро же я смогу иметь возможность выступить с «Бобрами»⁶, а, главное, освободиться материально от эмиграции, и вопрос о моем печатании здесь отпадет, это и есть то, к чему я стремился все время.

Хотелось бы с вами списаться не только по вопросу о романе, так как я считаю, что Алексей Максимович прав в отношении меня, говоря, что «в эмиграции вам делать нечего», но в данном случае меня связывает семейное и материальное положение.

В ожидании вашего ответа Иосиф Каллиников

4.VII.25 г. Радешовицы

АГ, ПТЛ, 9-75-2.

Иосиф Федорович Каллиников (1890—1934) — писатель и переводчик, с 1920 г. жил в эмиграции. В 1924—1929 гг. переписывался с Горьким.

Стремясь содействовать возвращению писателя на родину, Горький рекомендовал Воронскому роман Каллиникова «Мощи» для публикации в *КН* (Архив Горького, т. X, кн. 2, с. 19). Роман вышел в изд-ве «Круг» (т. I—II, 1925—1926).

¹ Это письмо неизвестно. О том же Горький писал Д. А. Лутохину 17 июня 1925 г. и просил сообщить это мнение Каллиникову (Архив Горького, т. XIV, с. 398). Далмат Александрович Лутохин (1885—1942) — экономист и литератор. В 1923—1927 гг. был в эмиграции. При содействии Горького вернулся в Советский Союз.

² Это письмо не сохранилось.

³ Рассказ «Опустошение» опубликован в эмигрантском журнале «Воля России» (1925, № 4, 5). Включен в книгу Каллиникова «Баба-змея» (М., «Современные проблемы», 1927).

⁴ Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939) — поэт и литературный критик. В 1922 г. эмигрировал. После его отъезда в СССР вышла его книга «Поэтическое хозяйство Пушкина» (Л., 1924); стихи его публиковались в альм. *Наши дни* (№ 3, 1923).

⁵ В письме Каллиникову 13 июля 1924 г. Горький отозвался о повести «Смрад» отрицательно (АГ, ПГ-ра, 18-3-6). В советских изданиях повесть не печаталась.

⁶ Роман «Бобры» в Советском Союзе не печатался. Вышел в изд-ве «Геликон» (Берлин, 1929).

63. ВОРОНСКИЙ — М. М. ПРИШВИНУ

(Москва. 22 сентября 1925 г.)

Дорогой Михаил Михайлович!

По поводу «Родников Берендея». Вещь это замечательная, но воспользоваться целиком я не могу¹. Ваши «Записки» — для отдельной книги, для периодического журнала подходят только отдельные части. Один отрывок на лист я уже взял для № 8-го — «Щучий бой» и «Весна зеленой травы» (отдельные части). Для № 9 я тоже возьму на лист из «Весны человека»². Остальное свободно. Деньги 150 р. *за* лист вышлю в два приема. Один на днях, другой через месяц. Иначе не могу. Жду от вас повести. Отрывок, который я взял у вас в № 8-й, великолепный. Прямо — наслаждение читать. Крепко жму руку.

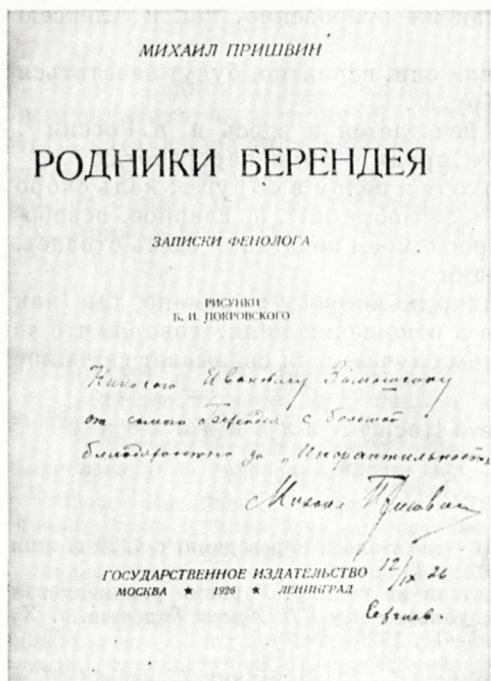
19—22/IX—25 г.

А. Воронский

Музей М. М. Пришвина (филиал ГЛМ).

¹ Отрывки из этой книги были впервые опубликованы в *КН* под названиями: «Родники Берендея. Записки фенолога с биостанции «Ботик» и «Весна человека» (1925, № 8 и 9, октябрь, ноябрь). В 1926 г. «Родники Берендея» вышли отдельным изданием (М.—Л., Госиздат). Впоследствии вошли в книгу Пришвина «Календарь природы».

² «Щучий бой», «Весна зеленой травы» и «Весна человека» — названия отдельных разделов «Родников Берендея».

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ М. М. ПРИШВИНА
«РОДНИКИ БЕРЕНДЕЯ» (МОСКВА — ЛЕНИНГРАД, ГИЗ, 1926)

Титульный лист с дарственной надписью: «Николаю Ивановичу Замошкому от самого Берендея с большой благодарностью за «инфантильность». Михаил Пришвин. 12/X 26 Сергиев»
Литературный музей, Москва

таящего над литературным наследием сына, разумеется! — а просто как и всякий другой литератор; как, так сказать, «квалифицированный читатель».

Значительная пестрота библиографии Анненского заставляет в деле объединения и опубликования его вещей применять некоторую классификацию. В этой книге мною собраны (в хронологическом порядке) статьи только по, так сказать, общелiterатурным вопросам, и изданием данного сборника исчерпывается его наследие в этой области. Это — третья книга критико-literатурных статей (1-я и 2-я — суть его «Книги отражений»).

Статьи, сюда входящие, действительно почти никому не известны, — во всяком случае $\frac{3}{4}$ их. В самом деле, многие ли даже из лиц, причастных литературе, — не говорю уже о «широкой публике» — следили за Вестником античного мира «Гермесом» или «Вестником императорских театров»?² Кто, кроме жителей Казани — да и то в очень, пожалуй, небольшом составе, — видел казанскую газету «Обновление»?³ А то вот, например, «Голос Севера», живший, кажется, всего несколько дней и даже едва ли успевший собрать подписчиков!⁴ и т. д.

На некоторые — давние — тексты Анненским были нанесены в позднейшее время кой-какие изменения — в сборник включаются, конечно, именно эти редакции. В статье «Что такое поэзия?» восстановлены не бывшие в печати («Аполлон», посмертно) строки, а в «примечаниях» приведен и тот отрывок, который должен был быть напечатан в качестве «скрепы» между статьей и стихами (первоначально очерк этот Анненский предполагал приложить к 1-й книге стихов).⁵

Сборник снабжен небольшим предисловием и примечаниями к статьям,

64. В. И. АННЕНСКИЙ-КРИВИЧ —
ВОРОНСКОНУ

〈Детское село.〉 23/IX. 1925.

Многоуважаемый Александр Константинович.

На днях я виделся с О. Д. Форш, и она передала мне о беседе с вами по поводу вопроса издания «Книги статей» И. Ф. Анненского.

Очень был бы я рад осуществить это дело с «Кругом» и очень хочу надеяться, что это так и будет¹.

Должен по чистой совести сказать, что сборник чрезвычайно интересен. И интересны статьи не только в силу имени их автора, в плане, так сказать, историко-литературном, — но и совершенно безотносительно. Конечно, имя Иннокентия Анненского находится уже в списке тех, каждая мало известная страница или вновь открытая строка которых имеют свою особую ценность, совершенно независимую от ценности безотносительной, — но в данном случае, повторяю, интересность сборника идет в обоих направлениях.

Позволю себе подчеркнуть, что это — далеко не единичное — мнение высказываю я здесь, конечно, не в качестве «составителя» книги и даже не в качестве лица, уже давно рабо-

причем примечания эти, в соответствии с самым характером книги, не являются историко-текстуальными, а скорее историко-литературными.

В ближайшее время я доставлю вам часть материала.

С истинным уважением Валентин Кривич

АГ, П-ка КН., 1-4-1.

На л. 1 сверху: «Валентин Иннокентьевич Анненский-Кривич. Детское село, ул. Карла Маркса, 14, кв. 1».

Валентин Кривич (наст. фамилия Анненский; 1880—1936) — поэт, сын Иннокентия Анненского, автор воспоминаний о нем («Литературная мысль». Л., 1925, № 3).

¹ В 1914 г. сообщалось, что к печати готовится «Книга статей» И. Ф. Анненского, в которую предполагалось включить его критические статьи, не вошедшие в прижизненные сборники: «Книга отражений» (СПб., 1906) и «Вторая книга отражений» (СПб., 1909) (см.: Е. А р х и п п о в. Библиография Иннокентия Анненского. М., 1914, с. 33). Издание это не осуществилось. В 1979 г. в изд-ве «Наука» вышло собрание статей И. Анненского («Книги отражений»).

² В журнале «Гермес» опубликованы две статьи Анненского — «Афинский национализм и зарождение идеи мирового гражданства» и «Античный миф в современной французской поэзии» (1907, № 1 и 2; 1908, № 7—10), две рецензии (1908, № 10 и 19) и небольшие заметки на разные темы (1909, № 10, 11-12). В «Ежегоднике императорских театров» за 1909 г. напечатана статья Анненского «Леконт де Лиль и его Эриннии» (В. Кривич ошибся в названии этого издания).

³ «Обновление» — ежедневная общественно-политическая газета; выходила в Казани с января по май 1906 г. Здесь была опубликована статья Анненского «Ф. М. Достоевский» (1906, № 35, 24 февраля).

⁴ «Голос Севера» — газета (Петербург). Вышел только один номер — № 1, 6 декабря 1909 г. В нем посмертно опубликована статья Анненского «Анфиса» Л. Андреева в связи с «Тремя сестрами».

⁵ Статья «Что такое поэзия?» опубликована в журн. «Аполлон» (1911, № 6). Первая книга стихов Анненского — Ник. Т-о. Тихие песни. СПб., 1904.

65. А. Б. МАРИЕНГОФ — ВОРОНСКОМУ

〈Москва.〉 28 окт. 〈1925 г.〉

Уважаемый тов. Воронский,

я не просто посылаю вам свои вещи, а в сопровождении небольшого письма, — потому, что считаю свое положение несколько иным, чем положение моих товарищей по перу.

Мое имя с какого-то времени (после нэпа) стало (смешно сказать) политически одиозным.

Два года я не заходил в наши редакции — потому, что прекрасно видел, что даже для тех товарищих, которые меня любят как поэта, — я представлял некоторые неудобства.

В чем же дело? Действительно ли у меня наметились внутренне-существенные расхождения с революцией, или это просто нелепое сплетение недоразумений?

Я только вернулся из-за границы ¹. Эти 6 месяцев, проведенные вне России, прежде всего еще раз убедили меня самого, что *конечно* все мои творческие начала ОТ и В — той стране, в которой я литературно родился в 1918-м ².

Это хорошо также почувствовала и белая печать, провожавшая каждое мое выступление бешеною руганью.

Пробежав свою творческую жизнь и ощутив себя там яснее, чем на московском фоне, я пришел к догадке, что причина моей «одиозности» может быть от: внешности, от лакированного ботинка...

Это письмо (и свои вещи) я посыпаю именно вам, тов. Воронский, потому что знаю, что вы достаточно крупны, чтобы (при желании и при уверенности, что это нужно русской литературе) — сказать свое — ЗА наперекор маленьким ПРОТИВ.

Конечно, все письмо имеет смысл только в том случае, если будет эта уверенность или попросту: если вы сочтете значительным то, что я вам по-

сылаю (в последнем случае распоряжайтесь материалом на предмет печатания по своему усмотрению)³.

Я буду вам очень признателен, если вы мне ответите лично нескользкими строками, не откладывая в долгий ящик.

Крепко жму вашу руку

А. М ариенгоф

После звонка по телефону я заходил в «Красную новь», но у вас была такая веселая толчая, что убрался за свой язык, который мог не достаточно развязаться,— и поэтому написал то, что намеревался сказать.

Адрес: Москва, Петровка, Петровский переулок, д. 3, кв. 46. А. Мариенгофу

ИМЛИ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 9, л. 1—2. Год устанавливается по содержанию.

Анатолий Борисович *Мариенгоф* (1897—1962) — поэт и драматург, входивший в группу имажинистов.

¹ Мариенгоф был во Франции в 1925 г.

² Первый сборник стихов Мариенгофа «Витрина сердца» вышел в Пензе в 1918 г.

³ Ответ Воронского Мариенгофа неизвестен, но в *КН* (1926, № 11) была помещена рецензия Л. Повицкого на сборник стихов «Новый Мариенгоф» (1926, изд-во «Современная Россия»; в сборнике есть раздел «Парижские стихи»).

66. ВОРОНСКИЙ — М. М. ПРИШВИНУ

⟨Москва. Декабрь 1925 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович!

Вы простите меня, что я вам не писал долго. Очень уж много дел. То, что я напечатал у вас из «Родников», — превосходно. За небольшие сокращения не судите. Мне нужно было выкроить несколько страниц для другой вещи. Так что это к художественной оценке никакого отношения не имеет. Очерки в целом очень хороши. Прошу вас, пришлите что-нибудь в этом или другом роде для январской книжки. Но нужно спешить. Оплата с январской книги 200 рублей лист. Если у вас нет ничего, то сообщите, а то я рассчитываю на вас. Всего хорошего. Привет.

А. В о р о н с к и й

Музей М. М. Пришвина (филиал ГЛМ).

Датируется по содержанию: упоминание о публикации «Родников Берендея» в *КН* (см. п. 63) и просьба прислать материал для «январской книжки» журнала.

67. М. М. ПРИШВИН — ВОРОНСКОМУ

⟨Переславль-Залесский. Конец декабря 1925 г.⟩

Дорогой Александр Константинович!

Такая досада, что мы с вами не списались раньше, материалы у меня подготовлены, но я предался волчьим облавам, совершенно упустив из виду, что январь на носу. К февралю могу и обещаю повесть. Это будет продолжение «Кашеевой цепи», звено 4-е, студенческие годы Алпатова (будет читаемо и вне связи с «Курымушкой»)¹. Лист я мог бы дать и теперь, но боюсь, что с продолжением, начав в январе, не справлюсь к февралю. (У вас есть мой рассказик «Халамеева ночь»², помню, он вам очень нравился, но положение было тогда острое. Теперь я не знаю, какая температура в цензуре, может быть и ничего?)

Читал вашего «Гамсун» и все мысли разделяю, но жалею, что вы не углубили до конца очень важный вопрос о русском происхождении этого писателя³. Я лично думаю, что он целиком от русских, и особенно от Лермонтова (Глан — Печорин — княжна Мери — коротенькие острые диалоги и т. д.).

Ушипула меня как сотрудника журнала «Охотник» статья Якерина в № 9-м фразой «Сфонарем Ленина на куропаток»⁴. Автор пишет о журнале — органе охотничьей кооперации, охватывающей всю охотничью промышлен-

ность, представляющую немалую статью государственного хозяйства, дело серьезное, именно ленинское, а не любительское, а он бух! «на куропаток».

Музей М. М. Пришвина (филиал ГЛМ).

Ответ на п. 66. Датируется по связи с этим письмом.

Черновой автограф без подписи, незакончен.

¹ «Юность Аллатова» — четвертое «звено» автобиографического романа «Кашеева цепь» — Пришвин напечатал в «Новом мире» (1926, № 2—5). Первые три «звена» были опубликованы в КН, затем вышли отдельным изданием под названием «Курымушка» (см. п. 46).

² Рассказ «Халамеева ночь» впервые напечатан в Собрании сочинений Пришвина (т. 4. М.—Л., Госиздат, 1928).

³ В статье «Кнут Гамсун» Воронский писал: «Общность некоторых бытовых, хозяйственных и культурных условий в прошлом Норвегии и России (преобладание крестьянства, уездного быта и т. д.) создала благоприятную почву для воздействия на Гамсуну русских классиков»; далее он называет трех писателей (Тургенева, Толстого и Достоевского), наложивших «свой отпечаток» на творчество Гамсуна (КН, 1925, № 8, с. 246).

⁴ Цитата из рецензии В. Якерина (КН, 1925, № 9, с. 281), в которой критиковалась бестактная форма упоминания имени В. И. Ленина в стихотворном лозунге, напечатанном в журнале «Охотник» (1925, № 2).

68. ВОРОНСКИЙ — М. М. ПРИШВИНУ

⟨Москва. 29 января 1926 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович!

Вы совсем забыли меня. Это — не порядок. Не порядок, что вы «Аллатова» сдали в «Новый мир»¹. Но я помню, что вы просили не обращать внимания, если что и появится не у меня. Хорошо. Но все же я попросил бы вас к 10—15 февраля для мартовской книжки «Красной нови» прислать очерк для «От земли и городов»². Уповаю и рассчитываю. Дела литературные идут как будто ничего. Рукописи есть, но писатели находятся в довольно смутных настроениях.

Привет. Жду ответа и... рукописи.

А. В о р о н с к и й

19—29/I—25 г.

Музей М. М. Пришвина (филиал ГЛМ).

¹ Об этом «звене» «Кашеевой цепи» см. п. 67, прим. 1.

² Об участии Пришвина в этом разделе КН см. в прим. к п. 46. В первой половине 1926 г. Пришвин в КН не печатался. В августе—ноябре он поместил в этом журнале цикл маленьких рассказов (№ 8) и принял участие в разделе «От земли и городов» («Очерки», «Радио» — 9, 11).

69. ВОРОНСКИЙ — Е. И. ЗАМЯТИНУ

⟨Москва. 9 февраля 1926 г.⟩

Дорогой Евгений Иванович!

Жду обещанного, т. е. писем Лермонтова и из архива Кузьмы Пруткова. Не тяните, ибо я это намерен дать в № 3 «Красной нови», который уже в наборе¹. Привет. Умерла Лариса².

А. В о р о н с к и й

19—9/II—26 г.

ИМЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 58, л. 2.

¹ Упоминаемые материалы предназначались для нового раздела КН — «Художественный архив». По невыясненным причинам в КН не опубликовались.

² Л. М. Рейнсер умерла 9 февраля 1926 г. В 1924 г. она напечатала в КН (в отделе «От земли и городов») серию «путевых очерков», написанных после поездок на Урал и в Донбасс (№ 4—8). Во втором номере КН за 1926 г. опубликованы ее «Портреты декабристов (Барон Штейнгель. Каховский)» и некролог, посвященный памяти Рейнсер (без подписи); автором некролога был Воронский.

70. В. П. ПОЛОНСКИЙ — ВОРОНСКОМУ

<Москва. 13 марта 1926 г.›

Тов. А. К. Воронскому

Дорогой Александр Константинович.

Когда я соглашался редактировать «Новый мир», вы помните, я беседовал с вами на этот счет. Меньше всего мне хотелось создавать такое положение, при котором «Новый мир» мог бы оказаться конкурентом «Красной нови». Я ведь согласился взять «Новый мир» во имя интересов литературы. Общие задачи, за которые мы с вами боролись вместе истекшие пять лет, диктовали нам, казалось бы, некоторую общую линию. И я говорил с вами о согласованности издания этих журналов. Я даже, помнится, предлагал вам принять участие в редактировании «Нового мира». В разговорах со мной вы не высказывали опасений по поводу возможной между нами конкуренции.

Но вот две книжки «Нового мира» успели уже выйти. С огромным трудом мне приходится преодолевать то отрицательное отношение к журналу, которое создалось у писателей в прошлом году. Вы знаете, как трудно получить хороший материал. Трудность эта усугублялась для меня тем, что «Новый мир» в прошлом году не сумел внушить к себе никакого уважения. Кое-что мне удалось сделать. Но вот, в самые последние дни я неожиданно узнал о резко враждебном отношении, занятом вами по отношению к журналу. Враждебность эта дошла до того, что, как мне передавали, вы, попросту, Казину запретили дать свои стихи «Новому миру»¹. То же самое говорит про ваши дружеские советы целый ряд писателей. Меня это и огорчает и удивляет. Меньше всего я мог предполагать, что вы, так любящий литературу и так много сделавший для ее развития, что вы способны стать на узкую точку зрения конкурента, препятствующего развитию журнала, который ставит себе те же задачи, что и вы.

Я пишу это откровенно, потому, что слишком вас уважаю, чтобы кривить душой. Я, с своей стороны, боролся против всякой возможности каким-нибудь вредным образом повлиять на развитие «Красной нови». Я ведь люблю «Красную новь». Не так давно два видных писателя предлагали мне условия сотрудничества, которые монополизировали бы их произведения для «Нового мира». Я отказался от этих условий, для меня крайне благоприятных, именно потому, что не хотел лишить вас возможности иметь от этих писателей произведения, которые до последнего времени появлялись, главным образом, в вашем журнале. Я пишу вам, не будучи уверенными в том, что слухи, переданные мне (о них громко говорят в литературной среде), соответствуют действительности. Мне это не совсем понятно потому, что точка зрения ваша как редактора, литератора и коммуниста, сознающего всю бедность нашей журналистики, не может же походить на точку зрения собственника, ведущего борьбу нелитературными приемами.

Не сердитесь на меня, милый Александр Константинович, за некоторую, быть может, резкость этого письма, но повторяю, что я слишком вас ценю для того, чтобы быть с вами неискренним. Я очень хотел бы, чтобы слухи эти оказались неверными, ложными и чтобы мы с вами и в дальнейшем продолжали бы столь же дружно вести литературную работу, как это делали истекшие пять лет².

«(13)» марта 1926 г.

ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 3, ед. хр. 109, л. 1—1 об. Машинописная копия (без подписи и даты). На л. 1 помета: «Отправл. 13.III.26».

Вячеслав Павлович Полонский (наст. фамилия Гусин; 1886—1932) — критик и историк, редактор журналов «Печать и революция» (1921—1929), «Красная нива» (1926—1930) и «Новый мир» (1926—1931).

¹ Василий Васильевич Казин (1898—1981) в то время заведовал отделом поэзии в ЖН. Его стихи часто появлялись в этом журнале.

² В дальнейшем взаимоотношения между автором письма и его адресатом были полностью восстановлены. На страницах «Нового мира» Воронский опубликовал такие важные для него произведения, как «Заметки о художественном творчестве» (1927, № 8 и 9), вторую и третью части автобиографической повести «За живой и мертвый водой» (1928, № 9—12; 1929, № 1).

71. ВОРОНСКИЙ — М. М. ПРИШВИНУ

〈Москва. 11 мая 1926 г.〉

Дорогой Михаил Михайлович!

Простите, что не сразу ответил вам: был в Крыму. Кажется, вы кончили свою повесть в «Новом мире»¹ и пора бы вам вспомнить про «Красную новь». Время приспело. Жду от вас очерков, рассказов, повестей. Дела «Красной нови» пока идут хорошо, тираж повышается, но недостает вас, особенно в отделе «От земли и городов»². Относительно Горького я с вами вполне согласен³. Алексей Максимович мне часто пишет; он много работает над новым романом, кончить его думает к осени⁴. Здоровье у него неважное.

Надеюсь, что со следующим письмом вы пришлете мне рукопись. Привет.

А. В о р о н с к и й

19—11/V—26 г.

Музей М. М. Пришвина (филиал ГЛМ).

¹ Речь идет о «Юности Алпатова» (см. п. 67, прим. 1).

² См. п. 68, прим. 2.

³ По-видимому, эта фраза — ответ на несохранившееся письмо Пришвина, написанное по поводу статьи Воронского «О Горьком» (*ЖН*, 1926, № 4; статья посвящена выходу в свет т. XVI—XIX Собрания сочинений Горького. М., Госиздат, 1924—1926). Позднее Пришвин писал Горькому: «Я написал Воронскому благодарственное письмо, когда он назвал вас «первым писателем» (*ЛН*, т. 70, с. 333). Вероятно, в этом письме Пришвин поделился с Воронским также и своими впечатлениями от только что прочитанных книг Горького («Дело Артамоновых», «Рассказы 1922—1924» и «Мои университеты»); свое мнение об этих книгах он изложил в письме Горькому 10 апреля 1926 г. (там же, с. 330—331).

⁴ В это время Горький работал над первой частью романа «Жизнь Клима Самгина». В 1927 г. эта часть печаталась (в отрывках) в *ЖН* (№ 5—7), *Круге* (н. 6), «Огоньке» (№ 26—31), в газетах «Правда» и «Известия». В том же году она вышла отдельным изданием в Берлине.

72. А. П. ПЛАТОНОВ — ВОРОНСКОМУ

〈Москва. 27 июля 1926 г.〉

Товарищ Воронский!

Два года назад я был у вас, разговаривал о стихах, которые потом печатались в альманахе «Наши дни» и в «Проекторе»¹.

Эти два года я был на больших и тяжелых работах (мелиоративных), руководя ими в Воронежской губернии.

Теперь я, благодаря смычке разных гибельных обстоятельств, очутился в Москве и без работы. Отчасти в этом повинна страсть к размышлению и писательству. И я сную и не знаю, что мне делать, хотя делать кое-что умею (я построил 800 плотин и 3 электростанции и еще много работ по осушению, орошению и пр.)².

Но пишу и думаю я еще более по количеству и еще более давно по времени, и это мое основное и телесное.

Посылаю вам 4 стихотворения, 1 статью и 1 небольшой рассказ — все для «Красной нови». Убедительно прошу это прочитать и напечатать³.

Я знаю, что вас и так заваливают просьбами и материалами, но я обращаюсь в первый раз.

Глубоко уважающий вас Андрей Платонов

27.VII.26.

Мой адрес: Москва, Б. Златоустинский пер., 6. Центральный дом специалистов. А. П. Платонову.

ЦГАЛИ, ф. 1677, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1.

Андрей Платонович *Платонов* (наст. фам. Климентов, 1899—1951) начал литературную деятельность в 1919 г. Приобрел известность после выхода сборника рассказов «Епифанские шлюзы» (М., 1927). С одним из наиболее значительных его произведений — повестью «Сокровенный человек» Воронский познакомился до ее публикации. В августе 1927 г. он писал Горькому: «Мне нравится Андрей Платонов, он честен в письме, хотя еще и неуклюж. У меня есть его повесть о рабочем Пухове — эдакий русский Уленшпигель — занятою» (*Архив Горького*, т. X, кн. 2, с. 57). Своего намерения опубликовать повесть Воронский не успел осуществить.

¹ Речь идет о стихотворениях: «Динамо-машина» (*Прожектор*, 1923, № 16; «Воронежская коммуна», 1920, 28 ноября); «Сердце в эти дни смертельно и тревожно...» (*Наши дни*, № 4, 1924).

² В автобиографии Платонов писал: «С начала 1922 г. я начинаю работать в губернском земельном управлении (...). Сначала я работал председателем комиссии по гидрофикации, а затем управляющим губернским мелиоративным бюро и потом заведующим подотделом сельскохозяйственной мелиорации (...) и заведующим работами по электрификации сельского хозяйства (построил 3 электростанции). С весны по осень 1923 г. я еще работал в губисполкоме председателем комиссии по постройке гидроэлектрической станции на р. Дон» (*Э. И. и землев. Платонов в Воронеже*. — «Подъем», 1971, № 2, с. 99—100). В Воронежском губернском земельном управлении Платонов работал с 5 февраля 1922 г. по 10 мая 1926 г.

³ Эти произведения в *КН* не публиковались.

73. ВОРОНСКИЙ — М. М. ПРИШВИНУ

⟨Москва. 1 ноября 1926 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович!

А. М. Горький написал мне о том, что он послал вам письмо-статью в ответ на вашу просьбу написать предисловие к вашим книгам ¹. При этом он заявил мне, что он ничего не имеет против помещения его письма в журнале, если на то будет дано ваше согласие. Я думаю, что помещение этого письма вам не повредит, а наоборот будет содействовать вашей популярности и расхождению книжек. А посему: очень прошу вас выслать мне копию письма Алексея Максимовича для напечатания в *«Нови»*.

Жду от вас очерков. Привет.

А. Воронский

19—1/XI—26 г.

Музей М. М. Пришвина (филиал ГЛМ).

¹ В это время Пришвин готовил к печати первые тома Собрания сочинений (т. 1—7, М.—Л., 1927—1930). С просьбой написать вступительную статью к этому изданию Пришвин обратился к Горькому 3 октября 1926 г. (*ЛН*, т. 70, с. 333). Горький выполнил его просьбу: статья «О М. М. Пришвине», написанная в виде письма к автору, была напечатана в *КН* (1926, № 12), а затем в Собрании сочинений Пришвина (т. 1, с небольшими изменениями).

74. ВОРОНСКИЙ — И. Е. ВОЛЬНОВУ

⟨Москва. 13 ноября 1926 г.⟩

Товарищ Вольнов!

Повесть вашу «Встреча» я прочитал. Хорошая повесть, но она мне была доставлена, когда я уже приобрел ряд вещей на 1927-ой год. Поэтому воспользоваться могу отрывками: для «Красной нови» могу взять отрывок в 1 1/2—2 листа, для «Прожектора» на 1/2—3/4 листа. Прошу немедленно сообщить, согласны ли вы на это. Тогда я вырежу отрывки из повести, остальное возвращу ¹.

Жду ответа. Как живете? Привет.

А. Воронский

19 13/XI 26 г.

Гос. музей И. С. Тургенева (Орел), ф. 13, ед. хр. 5124.

¹ Повесть «Встреча» была напечатана в журн. «Молодая гвардия», 1927, № 3—5; отрывок (*«Передышка»*) — в «Красной ниве», 1926, № 45.

75. ВОРОНСКИЙ — М. М. ПРИШВИНУ

<Москва. 17 ноября 1926 г. >

Дорогой Михаил Михайлович!

Благодарю за статью М. Горького, она будет напечатана в № 12 «Красной нови»¹. Прекрасная и верная статья. Молодец Алексей Максимович.

Жду от вас для январской книги «Нови» очерка². Непременно. И не думайте отговариваться: январскую книжку, ударную, не мыслю без вашего очерка. Прошу прислать к 1 декабря. Привет.

А. В о р о н с к и й

19—17/XI—26 г.

Музей М. М. Пришвина (филиал ГЛМ).

¹ Об этой статье см. п. 73, прим. 1.² В 1927 г. Пришвин в КН не печатался.

76. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ВОРОНСКОМУ

<Кучино. 19 января 1927 г. >

Глубокоуважаемый Александр Константинович,

Я очень просил бы вас передать Петру Никаноровичу Зайцеву¹ тот № «Записок мечтателей»², который я вам когда-то передал и в котором напечатана повесть моя «Преступление Николая Летаева», которая мне сейчас нужна до зареза³. Буду вам очень благодарен. Да и кстати: передайте Петру Никаноровичу «Серебряный Голубь», который вам, вероятно, не нужен⁴.

Очень хотелось бы встретиться, да все это время сижу в деревне (подрасклелся).

Остаюсь искренне уважающий вас и готовый к услугам

Борис Б у г а е в

ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 6, ед. хр. 14, л. 1.

О творчестве Андрея Белого (1880—1934) Воронский писал впервые в статье «Литературные отклики» (КН, 1922, № 2). Его прозе критик посвятил позже большую статью «Мраморный гром» (в кн.: А. В о р о н с к и й. Искусство видеть мир. М., «Круг», 1928).

Воронскому принадлежит также статья об Андрее Белом в первом томе «Литературной энциклопедии» (М., 1930). Критик со всей категоричностью утверждал, что «символизм Белого неприемлем для передового класса, переделывающего мир», но в то же время считал, что Белый — «первоклассный художник», который «при всей своей неуравновешенности и неустойчивости, тяготении к оккультизму сумел создать ряд ярких типов и образов» (стлб. 427). В 1925 г. Воронский опубликовал отрывки из романа Белого «Москва» в альманахе «Круг» (кн. 4 и 5). В 1926 г. в изд-ве «Круг» вышли романы «Московский чудак» и «Москва под ударом».

¹ Поэт П. Н. Зайцев в 1924—1930 гг. вел издательские дела Белого.² «Записки мечтателей» — литературно-художественный журнал, издававшийся группой литераторов символистского направления во главе с Белым в 1919—1922 гг. (Пб., «Алконост»).³ Первая глава повести Белого опубликована в «Записках мечтателей» (1921, кн. 4) под названием «Крещеный китаец».⁴ Этот роман вышел в двух изданиях — в 1910 г. (М., «Скорпион») и в 1922 г. (Берлин, «Эпоха»).

77. ВОРОНСКИЙ — Г. ЛЕЛЕВИЧУ

<Москва. 27 января 1927 г. >

Дорогой Лелевич! Пользуюсь случаем, чтобы подать вам весть о себе.

Меня по-прежнему снимают¹. Одно время мне звонила из «Правды» Мария Ильинична², сообщала, что я уже снят и вместо меня назначен Керженцев³. Потом оказалось, что с Керженцевым вели переговоры, Гусев, из отдела печати⁴. Уговорились, но Керженцев будто говорил, что может взять «Новь» через месяц, через полтора... Словом пока задержка. Все это несусветимо мне надоело, устал я до пределов.

Федерация... Что с ней происходит и сам не понимаю⁵. Приехал Молотов⁶ и заявил, что... поторопились. Теперь тянут, чего тянут — не ведомо. ВАППы на заседания не являются. Идет спор, кого еще включить — Леф, «Кузницу», конструктивистов. Об этом, вероятно, говорятся. Мои друзья говорят, чтобы я из Федерации не уходил и не упускал «высот». То, что я вам говорил тогда о тактике Гусева, подтверждается прямыми заявлениями его. Гусев на меня скрежещет. Оживления вокруг Федерации пока не замечено, все делается сверху, келейно, а за последнее время даже и не делается... Вообще все еще сомнительно, а впрочем посмотрим.

<...> В руководящих кругах тихо, особых новостей нет. Я каждый почти день шляюсь по собраниям и дошел до изнеможения, но интересно. Занимаюсь с рабкорами — они довольны. В литературе ничего особо занимательного нет. Настроение неважное. Склоки между братьями-писателями растут. Нездоровая атмосфера.

Сейчас приходил Казин⁷ — плакал: сердечные дела, ох, уж эти поэты! Какие индивидуалисты!

Вчера в редакцию пришел сменовеховец Ю. Потехин⁸, поднял вежливо котелок, сел, сказал: пришел проститься, решил зачеркнуть себя, выйти из жизни, позабыться о моей двухлетней девочке; у вас мой роман, если подойдет куда-нибудь, гонорар ей. Я спросил, в чем дело? — Родовое, у меня отец, брат, сестра кончили самоубийством. Уйду из жизни тихо, никто не скажет, что я самоубийца. — Поднял котелок, вышел, на глазах слезы. Кошмар!!! Ищу его сейчас повсюду — не могу найти... Вот так редакционная работа!!!

Посылаю «Красную новь» № 1 и 2-й. Не ругайте меня за соглашательство (Федерация). У меня другое положение, чем у вас. Пишите. Вардин уехал в Кисловодск⁹. Ох, как я устал за эти дни!

Ваш Александр

27/1—27 г.

ЦГАЛИ, ф. 1392, оп. 1, ед. хр. 37, л. 1—2.

Г. Лелевич (наст. имя — Лабори Гилелевич Кальмансон; 1901—1945) — критик, поэт. В 1923—1925 гг. — один из редакторов журн. «На посту» и руководитель ВАПП. Полемика с ним содержится в целом ряде статей Воронского: «О хлесткой фразе и о классиках» («Прожектор», 1923, № 12), «Искусство, как познание жизни, и современность» («КН», 1923, № 5) и др. В 1926 г. Лелевич был выведен из руководства ВАПП и вошел в так называемое «левонастовское меньшинство». В 1926—1928 гг. был на научной и преподавательской работе в Саратовском университете. В эти годы, на основе общей неприязни к руководству РАПП, и произошло известное сближение Лелевича с Воронским.

¹ 30 марта 1927 г. Воронский писал Горькому: «Начиная с марта месяца прошлого года, я не был уверен, что смогу подписать номер, составленный мною» (Архив Горького, т. X, кн. 2, с. 51). Октябрьская книжка КН за 1927 г. (№ 10) была последним номером журнала, на котором стоит подпись Воронского как члена редколлегии.

² Мария Ильинична Ульянова (1878—1938) в 1917—1929 гг. была ответственным секретарем редакции газеты «Правда». Как один из руководителей Петербургской организации РСДРП принимала в 1905 г. Воронского в партию (см.: С. В. Малышев. Страницы жизни. — «Прожектор», 1923, № 3).

³ Платон Михайлович Керженцев (наст. фамилия — Лебедев; 1881—1940) — видный деятель советской культуры, активный участник пролеткультовского движения; был на дипломатической работе; в 1924—1925 гг. работал заместителем главного редактора Госиздата. 11 февраля 1927 г. он писал Горькому: «Атаковали меня также с тем, чтобы я стал во главе одного из крупнейших художественных журналов. Я тяну это, потому что просто некогда, принципиально не возражаю...» (Архив Горького, т. X, кн. 2, с. 50). О предполагаемом назначении Керженцева писал Горькому и Ф. В. Гладков 10 марта 1927 г. (ЛН, т. 70, с. 90). В редакцию КН Керженцев введен не был.

⁴ Сергей Иванович Гусев (наст. имя — Яков Давидович Драбкин; 1874—1933) — член РСДРП (б) с 1903 г.; во время гражданской войны один из видных начальников Красной Армии; в 1925—1927 гг. — зав. отделом печати ЦК ВКП(б).

⁵ Федерация объединений советских писателей (ФОСП) была образована в декабре 1926 г. Однако в вопросе о составе этой организации и ее задачах еще долгое время не было ясности. Первоначально в нее вошли три писательские группировки: Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП), Всероссийское общество крестьянских писателей (ВОКП) и Всероссийский союз писателей (ВСП). Позже в ФОСП были приняты «Перевал», «Кузница», «ЛЕФ» и «Литературный центр конструктивистов». В результате торжественное открытие Федерации состоялось только 21 ноября 1927 г. О спорах Воронского

ронского с Гусевым по вопросу о создании Федерации советских писателей см. статью Воронского «О Федерации советских писателей» (*КН*, 1927, № 4) и «Об ужасной крокодиле, о федерации писателей и фальшивых фразах (открытое письмо тов. Гусеву)» (*КН*, 1927, № 6), а также статью Гусева «Какая федерация нам нужна?» (*«Красная печать»*, 1927, № 7).

⁶ Вячеслав Михайлович Молотов (р. 1890) в то время был секретарем ЦК ВКП(б) и секретарем МК ВКП(б).

⁷ О. В. В. Казине см. п. 70, прим. 1.

⁸ Юрий Николаевич Потехин (р. 1888) — писатель, участник сборника «Смена вех». В изд-ве «Новые вехи» в 1924 г. вышла его книга «Павлины без перьев. Из архива контрреволюции». В дальнейшем печатался в советских изданиях.

⁹ И. Вардин (наст. имя — Илларион Виссарионович Мгеладзе; 1890—1943) — журналист и литературный критик. Наряду с Лелевичем — один из активнейших напостовцев и организаторов ВАПП.

78. ВОРОНСКИЙ — Г. ЛЕЛЕВИЧУ

Москва. 28 июня 1927 г.

Дорогой Лелевич! Письмо ваше получило. Спасибо. Какое это вы состряпали было соглашение с Авербахом и К°?¹ Ничего не понятно и бессмысленно: ничего не может получиться, они вас надуют, ей-ей. Впрочем, это и вы сами знаете. Но вообще вы правы: время теперь не литературное и наши некоторые с вами расхождения — пустяки, о которых всерьез по-моему и говорить не стоит. Из «Нови» я уже ушел. Мне дали редакцию в составе Раскольникова, Фриче и Васильевского (и я при них), делать мне с ними нечего, и я уже в редакцию не хожу². Сожалею, но что мне делать? Кругом атмосфера очень, до крайности сгущенная. Писал статьи на разные темы, теперь, освободившись от дел редакционных, сажусь за второй том воспоминаний³. Есть о чем рассказать. Беру самые глухие годы реакции и мои хождения в то время по мертвым душам. Элегические настроения будут на третьем плане (а все же припушу маленько), а больше буду негодовать и издаваться. Потираю руки сладострастно при виде чистых листов бумаги. Настроен, как и все, бодро вполне и по-моему даже на 100%. Фигурки из «мертвых душ» у меня есть превосходные, справлюсь ли только с ними? Роман Горького мне не очень нравится, он — тягуч, хотя замысел интересен⁴. Я живу в Хорошевском Серебряном бору, по вторникам и пятницам бываю в Москве; приезжайте ко мне погостить, есть где ночевать. Буду рад. И поговорить нужно обо многом. Ну, до свидания, надеюсь, до скорого.

А. Воронский

ЦГАЛИ, ф. 1392, оп. 1, ед. хр. 37, л. 4—4 об.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1).

¹ В апреле 1927 г. группа бывших напостовцев, отстраненная в ноябре 1926 г. от руководства ВАПП, направила, за подписью С. Родова, заявление в секретариат организации с просьбой восстановить их в правах. В информации для местных АПП «Ко всем организациям пролетарских писателей», распространенной в декабре, сообщалось, что с группой Лелевича заключено соглашение и что этой группе «пришлося отказаться от фракционной борьбы и согласиться с требованием секретариата ВАПП, в частности, присоединиться к политике ВАПП» «по отношению к Воронскому и «Перевалу» (С. Шешуков. Неистовые ревнители. М., 1970, с. 274). Соглашение это оказалось недолговечным, уже в следующем году наметились новые расхождения.

Леопольд Леонидович Авербах (1903—1939) — литературный критик, один из руководителей РАПП.

² С седьмого номера за 1927 г. *КН* подписывала редколлегия в составе Воронского, В. Н. Васильевского, Ф. Ф. Раскольникова, В. М. Фриче. Федор Федорович Раскольников (наст. фамилия Ильин; 1892—1939) — активный участник Октябрьской революции и гражданской войны, советский дипломат, журналист и писатель, член редколлегии «Правды» (с конца 1924 до начала 1925 г.); Владимир Максимович Фриче (1870—1929) — литературовед, искусствовед, критик; Владимир Николаевич Васильевский (1893—1957) — партийный работник.

³ Первая часть воспоминаний Воронского «За живой и мертвый водой» вышла в изд-ве «Круг» в начале 1927 г. Вторая и третья части печатались в *НМ* (1928, № 9—12 и 1929, № 1).

⁴ Рукопись «Клима Самгина» Горький переслал Воронскому в апреле 1927 г. «Бегло» прочитав роман, Воронский оценил его в письме к автору как «большое явление, вернее сказать, событие», хотя и заметил, что третья глава показалась ему «бледнее» остальных. (Архив Горького, т. X, кн. 2, с. 53).

79. ВОРОНСКИЙ — Н. И. ЗАМОШКИНУ

<г. Ессентуки. 8 июля 1928 г.>

Тов. Замошкін.

Рукопись я давно послал¹. Очень прошу вас последить за корректурой. Стилистические исправления допускаются, я на этот счет человек покладистый. На всякий случай мой адрес: г. Ессентуки, улица Ленина, № 20, дача «Звездочка». Нельзя ли №№ 6 и 7 «Нового мира» послать мне по этому адресу. Устал от лечений и выступлений. Имею вид очумелый и задрипанный.

Привет.

А. В о р о н с к и й

ЦГАЛИ, ф. 2569, оп. 1, ед. хр. 99, л. 1.

Открытка. Датируется по почт. штемпелю: «Ессентуки. 8.VII.28».

Николай Иванович Замошкін (1896—1960) — литературный критик; был членом литературного объединения «Перевал». С 1926 г.—секретарь редакции журнала «Новый мир».

¹ Речь идет о второй части воспоминаний Воронского «За живой и мертвый водой» (НМ, 1928, № 9—12).

80. ВОРОНСКИЙ — Г. ЛЕЛЕВИЧУ

<Липецк, 18/III <1929 г.>

Дорогой друг! Письмо ваше получил. По поводу марксистского литературного учебника. План ваш одобряю всецело, но прибавляю: учебник должен быть и основателен, и очень общедоступен, ясен и интересен. На себя я бы взял литературные портреты, предоставив вам социологическую канву. Из портретов я мог бы не спеша написать о Пушкине, о Гоголе, о Лермонтове, Тютчеве, о Толстом, Успенском, Чехове, Андрееве и кое о ком из современных. А вы — все остальное. Конечно, сидя в разных концах, трудно спеваться, но не невозможно. Некоторый разнобой, главным образом, стилевой можно оговорить. Тут можно пойти и на уступки друг другу. Учебник нужно начинать с времен древнейших, но упор — на 19-ое столетие и новое время. Писать его придется, пожалуй, года полтора. Но это ничего. Зато это будет единственный большевистский учебник¹. Я уверен в этом. Главное препятствие — отсутствие пособий, библиотеки, справок — думаю, правда, с трудом, но преодолеем. Вообще, главным автором должны быть вы, а я помощник. Дело в том, что моя голова сейчас занята темами художественного порядка и никак отвязаться я от них не могу. Письма все ваши доходят исправно — думаю, и мои также.

Получил пачку книг из «Федерации» — книги выпускаются случайные, издательство — без руля и без ветрил, нет центральной идеи². Сравниваю с «Кругом», который вам был во многом не по нутру: «Круг» был куда интересней, содержательней и революционней: он, все же, делал новую пооктябрьскую литературу, а сейчас слизь одна и «всего понемножку». Вот это «всего понемножку» воистину губительно для наших дней. Не думайте, что я за «Круг», он свое время отжил, разве «на затычку» пригоден. А можно бы сейчас журналчик литературный оборудовать. И силы есть новые. Я кое-кого заприметил. Но не буду растревлять себя.

Нового в моей жизни нет ничего: какие тут новости? Да и живу я тут как некий «Даниил Заточник». Иногда от книжного и рукописного бытия голова горит и требуется освежение, беседа, а беседуешь только со звездами. Поневоле сделашься художником. На днях непременно напишу что-нибудь веселое и задорное, а то «взгляд мрачный» делается. Скоро получу добавочный материал о Желябове и напишу новеллу о нем³, о Липецке, о виселицах, о Перовской и о пустом здешнем доме с выбитыми окнами, где собирался Липецкий съезд⁴.

Ночью во время прогулок, когда на заводе льют чугун, весь небосклон освещается кровавым цветом на десятки верст и мне всегда кажется, что над

хатенками, над избами, над глухим городом распахивает крылья наша ве-
ща птица будущего. Да будет!

Кажется, я разболтался... Не думаете ли, друг, что слух совершенней
и тоньше зрения и остальных чувств? Мне это приходит в голову, когда я
воспринимаю музыку. Послушал бы я сейчас «Хованщину», гадание Марфы
князю Голицыну — лучше я ничего не знаю в русской музыке.

До свидания. Пишите.

Ваш Воронский

ЦГАЛИ, ф. 1392, оп. 1, ед. хр. 37, л. 3—3 об.

Год устанавливается по времени пребывания Воронского в Липецке (январь — ок-
тябрь 1929 г.).

¹ Еще в первой половине 1920-х годов Воронский читал, по заданию Агитпропа
ЦК РКП(б), курс лекций по русской литературе в Коммунистическом университете
им. Я. М. Свердлова, Педагогическом институте им. К. Либкнехта и во Всесоюзном ин-
ституте журналистики (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, ед. хр. 698, л. 99, 100). Замысел
учебника не был осуществлен.

² «Федерация» — изд-во Федерации объединений советских писателей (ФОСП);
было создано в 1929 г. в Москве на базе нескольких кооперативных издательств, в том
числе «Круга».

³ Андрей Иванович Желябов (1850—1881) — выдающийся русский революционер,
один из руководителей общества «Народная воля». Книга Воронского «Желябов» вышла
в 1934 г. в серии «Жизнь замечательных людей».

⁴ Липецкий съезд «Народной воли» состоялся в июне 1879 г.

81. ВОРОНСКИЙ — А. Г. ГОРНФЕЛЬДУ

〈Москва, 28 марта 1933 г.〉

Тов. Горнфельду А. Г. Ленинград, ул. Некрасова, д. 58, кв. 26.

Письмо ваше получил. Статья принимается целиком. Сокращения в «Записных книжках» Владимира Галактионовича будут сделаны, но с таким
расчетом, что они вашей статьи не затронут. От нее очень много зависело.
Вступительные статьи к черновым записям всегда в большой мере определяют
книгу. Вы превосходно, по-моему, разрешили эту задачу. Ваша статья со-
держательна и интересна¹.

Привет.

А. Воронский

28/III—33 г.

ЦГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 259, л. 2.

На бланке Гос. издательства художественной литературы.

Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867—1941) — критик и литературовед.

¹ 9 января 1933 г. Воронский, работавший в то время редактором Издательства ху-
дожественной литературы, заказал Горнфельду вступительную статью к «Записным книжкам» В. Г. Короленко (ЦГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 259, л. 1). 21 марта 1933 г.
дочь писателя Софья Владимировна Короленко сообщила Горнфельду, что, передавая
ей предисловие, «Воронский его очень хвалил» (там же, ед. хр. 343, л. 2). Книга вышла
в 1935 г.

82. ВОРОНСКИЙ — В ИЗДАТЕЛЬСТВО «ACADEMIA»¹

〈Москва, июль 1933 г.〉

Героическая поэма Плотникова на мой взгляд является событием в нашей
литературе². Во многих отношениях она выше «Песни о Гайавате»³, в во-
гульской поэме цельнее сюжет и мысль значительнее; образы Базы, Очи,
Мэйка великолепны. С. А. Клычков превосходно отредактировал поэму,
внес в нее немало чудесных образов, выправил много стихотворных шеро-
ховатостей и прямых оплошностей. Все же мне представляется необоснован-
ным изменение заглавия; «Янгал-Маа» («Тундра») лучше «Мадур-Базы», оно
глубже передает сокровенный смысл поэмы⁴. Кое-где выправка спорна. Вви-
ду того, что в печати я уже встречал отчеты о «новой поэме Клычкова», счи-

таю со всею категоричностью нужным заявить: поэма эта, как бы ни была серьезна правка ее со стороны С. А. Клычкова, все же целиком принадлежит Плотникову.

Не касаюсь здесь вопроса о гонораре, но говорю о том, как все это будет напечатано, а напечатано должно быть, по-моему, так: «М. Плотников. «Янгал-Маа», под редакцией и в обработке Клычкова». Предисловие Плотникова необходимо сохранить. Нужно также сохранить песню 19-ую — «Последняя песня Куксы» и песню 20-ую — «Ожидание Вазы», не включая их в основной текст, но поместив их позади текста петитом и с соответствующим примечанием⁵. Нужно также по выбору дать одну из песен в обработке самого Плотникова, чтобы читатель сам имел представление, что принадлежит Плотникову, а что Клычкову. В общей вступительной статье нужно подробно, помимо всего прочего, отметить историю рукописи, роль и Плотникова, и Клычкова, а также выяснить, почему взят размер «Калевалы» и «Песни о Гайавате»⁶.

Кое-где С. А. Клычков злоупотребляет вогульскими словами с их пояснением в тексте. Прием этот использован в очень сильной мере.

Вообще же поэма — произведение замечательное и работа редакционная С. А. Клычкова совершенно исключительна по своим достоинствам.

А. Воронский

ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 464, л. 85.

Копия. Датируется по находящимся в деле документам.

¹ «Academia» (1922—1938) — советское изд-во, выпускавшее главным образом книги по литературе и искусству.

² Двенадцать лет понадобилось М. А. Плотникову, чтобы из собранных им сказаний и шаманских песен вогулов составить, путем стихотворной обработки их, эпос, известный под названием «Янгал-Маа».

³ Поэма американского поэта Генри Лонгфелло «Песня о Гайавате» (1885) написана на основе сказаний индейского народа.

⁴ На титульном листе книги, включавшей поэму Плотникова и вольный перевод ее, выполненный С. А. Клычковым, было обозначено: М. А. Плотников. Янгал-Маа. Вогульская поэма со статьей автора о вогульском эпосе.— С. Клычков. Мадур Ваза — победитель. Вольная обработка поэмы «Янгал-Маа». М.—Л., «Academia», 1933.

⁵ Песнь девятнадцатая («Последняя песня Куксы») и песнь двадцатая («Ожидание Вазы») были сохранены, но включены в основной текст как заключительные главы, без шрифтового выделения, как предлагал Воронский.

⁶ Пожелание Воронского было выполнено, и в предисловии «От издательства» упомянутые им вопросы получили освещение.

83. ВОРОНСКИЙ — Н. И. ЗАМОШКИНУ

(Москва. 25 сентября 1934 г.)

Н. И. З а м о ш к и н у

Предлагаю вам прокомментировать и написать предисловие к «Недорослю»¹ и двум книжкам «Библиотеки начинающего читателя»². Условия общие.

А. Воронский

19—25/IX—34 г.

ЦГАЛИ, ф. 2569, оп. 1, ед. хр. 99, л. 4.

¹ Пьеса Д. Фонвизина «Недоросль» с предисловием Замошкина не выходила.

² «Библиотека начинающего читателя» — серия небольших брошюр зарубежных, русских дореволюционных и советских писателей, выпускавшихся Гослитиздатом. Часть из них сопровождалась примечаниями и небольшими предисловиями. Замошкин в подготовке этих изданий не участвовал.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л. Н. СЕЙФУЛЛИНА — В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

(Москва. 10 декабря 1923 г.)

В редакцию журнала «Молодая гвардия»

Ввиду тесной, внешней и внутренней, связи редакции журнала «Молодая гвардия» с редакцией «На посту», я отказываюсь от непосредственной работы в редакции и от сотрудничества в журнале «Молодая гвардия». Т. Либединский, т. Авербах и т. Зонин слышали от меня неоднократно заявление о том, что я не разделяю отношения журнала «На посту» к журналу «Красная новь» и к редактору ее тов. Воронскому в частности¹. Известно им также, что я сотрудничаю в журнале «Красная новь» и буду продолжать сотрудничать, если написанное мной будет нужно этому журналу.

А все же, невзирая на это, мой разговор в редакции «Молодой гвардии» об отношении к современной беллетристике тов. Воронского был искажен, и мне случайно стало известно, что его хотят использовать в полемике с тов. Воронским руководители журнала «На посту».

Об этом инциденте я написала тов. Лелевичу. Письмо известно редакции «Молодая гвардия». Повторять его в данном заявлении — излишне. Такого отношения ко мне я допустить не могу. Не желая быть втянутой в атмосферу склонничества и сплетен, я вынуждена уйти от близкого соседства к журналу «На посту». Естественно, что после этого заявления не может идти в «Молодой гвардии» и мой рассказ «Преступление»².

Прошу прислать его мне, а полученный за него гонорар я возвращу в кассу издательства.

Одну, имеющуюся у меня для прочтения, рукопись — возвращаю.

Л. С е й ф у л л и н а

10-го декабря 1923-го года

АГ, П-ка КН, 1-65-1.

На автографе помета автора: «Копия».

Лидия Николаевна Сейфуллина (1889—1954) начала литературную деятельность в 1922 г. В КН впервые выступила в декабре 1923 г. с рассказом «В будний день» (№ 7). Затем последовали «Мужицкий сказ о Ленине» (1924, № 1) и две повести — «Вириона» (1924, № 4 и 5), «Встреча» (1925, № 7, 9 и 10). Воронский посвятил Сейфуллиной статью из цикла «Литературные силуэты», в которой дал высокую оценку ее творчеству и ее позиции художника: «Сейфуллину считают «попутчиком», но в ее художественном восприятии нашей эпохи больше коммунизма, чем иногда у тех, кто своей специальностью избрал травлю «попутчиков» (Л. Сейфуллина). — КН, 1924, № 5, с. 300).

¹ Журнал «Молодая гвардия» начал выходить в 1922 г. В нем наряду с комсомольскими поэтами, с такими прозаиками, как А. Фадеев, Ю. Либединский, А. Неверов и др., начала сотрудничать и Сейфуллина (рассказ «Инструктор красного молодежа» — 1923, № 3). В 1923—1924 гг., в период ожесточенной литературной полемики, журнал, в редакцию которого входили «напостовцы» Л. Л. Авербах (редактор), А. И. Зонин (зам. редактора) и И. В. Бардин, выступил с резкими нападками на Воронского и КН.

² Рассказ «Преступление» вышел в 1924 г. отдельной книгой в изд-ве Главполлитпросвета «Красная новь».

П. В. КУПРИЯНОВСКИЙ

А. К. ВОРОНСКИЙ В ГАЗЕТЕ «РАБОЧИЙ КРАЙ»

1

Широкую известность в литературе Александр Константинович Воронский получил в 20-е годы. В это время он был редактором журналов «Красная новь» и «Прожектор», руководил издательством «Круг», состоял членом правления Госиздата, выступал как литературный критик, активно участвовал в дискуссиях по литературно-эстетическим вопросам. Его статьи печатались в газете «Правда», в журналах «Красная новь», «Печать и революция», «Прожектор» и других изданиях. В 20-е годы вышло девять его книг литературно-критического, теоретического и полемического характера¹. Поэтому